В. П. Грицкевич

Путешествия наших земляков

Из истории страноведения Белоруссии

Минск
Наука и техника 1968

Египет, Балканы, Гвиана, Перу, Чили, Гавайские острова, Сибирь, Арктика... Немало увлекательных путешествий по этим землям совершили в разное время выходцы из Белоруссии. Разные причины привели их в далекие края. Одни путешествовали из простого любопытства, другие покидали родину, спасаясь от преследования царских властей, третьи отправлялись в путь ради служения науке.

В книгу вошли описания путешествий Миколая Радзивилла (Сиротки), С. Русецкой, А. Сапеги, И. Домейко, К. Ельского, Б. Дыбовского, Я. Черского, Н. Судзиловского, А. Вилькицкого, О. Шмидта.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Предисловие

История развития научной, особенно природоведческой, мысли в Белоруссии изучена очень слабо. А между тем белорусская земля дала в прошлом целый ряд замечательных ученых, выдающихся исследователей и путешественников. Достаточно назвать имена таких биологов-эволюционистов XIX века, как П. Горянинов и С. Куторга, которые внесли значительный вклад в развитие естествознания в России. Выходцы из Белоруссии совершили немало увлекательных путешествий. Этим они содействовали немалому развитию географических наук. В то же время исследование их прогрессивного наследия позволяет значительно пополнить наши знания о развитии научной мысли в Белоруссии.

В литературе до сих пор отсутствует полный обзор материалов путешествий наших земляков. Одни их работы забыты и стали библиографической редкостью, о других же совершенно не упоминалось в отечественной литературе. В печати не раз высказывались предложения о том, чтобы переиздать наиболее интересные материалы путешествий наших соотечественников. Пока же такой книги нет, мы сочли возможным предложить вниманию читателей описание наиболее значительных странствий уроженцев Белоруссии.

Сведения эти представляют только часть накопленного материала о развитии страноведения в Белоруссии. В книгу вошли описания путешествий Миколая Радзивилла (Сиротки) по Ближнему Востоку (XVI век), С. Русецкой по Южной и Восточной Европе (XVIII век), А. Сапеги по славянскому побережью Адриатического моря и Ю. Немцевича по США (конец XVIII — начало XIX века), И. Домейко и К. Ельского по Южной Америке (середина XIX века), Б. Дыбовского и Я. Черского по Сибири и Дальнему Востоку (вторая половина XIX века), Н. К. Судзиловского по Гавайским островам (конец XIX века), А. Вилькицкого и О. Шмидта по Арктике (конец XIX — первая половина XX века) и некоторые другие. Нас не должен останавливать тот факт, что в досоциалистическую эпоху путешествия предпринимались, как правило, представителями имущих классов. Описания путешествий содержат большой фактический материал, хотя и преломленный сквозь призму классового сознания их авторов. Они полны ценных сведений о природе и быте других земель и служили идеям развития просвещения и гуманизма. Описаний путешествий М. Радзивилла, А. Сапеги, Ю. Немцевича до сих пор в нашей литературе не было. Впервые рассматривается и дневник С. Русецкой. Микрофильм его рукописи получен из библиотеки Чарторыйских в Кракове[1] Поэтому в книге уделяется гораздо больше места именно этим путешествиям, чем, скажем, не менее интересным путешествиям Б. Дыбовского, Я. Черского, О. Шмидта, получившим отражение в монографиях Г. Винкевича, Г. Ревзина и сборниках биографических материалов о Я. Черском и О. Шмидте (Г. (А.).

---

[1] Пользуясь случаем, сердечно благодарим за помощь и получении микрофильма профессора Алодию Грыч (Варшава) и доцента Ежи Затея (Краков).

Винкевич. Б. Дыбовский (основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961; Г. (А.). Винкевич. Выдающийся географ и путешественник. Минск, 1965; Г. И. Ревзин. Подвиг жизни Ивана Черского. М.-Л., 1952; И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск, 1956; Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. Сборник, посвященный Герою Советского Союза О. Ю. Шмидту (1891-1956). М., 1959). Описания путешествий выходцев из Белоруссии позволяют расширить представления о различных странах, где они побывали, их природе, населении, быте в прошлом. Они не утратили познавательного значения и сегодня.

Книга может иметь и общественно-политическое значение в наше время бурного развития международных экономических и культурных связей. Она позволяет судить о гуманном отношении к народам других стран со стороны наших земляков. Это не удивительно. В XIX веке многие из них были политическими эмигрантами или политическими ссыльными и не могли оставаться равнодушными к бедствиям трудовых масс. Некоторые из них стали создателями революционных партий и активными участниками борьбы против колониализма (Н. Судзиловский), успешно содействовали развитию просвещения и культуры (И. Домейко, К. Ельский).

Обилие цитат в книге объясняется желанием автора донести до читателя голос прошлого, ибо при попытке пересказа дневников и путевых очерков нередко теряются аромат и краски описаний. Для воссоздания колорита эпохи иллюстрации репродуцировались М. И. Гарбером из современных путешествиям изданий. За это мы выражаем ему свою глубокую и искреннюю благодарность.

Тем, кто не имел возможности побывать в местах, описанных нашими земляками, их дневники и записки, порой изложенные художественно, порой скромно и непритязательно, должны были в свое время доставлять впечатления о дальних странах. Хотелось бы, чтобы эти впечатления в какой-то мере могли получить и читатели этой книги. Их отзывы и мнения оказались бы весьма ценными для автора, который с благодарностью примет их.

НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

М. К. Радзивилл (Сиротка). С гравюры XVIII века

Имел Мартын с паломниками встречи.
Дерзал и на Евфрате побывать,
Из Тигра пить, бродить по Междуречью
и даже гроб господень целовать.
Кой-кто бывал за нильскими горами,
в той области, где правит эфиоп,
Где люди наги, а в престольном храме
справляет службу негритянский поп.
...Но знал Мартын — рабы повсюду слабы,
а господа везде свирепы суть,
От Иерусалима до Каабы
один и тот же каменистый путь.

Л. Мартынов. Искатель ран.

В стране пирамид

Познания о мире у наших предков складывались постепенно на основе описаний путешествий, которые часто не преследовали далеко идущих целей. За 400-800 лет до наших дней выходцы из Белоруссии ездили за ее пределы, не стремясь открыть новые земли. У них были более скромные цели.

Купцы ехали за море для торговли и составляли путевые заметки[1] С XV века молодежь потянулась в европейские университеты. Просмотр сохранившихся и изданных метрик университетов показал, что среди студентов было немало выходцев из Белоруссии и Литвы. С. Кот насчитал за сто лет реформации (с середины XVI века) 466 студентов только из магнатских семей этих краев (S. Kot. La reforme dans Le Grand Duche de Lithuanie. Annuaire de Г Institute de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. 12, Bruxelles, 1953, p. 240-244).

Выходцы из Белоруссии занимались в университетах Германии (Альтдорф, Виттенберг, Вюрцбург, Галле, Гейдельберг, Диллинген, Иена, Ингольштадт, Кельн, Кенигсберг, Майнц, Марбург, Лейпциг, Седан, Страсбург, Тюбинген, Франкфурт-на-Одере, Фрейбург, Цербст), Австрии (Вена, Грац), Швейцарии (Базель, Цюрих), Нидерландов (Гронинген, Лейден, Лувен, Фраиекер), Франции (Орлеан, Париж), Италии (Болонья, Падуя, Перуджа, Сьена, Рим) и т. д. (Album

---

[1] Около 1265 года полоцкий князь Изяслав просил ливонского геррмейстера, чтобы тот пропускал полоцких и витебских купцов «в Любек, на Немецкий и Готский берега», т. е. в Германию и Швецию (Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб, 1857, стр. 11в; Русско-Ливонские акты. СПб, 1868, стр. 13).

Academiae Vitebergensis ab a. Ch. 1501 usque ad a. 1602, V. 1, Lipsiae, 1841; V. 2, Halis, 1894; V. 3, Halis, 1905;

Album studiosorum Academiae Lugduno-Bataviae 1575-1875, Haag, 1875;

Urkunden zur Geschichte der Universität Tübingen aus den Jahren 1476 bis 1550, Tübingen, 1877;

Akten der Erfurter Universität, B. 1, Halle, 1881; B. 2, Halle, 1889;

Metrica non liber nationis polonicae universitatis Lipsiensis ab anno 1409 usque ad 1600. «Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce», Kraków, 1882, str. 409-467;

Album studiosorum Academiae Rheno-Traiectinae, 1636-— 1886, Utrecht, 1886;

Acta nationis germanicae universitatis Bononiensis. Ed. E. Friedlander et C. Malagola, Berolini, 1887;

Ältere Universitäts Matrikeln. 1. Universität Frankfurt a. Oder, B. 1, Leipzig, 1887; B. 2, Leipzig, 1888; B. 3, Leipzig, 1891;

Ältere Universitäts Matrikeln. 2. Universität Greifswald, B. 1 (1456—1645), Leipzig, 1893; B. 2 (1646-1700), Leipzig, 1894; Die Matrikel der Universität Leipzig, B. 1-3, Leipzig, 1909; Die Matrikel der Universität Freiburg in Breissau von 1460-1656, B. 1-2, Freiburg, 1910;

Die Matrikel der Universität Königsberg in Preussen, B. 1, H. 1, Leipzig, 1908; B. 2, H. 1-2, Leipzig, 1911;

Album Academiae Vitebergensis, Jüngere Reihe, t. 1 (1602-1660), Magdeburg, 1934; t. 2 (1660-1710), Halle, 1952;

Matrikel der Marthin-Luther Universität Halle-Wittenberg, B. 1 (1690-1730), Halle, 1960;

J. Karłowicz. Polacy na Wszechnicy Heidelberskiej w wiekach XV do XVII. «Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego», t. XV, 1887, str. 310-328;

J. Kallenbach. Polacy w Bazylei w XVI wieku. «Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce», t. 6, Kraków, 1890, str. 1-9;

T. Grabowski. Polacy na uniwersytecie Lejdejskim. «Sprawozdania i czynności posiedzień Akademii Umiejętności w Krakowie», t. XV, Marzec 1910, N 3, str. 2-4;

J. Lachs. Polscy uczniowie Padewskiej Szkoły lekarskiej. «Archiwum historji i filozofji medycyny», z. 2, 1925, str. 127-149; z. 3-4, 1926, str. 275-90.

J. Wybicki. Zycie moje. Kraków, 1927;

T. Wotschke. Polnische Studenten in Frankfurt. «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», N. F., B. 5, 1929, H. 2 S. 228-244

Ś. Sokół. Polnische Mediziner in Basel im XVI-XVII Jahrhundert. «Kwartalnik historii nauki i techniki», 5. Jg., 1959, N 2, Sonderheft, S. 175-190).

Некоторые вельможи ездили заграницу лечиться (чаще всего на курорты)[1]. Послы посещали другие государства с дипломатическими целями.

Уроженка Полоцка, дочь князя Георгия Евфросиния, прозванная Полоцкой, «с юных лет посвятившая себя учению и книжному списыванию», переписывалась и встречалась с византийским императором МануйлОм. Под кбнец жизни она переехала в Иерусалим, где умерла 23 мая 1173 года.

С насаждением христианства богатые паломники стали ездить в «святые места», чтобы лично убедиться в существовании местностей, в которых якобы происходили описанные в библии события, в конкретности элементов новой религии, увидеть природу и богатства дальних краев. Их рассказы дополняли представления наших предков о земле и часто опровергали церковные взгляды на строение света.

Описания подобных путешествий получили название «хождений». К видным памятникам паломнической литературы М. К. Добрынин относит «хождение» Игнатия Смолнянина — спутника смоленского епископа и московского митрополита, который в 1389-1393 годах был в Константинополе, а в 1393-1395 годах — в Иерусалиме, в 1396 году — на горе Афон в Греции. По словам М. К. Добрынина, «включение «Хождения Игнатия Смолнянина» в историю древней белорусской литературы является вполне закономерным»[2]

Б. М. Данциг отмечает, что Игнатий первым из русских путешественников описал малоазиатское побережье[3].

За десяток с лишним лет до Игнатия страны Ближнего Востока посетил его земляк Агрефений. Он описывал возделываемые в этих странах культуры, некоторые промыслы [4].

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, т. I. Вильна, 1867, стр. 208; Sapiehowie. Materjały genealogiczne i majątkowe, t. 1, Petersburg, 1890, str. 211, 224, 229; t. 2, Petersburg, 1891, str. 8-9; M. Janik. Polacy na Syberji. Kraków, 1928, str. 77.

[2] М. К. Д а б р ы н і н. Беларуская літаратура. Старажытны перыяд. Мінск, 1952, стар. 135. Со второй половины XIV столетия Смоленское княжество вместе с теперешними белорусскими землями входило в состав одного государственного объединения — Великого княжества Литовского.

[3] Б.М. Данциг. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965, стр. 17.

[4] Хождение архимандрита Агрефения около 1370 г. В кн.: Палестинский православный сборник, т. 16, вып. 3. СПб. 1896.

В XIII-XIV веках территория современной Белоруссии подпала под власть литовских феодалов, о чем Ф. Энгельс писал: «В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству»[1]

В составе этого государства белорусские, украинские и частично русские земли занимали преобладающую часть, а старобелорусский язык стал государственным.

И в этот период в Белоруссии продолжались традиции «хождений». Наиболее ярким из них представляется путешествие несвижского князя Миколая Криштофа Радзивилла по прозванию Сиротка (1549-1616).

В XVI веке «а территории Белоруссии наблюдается значительное развитие товарно-денежных отношений, ремесел, культуры, рост городов. Было юридически оформлено закрепощение крестьян.

Ввиду возраставшей мощи соседнего Русского государства и тяготения к нему большинства населения Белоруссии и Украины, феодалы Великого княжества Литовского, опасаясь распада государства, пошли на сговор с польскими феодалами и подписали в 1569 г. Люблинскую унию, по которой в состав объединенного Польско-Литовского государства Речи Посполитой входила и территория Белоруссии.

Практика ополячивания населения Великого княжества Литовского, проводившаяся католическим духовенством и польскими феодалами, вызывала противодействие белорусского населения. Оно создавало в городах свои организации — братства, которые учреждали школы, типографии, шпитали (учреждения по приюту престарелых и лечению хронических больных).

Большая часть феодалов перешла на сторону польских магнатов. «История учит,— писал В. И. Ленин,— что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, когда дело шло об удушении революционного движения угнетенных классов»[2] Поэтому в освободительной борьбе белорусского народа принимали в основном участие крестьяне и горожане. Только некоторая часть магнатов и шляхты пыталась противодействовать возраставшей роли польских феодалов в управлении Великим княжеством Литовским.

Не пытаясь обелять кого-либо из феодалов, одинаково благоденствовавших за счет труда крепостных, хочется отметить, что на фоне

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 22, стр. 18-19.

[2] В. И. Ле н и н. Поли. собр. соч., т. 13, стр. 302-303.

произвола и самодурства большинства магнатов некоторые из них, подобно их современникам в России А. Ордыну-Нащокину, Ф. Ртищеву, В. Голицыну, выглядели «белыми воронами». Они изучали природу, искусство, историю, открывали типографии, школы, шпитали.

Отец Сиротки Миколай Радзивилл Черный основал в Несвиже типографию, в которой печатал свои издания С. Будный. Криштоф Дорогостайский (1562-1616) из Мурованой Ошмянки составил и издал первое в Речи Посполитой сочинение по анатомии и физиологии лошадей «Гиппика», которое было переиздано семь раз[1]. Мартин Миколай Радзивилл (1705-1781) основал кабинеты физики и химии и занимался медициной[2]. Уршуля Радзивилл (1705-1753) сочиняла и ставила в Несвижском театре пьесы[3].

К этой части феодалов принадлежал и Миколай Криштоф Радзивилл. В юности он два года учился в Тюбингенском и Страсбургском университетах, был в Италии[4] Австрии, Франции (1566-1568)[5].

Миколай Радзивилл лечился на курортах в Яворове (Западная Украина, 1576), Германии (1578), Италии (1580)[6]. В 1583-1584 годах он посетил Восточное Средиземноморье и примерно в 1590-1595 годы составил окончательный текст дневника своих странствий, впервые изданного в 1601 году. С 1604 года Сиротка занимал пост виленского воеводы.

О популярности книги Сиротки говорит тот факт, что за три с половиной столетия — с 1601 по 1962 год она была издана на латинском, польском, немецком и русском языках девятнадцать раз.

Свое стремление написать книгу Сиротка объяснял тем, что хотел расширить кругозор своих земляков. Описание виденных им стран он основывал на своих наблюдениях, а не на книгах других писателей. Если бы я, говорил он, хотел «наподобие историков» писать, то не надо было выезжать из родного края, «тогда, дома сидя,

---

1 L. Gąsiorowski. Zbiór wiadomości do historyi sztuki lekarskiej w Polsce, t. 1. Poznań, 1839, str. 387.

2 K. Bartoszewicz. Radziwiłłowie, str. 88.

3 Teatr Urszuli Radziwiłłowej. Warszawa, 1961, 227 s.

4 H. M(erczyng). Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka i jego przyjęcie katolicyzmu w r. 1567. Przyczynek do dziejów reformacji w Polsce. Odbitka z «Przeglądu historycznego», t. XII, z. 1. Warszawa, 1911, str. 3.

5 H. Barycz. Polacy na studiach w Rzymie w epoce Odrodzenia (1440-1600). Kraków, 1938, str. 142.

6 J. S. Bystroń. Polacy w Ziemi Świętej, Syrii i Egipcie. 1147-1914. Kraków, 1930, str. 28.

от умерших учителей (т. е. из книг.— *В. Г.) о* всем мог бы рассказать»[1].

Вместе с тем Сиротка подробно изучал литературу о Ближнем Востоке. К. Хартлеб полагает, что при написании книги он пользовался богатой несвижской библиотекой. В тексте книги есть ссылки на девять сочинений (не считая библии). Сиротка цитировал историков I в. н. э. Иосифа Флавия, Плиния, Тацита, путешественников XI-XII веков монаха Кедрена и Вениамина из Туделы, писателей XVI века Пьера Беллона, Христиана ван Адрихума, епископа Стонского Бонифация Стефана из Дубровника [2].

А. Сайковский также полагает, что Сиротка обращался к упомянутым в каталогах его библиотеки сочинениям Иеронима Прада и Иоанна Виллапанда, книге «Экзотическая библиотека», «Мусульманским историям», карте Европы и Африки на пергаменте [3].

Критический подход Сиротки к использованной им литературе выгодно выделяет его из числа авторов многочисленных компилятивных сочинений о Ближнем Востоке. Он проявляет, например, сомнения по поводу высказывания Кедрена о гиппопотаме: «Кедрен пишет , что такой величины этот зверь бывает, что слона может целиком проглотить, которого и живым нам перед этим удавалось видеть; но, что он мог бы съесть слона, это невозможно» [4].

Основой для сочинения Сиротки был его дневник (а не письма, как полагали ранее, до издания книги 1925 года). Вполне возможно, что Сиротка пользовался записями спутников по путешествию [5].

Как подчеркивает Я. Быстронь, в сочинении Сиротки религиозные интересы отступают на задний план, а описание «святых мест» занимает сравнительно немного места. В Палестине Сиротка провел в четыре раза меньше времени, чем в Египте[6]

---

[1] M.K.Radziwiłł «Sierotka». Podróż do Ziemi Świętej, Syrii i Egiptu. 1582-1584. Opracował L. Kukulski (в дальнейшем: Podzóż. M. Radziwiłł), Warszawa, 1962, str. 247-248.

[2] M. Harlleb. Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła pielgrzymka do Ziemi Świętej. Prace historyczne. W 30-lecie działalności profesorskiej St. Zakrzewskiego (в дальнейшем: M. Harlleb. M. Radziwiłła pielgrzymka). Lwów, 1934, str. 21-22.

[3] A. Sajkowski. Od Sierotki do Rybeńki. W kręgu radziwiłłowskiego mecenatu. Poznań, 1965, str. 36.

[4] M. Radziwiłł. Podróż, str. 136.

[5] M. Hartlleb. M. Radziwiłła pielgrzymka, str. 16-17.

[6] J. S. Bystroń. Polacy w Ziemi Świętej, str. 28; M. Kaczmarek. Szkice z typologii pamiętnikarstwa staropolskiego w XVI w. Prace polonistyczne. Łódź, 1961, str. 33.

Гиппопотам

Он постоянно отходил к вопросам конкретной действительности. Даже описывая «святыни», Сиротка больше говорит о зданиях, указывает на их местоположение, размеры, материал, из которого они выстроены.

Сиротка неоднократно подвергает сомнению библейские мифы. На основании показаний механических часов и компаса он отмечал неравномерность дня и ночи на Востоке, что противоречило учению библии[1].

При виде церковных достопримечательностей его также охватывали сомнения, которыми он не боится делиться с читателем. Вот что пишет Сиротка, когда ему показали источник, в котором якобы апостол Филипп крестил евнуха царицы Кандацеи: «Но кто здесь видел, иначе не скажет, так как один источник из тесной скалы выходит и так скуден, что обеих ног не было бы чем полить. Поэтому скорее надо говорить, что святой апостол только голову его полил и так его окрестил»[2]

Критицизм Сиротки особенно заметен при описании Мертвого моря, когда он не обнаружил чудесных фруктов, якобы обращавшихся в пепел, как писал об этом И. Флавий. Не увидел он и описанной в библии статуи из соли жены Лота, о которой долго и тщетно расспрашивал местных старожилов[3].

Описание пути Сиротка начинает с того, что 16 сентября 1582 года выехал из Несвижа. 8 декабря он прибыл в Венецию, откуда отплыл со своими спутниками только 17 апреля 1583 года.

---

[1] A. Kowalska. Z badań nad peregrynacją Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła. Odbitka z «Prac polonistycznych». Seria III. Łódź 1938, str. 40

[2] M. Radziwill. Podróż, str. 90.

[3] Там же, str. 96-97.

В мае судно находится в Средиземном море. Миновав острова Коркира и Кефаллония, оно прибыло на остров Зацинт (Занте). Здесь Сиротка обращает внимание на старинные сооружения, чаще всего ничем не связанные с историей церкви. Так, в монастыре ему показали «камень, который был над гробом Цицерона (знаменитого римского оратора I в. до н. э.— *В. Г.)* с греческой надписью» и сказали, что «под ним в каменном кувшине лежит его пепел» [1]. Как мы видим, еще не доехав до «святых мест», Сиротка подробно описывает гробницу Цицерона, которого церковь считала недостойным внимания язычником. Уже в этом факте ощущается интерес путешественника к истории и искусству.

В дальнейшем он нередко сравнивает строения с парижскими и римскими зданиями, подробно описывает колонны, мозаики, интерьеры храма Иоанна Крестителя в Дамаске, дворца Гауреа в Каире, форму окон в домах египтян. Все это свидетельствует об умении дать архитектурным сооружениям определенную эстетическую оценку[2]

Колонна Помпея в Александрии

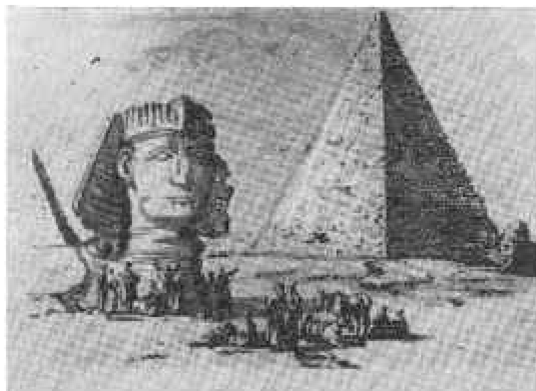
Сиротка оставил описания знаменитого критского лабиринта, который считал старинными каменоломнями, развалин древнего критского города Гортины и моста из камней, спаянных свинцом.

---

[1] Там же, str. 19.

[2] M. Hartleb. M. Radziwiłła pielgrzymka, str. 24-25.

При посещении иерусалимского храма гроба господня автор «Путешествия» обратил внимание на надгробия исторических лиц — вождей крестоносцев Балдуина Фландрского и Готфрида Бульонского[1].



Сфинкс и пирамиды

Подробно описал Сиротка пруд, который, по преданию, принадлежал жене царя Давида Вирсавии[2]. В Египте он побывал у сфинкса и пирамид, в Александрии—у древнехристианской колонны, которую тогда неправильно связывали с именем римского полководца Помпея.

В пещерах с древнеегипетскими захоронениями Сиротка видел множество забальзамированных трупов, «из которых тел мумию берут[3]. ...Что-то особенное это должно быть, так как посейчас от трех тысяч лет и больше, как история пишет, не допустило малейшему члену сгнить. Около них лежат божки из какой-то крепкой лазоревой или коричневой глины» [4].

Лица погребенных были прикрыты масками, тела обвивались холстом. Тела знати лежали в каменных и дереёянных саркофагах, а тела прбстого народа — на голой земле.

Но гораздо в большей степени Сиротку интересовали климат и хозяйство стран, которые он посещал. Это дало повод П. Гильтебрандту назвать его книгу «произведением весьма наблюдательного и образованного человека»[5].

---

[1] M. Radziwiłł. Podróż, str. 58.

[2] Там же, стр. 84

[3] В те времена, да и позже мумия считалась лекарством.

[4] M. Radziwiłł. Podróż, str. 174-175.

[5] П. Гильтебрандт. Предисловие к книге «Похождение в Землю святую князя Радивила Сиротки. 1582-1584 гг.» СПб, 1879, стр. XI.

На острове Занте Сиротку интересовало возделывание апельсинов, лимонов, винограда, вывоз их; на острове Кипр — выпаривание соли из морской воды: «Мы приплыли к солеварням, где соль, которую только солнце, как лед морозом, жаром своим осаждает, так что по соли ходить можно, хотя под нею вода (пресная и вкуса хорошего)» [1].

Сиротка очень подробно рассказывает о Дамаске: «Дамаск город весьма населенный, большой (его в длину оценивают в две мили) и чудесный, однако от моря далеко расположенный, а купцы из Европы весьма редко бывают там» [2].

Турецкие власти, писал он, подвергали паломников в городе всевозможным ограничениям: «Когда мы подъехали к городским воротам, то слезли с коней, потому что христианам нельзя в больших турецких городах верхом ездить, особливо в Дамаске»[3].

Он видел в Дамаске индийских торговцев драгоценными камнями, у которых «в щеки и лоб были вправлены драгоценности».

Из Дамаска Сиротка отправился к Тивериадскому озеру, которое «имеет в длину... около десяти миль наших, а широко, как где, однако около трех миль едва бывает»[4]. В описании его путешественник ссылается На понятныё читателю примеры, указывая, что озеро «имеет воду пресную, ибо купались в нем, и воду пили; и рыбы там очень хорошие, вроде карасей, и дешево их продают»[5]

Нельзя не отметить красочность описаний природы, сделанных Сироткой. В описании Мертвого моря, меняющего свой цвет в зависимости от времени дня, чувствуется умение настоящего художника: «Это море или скорее озеро (ибо в длину имеет 20 миль, а в ширину 6 или 7 миль)... сернистое, имеет и каменье около себя, которое, если зажгут, горит как дерево (я привез с собой такие камни, что увидеть каждый может). Иосиф (Флавий.— *В. Г.)* (кн. 5 «О войне иудейской», гл. 5) правдиво это озеро описывает, а особенно, что трижды изменяется на день, что я хорошо видел, ибо рано вода была черноватой, к полудню, когда солнце нагреет (так как там сильная жара), то голубеет вся вода, наподобие голубого сукна, к вечеру же перед заходом солнца, когда солнечный жар спадет, вода красноватая или рыжая, как если бы ее с глиной смешали.

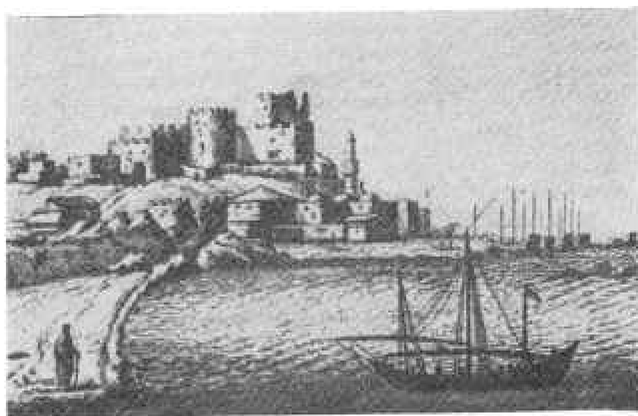
---

[1] M. Radziwiłł. Podróż, str. 24.
[2] Там же, str. 34.
[3] Там же
[4] Там же, str. 45.
[5] M. Radziwiłł. Podróż, str. 45.

Страшно взглянуть на это озеро, так как горы поблизости большие и глухие, а вода такая густая, безобразная и сильно воняет, а если ее каплю на язык поместить (как мы пробовали), очень щиплет и смрадом голову наполняет» [1].

Река Иордан, впадающая в Мертвое море, по свидетельству путешественника, имела «воду весьма мутную, но здоровую для питья. Она никогда не смердит, сколько долго я ни держал ее в каком-нибудь сосуде, как это видно из того, что я привез ее с собой» [2].

Автор «Путешествия» пишет о разнице в климатических условиях в близлежащих местностях и объясняет это тем, что они отделены друг от друга горами. Так, еще на Крите он отмечал: «Удивительно видеть большую и быструю перемену климата, когда прямо с юга к северу идешь, а особенно через гору, как и на этом острове, когда проехали горы (ибо от Кандии к Гортине, прямо к югу, а не будет более семи миль): уже тогда около Гортины было уже сжато, а около Кандии зерно не созрело; фрукты тоже уже созрели некоторые, а около Кандии им было далеко до того»[3]



Иоппа. С гравюры XVIII века

Из Иерусалима Сиротка 9 июля 1583 года выехал в Иоппу[4], а оттуда через Кесарию, Сидон, Тир и Берит (Бейрут) попал в Триполи, из которого в свое время выехал в Дамаск. Так как в стране было

---

[1] Там же, str. 96-97.
[2] Там же, str. 98.
[3] M. Radziwiłł. Podróż, str. 21.
[4] Ныне Яффа.

беспокойно из-за междоусобных войн, путешественник со своими спутниками 29 июля отплыл вновь на Кипр. Здесь Сиротка видел хлопкосеяние. Вот как об этом он пишет:

«Перед выездом моим с Кипра видел там и то, как хлопок сеют, отчего прибыли удивительные ежегодно идут, ибо судна оттуда ничего другого не берут, кроме соли (говорил уже о ней) и хлопка, как и то (судно моряка) Торнелли, на котором мы сюда впервые приплыли: выбросив песок, нагрузились хлопком, в Триполи частично за скарлат (алое сукно.— *В. Г.)* променяли, частично за деньги продали, а затем, бархата и других заморских товаров накупивши, уплыли.

Как хлопок сеют, как его собирают, уже другие писали, я только добавлю, что раз посеяв, даже до третьего года (он) родит постоянно, и собирают (его) всегда. Это делается оттого, что когда собирают, семя, которое тяжело, выпадает на землю, и так родит, но каждый год меньше, до четвертого, так что если хочешь собирать, то должен снова посеять»[1].

С Кипра 8 августа Сиротка направился в Египет. Он пишет о величии Нила и Каира, сравнивая их с реками и городами Европы. Нил, по его мнению, у Каира «шире в два раза, чем Дунай под Линцем, а Каир больше в пять раз, чем город Париж во Франции, но не таким порядком и чудом построен» [2].

Когда Сиротка 14 августа приехал в Каир, он и его спутники подверглись таможенному досмотру. Однако таможенник, когда он услышал, что они разговаривают не на местном языке, очень быстро отпустил путешественников, так как был евреем, родом «из Хелма русского (город около Люблина.—*В. Г.)*»[3].

Сиротка рассказывает о снабжении водой и питании жителей Каира: «Есть 8000 верблюдов, которые из Нила в город воду возят, на каждом два кожаных мешка... Эту воду продают, так как плата от этого (идет) паше, а той, что останется в сумах, поливают улицы... Харчевен общественных здесь около 20 тысяч... Люди все покупают из харчевен, в которых достаточно мяса, особенно баранины, кур, гусей, и рису более всего, ,и пирогов на масле»[4]

Сиротку, как в середине XVII века и Василия Гагару и Арсения Суханова [5], удивили примитивные инкубаторы в египетском городе

---

[1] M. Radziwiłł. Podróż, str. 133.
[2] Там же, str. 140.
[3] Там же, str. 141.
[4] M. Radziwiłł. Podróż, str. 145.
[5] Б. М. Данциг. Русские путешественники на Ближнем Востоке, стр. 32, 37.

Сербине: «Мы присматривались к печам,— пишет он,— в которых цыплята лежали, они на манер шатра сделаны из соломы и обмазаны глиной, круглые в середине; наверху круглое отверстие или окно, но такое малое, чтобы солнце не повредило лучами своими яйцам, когда они лежат на земле, чтобы не испеклись... Эти печи имеют дверцы с юга, а двери с севера, которые навозом воловьим или буйвольим на ночь зажженым согревают, чтобы ночной холод яиц не охладил» [1].

Его внимание привлекло поливное земледелие и плодородие почвы в Египте. Описывая урожайность земли и плотность населения в стране, Сиротка ссылается на местных купцов: «А такой здесь большой урожай, когда плодородный год, что отправив свою дань, которую великую отдают (туркам.— *В.Г.),* на пропитание себе оставив (а людей определенно ни в одном королевстве больше нет, чем в Египте, кроме Китая, который также хвалят по этой причине)...»[2]

Он также пишет о важной роли разливов Нила в хозяйственной жизни Египта, о столбе на острове Мелхиас, «на котором отмечают, как много и как быстро убывает и прибывает вода»[3] о празднике пуска воды в канал и радости народа по поводу будущего урожая. Жители Каира в этот день одевали маски и плавали под музыку по Нилу в лодках. С галеры .одного из правителей Египта сыпались сладости, земля казалась белой, как снег, от тюрбанов египтян.

Тут же автор «Путешествия» подчеркивает, что большую часть воды присваивали себе турецкий султан и паша: «Та вода, которая через городские каналы течет, уже выйдя из города, не идет в Дельту, но вправо к восходу солнца. Заливает она много места и особенно там, где больше всего и раньше всего деревни султана и паши, которых несколько тысяч, а в Дельте 20 000 деревень...» [4]

Не умолчал Сиротка о распространенном в Египте рабстве. Местные богачи имели помногу рабов, о которых один купец говорил путешественнику: «А если он захочет, тогда может всех убить, так как это его собственность, которую он купил, а с купленной вещью можно делать каждому то, что он хочет» [5].

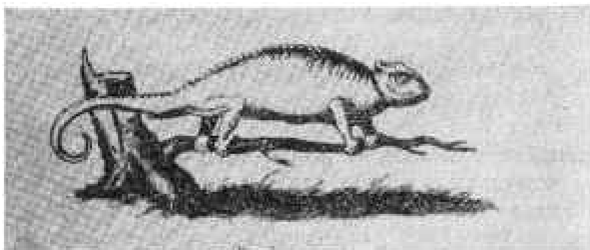
С возмущением писал Сиротка о рынке рабов: «А кто там негра или негритянку купит, то уже что хочет может с ними делать, ибо так турки говорят: «Я купил, а за свои деньги, могу пожелать: или

---

[1] M. Radziwiłł. Podróż, str. 137-138.
[2] Там же, str. 159.
[3] Там же, str. 148
[4] Там же, str. 158.
[5] Там же, str. 143.

кормить, или убить». Так как они гневливы, то многие их (рабов.— *В. Г.)* убивают, но за это там не карают» [1].

В «Путешествии» много места отведено описанию неизвестных жителю Белоруссии зверей. В одном из монастырей Иоппы Сиротке удалось увидеть интересное животное, которое он описывает так: «Похож на ящерицу и этой же величины, но не кусается, ибо рта не имеет, только воздухом живет; имеет небольшое отверстие, меньше перечного зерна, через которое вдыхает воздух; к тому же не злой, очень медленно ходит... и за целый день на локоть не двинется. На нем есть места, как черные точки, но пятнами, не весь пестрый.



Хамелеон

Что меняет свой цвет на тот, на который смотрит, это правда, кроме черной и желтой, что мы часто испытывали, но пятна на нем не меняются, а только шкура; глаза выпуклые, круглые и веселые, одновременно может смотреть одним глазом вверх, а другим вниз, или одним вперед, а другим назад, и если его посадят на какой-нибудь цвет, а другой с иной стороны сверху держать, то па обе сразу смотрит, на которую потом тщательнее, что глаза не спустит, в тот цвет изменится ... Не очищается, ибо нет чем, все срослось, а также не пьет и не ест» [2]

Обезьяна

Речь идет о пресмыкающемся хамелеоне. Правда, Сиротка ошибочно вслед за средневековыми натуралистами полагал,

---

[1] Там же, str. 160.
[2] M. Radziwiłł. Podróż, Str. 117-118.

что хамелеон не ест и не выделяет отбросов. В действительности это животное питается насекомыми.

Реальное описание Сироткой животного мира Ближнего Востока представляет интерес для читателей того времени только уже потому, что они до этого должны были принимать на веру фантастические описания зверей в переводной повести «Александрия»: «О шести ногах и шести рук ...китоврасах (кентаврах.—*В. Г.),* которые суть звери крилатыи..., людях пси главы, а тело человеческое в них, а ноги скотни, мова ч(е)ловечая, а другая собачая» и т. д.[1]

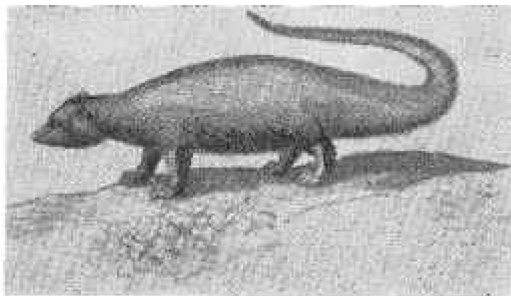
Сиротка же в своей книге рассказывает не о мифических псоглавцах, а о настоящих «кинокефалах», т. е. о собакоголовых обезьянах павианах, которых приобрел для Несвижского зверинца в Александрии. В Апамее он купил хищника цибетту, в Александрии — двух леопардов, двух хищников ихневмонов, попугая, трех диких коз, а в Каире видел страусов, которые «бегают быстро, как и наши дрофы».

Сиротка подробно рассказывает о птицах, которые живут в дельте Нила, крокодилах и гиппопотамах («морских конях»): «Когда мы въехали в Нил, на берегу было видно, очень много аистов, которые туда залетают от нас, а потому оттуда летят, что там прямо попадают на живность (которой питаются), когда в месяце августе Нил разливается. Там на полях змей множество бывает, которые засыхают там, когда Нил в землю впитывается; уток также зеленых и голубых на высоких ногах ...сила над берегом была... Наехали мы в реке на четырех морских коней, очень похожих на зубров и фигурой, и шерстью, и видом, только что без рогов... Большой урон наносят они рису, и поэтому окапывают рвами огороды, ибо эти кони на низких ногах, на высокую греблю или окоп влезть не могут. Человека, если застанут в огороде, а до него доберутся, грызут. Мы стреляли в них, ибо несколько ружей имели, но не знаем, подстрелили ли кого-нибудь, ибо это животное большое и сильное, надо в него хорошо выстрелить (чтобы убить)»[2]

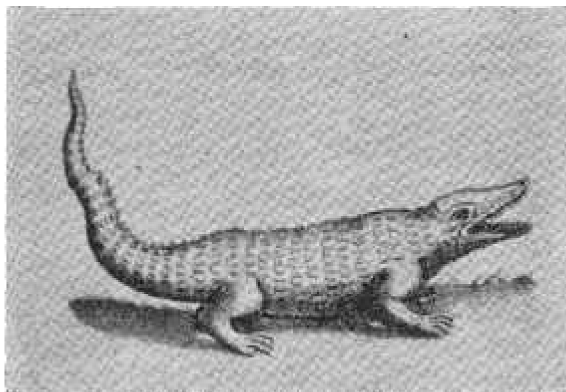
Большое место в «Путешествии» отводится описаниям народных обычаев, в частности нравов арабов-христиан в Сирии и Ливане. Правда, Сиротка ошибочно принимал исконное население этих стран — друзов за потомков крестоносцев XI-XIII веков. В книге есть упоминания о праздниках египтян, свадьбах, на одной из которых в деревне Мамымир путешественнику удалось присутствовать.

---

[1] Александрыя. Мінск, 1962, стар. 222-223, 303.
[2] M. Radziwiłł. Podróż, Str. 135-136



Ихневмон



Крокодил

Сиротка все время обращает внимание на недовольство покоренных Турцией народов властью завоевателей, на жестокое отношение турецких чиновников к местным жителям, национальную иерархию в Египте, где всех угнетали турки. «Ибо в Египте у власти турки, также солдаты; сами египтяне землю пашут и всяким другим хозяйством занимаются, разбойники — арабы, а купцы...— негры».

Он писал о разногласиях между арабскими военачальниками и турками. Так, сирийский князь Аборис имел 40 тысяч человек войска. Султан опасался объединения Абориса е другим сирийским эмиром Магометом, так как турки были связаны войной с персами. Султан также платил дань кочевникам-арабам, чтобы те свободно пропускали паломников в Мекку, священный город мусульман.

Турецкие наместники Каира, по словам Сиротки, однако, боялись местных жителей: «А всегда ночью и днем стража есть около города от арабов, которые при мне четырежды приходили к

городским воротам и, убив много турок, ушли в целости, отчего в городе бывал большой шум».

Сиротка, который, по свидетельству современника врача и философа Себастьяна Петриция[1], неплохо знал медицину, интересовался и вопросами здравоохранения. Он обратил внимание на частые в Египте заболевания глаз и связывал их с плохим питанием бедняков, ношением тяжелых головных уборов и особенно с сильной запыленностью воздуха: «Между таким большим количеством людей едва третья часть, может быть, имеет здоровое зрение, все глазами больны, а это вследствие употребления плодов, которыми люди там больше всего питаются, а затем водой запивают, к тому же в такую жару, как там, носят на голове чалму — вещь тяжелую, так что голова потеет постоянно, затем из-за пыли с улиц, которые не замощены»[2]

Турецкое войско

Согласно медицинским учениям своего времени, Сиротка ошибочно считал, что эпидемии в южных краях прекращаются от сильной жары, как в его родных местах от морозов. В действительности в Белоруссии, например, прекращение эпидемий нередко совпадало с похолоданием ввиду гибели насекомых — переносчиков инфекций. По словам Сиротки, частые болезни вызывались нездоровым климатом, близостью пустыни.

---

[1] F. Giedroyć. Zrodła biograficzno-bibliograficzne do dziejów medycyny w dawnej Polsce. Warszawa, 1911, str. 636.

[2] Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла. СПб, 1787, стр. 229.

Сирийцы

9 октября 1584 года Сиротка оставил Александрию.

В море судно было застигнуто бурей, причину которой суеверные пассажиры увидели в двух мумиях, которых путешественник вез домой. Они настояли на том, чтобы мумии были выброшены за борт.

Только 24 октября судно прибыло на Крит, где путешественник зимовал до 10 февраля 1585 года. 7 марта он — на полуострове Калабрия, откуда вдоль восточного побережья Италии едет в Венецию. Здесь не обошлось без приключений: за Пескарой его ограбили разбойники. 3 мая 1585 года Сиротка выехал из Венеции, а в июне был в Гродно. Вернулся путешественник в Несвиж 7 июля.

Записки Сиротки — интересный источник по прошлому Ближнего Востока. Более двух веков ими пользовались как наиболее полной и ценной информацией жители белорусских, литовских, польских и других земель. Даже в XIX веке к ним обращались туристы, посещавшие Ближний Восток[1].

К. Хартлеб подчеркивает, что русское издание сочинения Сиротки 1787 года[2] оказало влияние на правильную оценку так называемого «Хождения» Трифона Коробейникова[3], которое в действительности было не самостоятельным сочинением, а слегка переделанным «Хождением» купца Василия Познякова [4].

---

[1] S. Drewniak i M. Kaczmarek. Recenzja: M. K. Radziwiłł «Sierotka». Podróż do Ziemi Świętej, Syrii i Egiptu. 1582-1584. Opr. L. Kukulski (Warszawa, 1962). «Pamiętnik literacki», 1963, N 3, str. 199.

[2] Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла.

[3] M. Harlleb. M. Radziwiłła pielgrzymka, str. 40.

[4] Б. М. Данwиг. Русские путешественники на Ближнем Востоке, стр. 28-29.

Книга М. Радзивилла послужила толчком к изданию в Великом княжестве Литовском и других государствах географических сочинений. Автор стихов на белорусском языке, придворный родственника Сиротки Криштофа Радзивилла Андрей Рымша, уроженец Пеньчины под Новогрудком (род. 1550)[1], перевел с латинского языка на польский книгу монаха Анзельма «Chorografia albo topografia to iest osobliwie a okolne opisanie Ziemi Świętej z wypisania o niej ludzi pewnych tam bywałych ...przełożoneprzez Andrzeja Rymszę, litwina, sługę J. X. M. y pana Krzysztofa Radziwiłła» (Typ. Karzani, Vilnae, 1595)[2]. Спустя столетие книга была дважды переиздана в Супрасли под названием «Peregrinacja prawdziwego opisania Ziemi Świętej, Betleem i Jerozolimy ...teraz ponowiona». Книга эта значительно проигрывала по сравнению с «Путешествием» Сиротки: автор ее многое заимствовал из других сочинений и постоянно обращался к библии[3]. После Сиротки в Иерусалиме бывали и другие жители Великого княжества Литовского: в 1613 году Иоанн Баптист Сапега и в 1618 году Иоанн Белков(ск)ий «из Виленской диецезии» [4], а в 1623 году Мелетий Смотрицкий (1572-1630), писатель-полемист, филолог и педагог, доктор медицины. Изданное М. Смотрицким сочинение о посещении Стамбула и Иерусалима «Apologia peregrinatiey do kraiow wschodnych» (Lwów, 1628, u Jana Szeligi), по свидетельству Я. Быстроня, полно восхваления унии, в которую к тому времени перешел М. Смотрицкий, в ней нет ни капли описательского таланта[5]. Мелетий Смотрицкий побывал не только в Палестине, но и в Египте и Греции. Вернулся он в родные места в 1626 году и жил в Киеве и Барколабове (под Могилевом) [6].

Об интересе жителей Белоруссии к жизни Ближнего Востока говорит факт издания в Слуцке в 1678 году переведенного там же Казимиром Клокоцким сочинения П. Рико «Monarchia turecka opisana przez Ricota sekretarza posła angielskiego u Porty Ottomańskiej». И в дальнейшем Ближний Восток посещали выходцы из Белоруссии. Так, в 1832-1835 годах в Турции, Леванте и Египте, а в 1867 и 1869 годах в Палестине и Египте побывал профессор восточной литературы в Петербурге Антоний Мухлинский (1808-1877), который родился под Новогрудком и учился в Молодечно.

---

[1] A. Sajkowski. Od Sierotki do Rybeńki, str. 21.

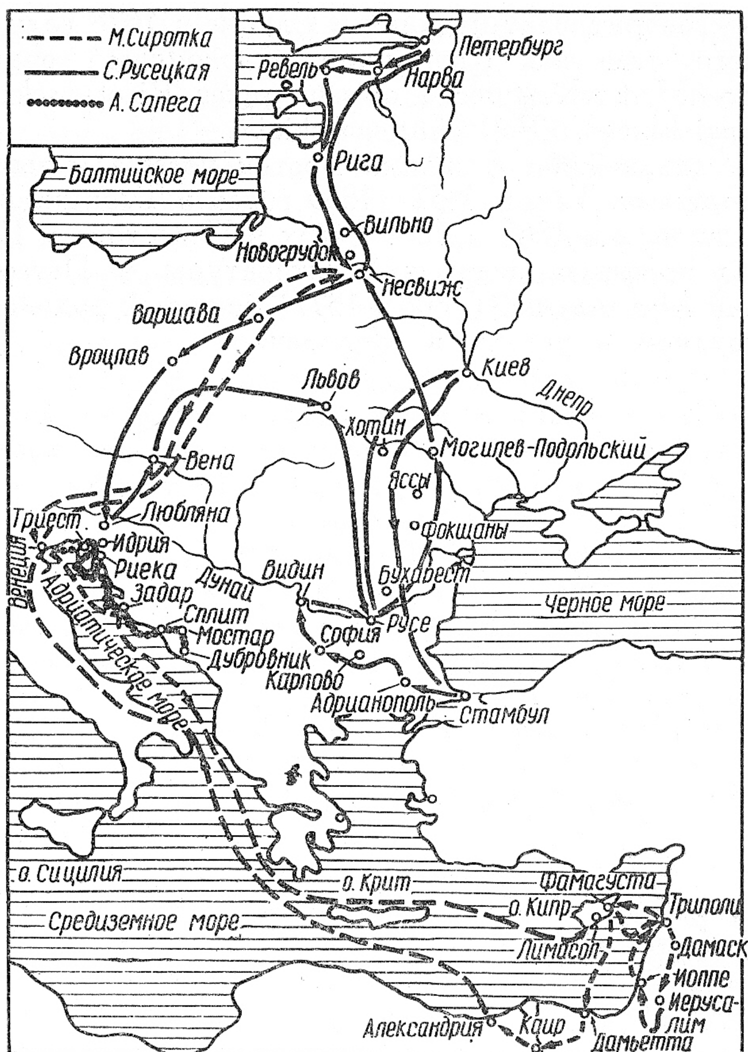
[2] J. S. Bystroń. Polacy w Ziemi Świętej, str. 12.

[3] Там же, str. 13.

[4] Там же, str. 43.

[5] Там же, str. 47-48.

[6] Е. С. Прокошина. Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966, стр. 134, 136, 137.



Маршруты М. Сиротки, С. Русецкой и А. Сапеги

Играли волны, ветер пробегал,
Торжественно вдали синели горы,
От Азии Европу отделял
Поток могучий пенного Босфора,
И открывалась за грядою скал
Седая даль Эвксинского простора
И злой прибой.

Дж. Байрон. Дон Жуан

Окулистка султана

К середине XVIII века относится путешествие Саломеи-Регины Русецкой. Ее неизвестный в нашей литературе рукописный дневник носит длинное заглавие: «Echo na świat podane czyli procedura podróży y życia mego awantur, na część y chwałę Pana Boga w Tróycy św, Jedynemu y Nayświętszey Matce Chrystusa Pana mego y wszystkich świętych napisała Salomeja Regina de Pilsztynowa medycyny doktorka i okulistka w roku 1760 w Stambule» («Эхо, представленное миру, или описание путешествий и приключений моей жизни, в честь и хвалу господа бога и святой троицы единого и святейшей матери Христа, господина моего и всех святых, написала Саломея-Регина де Пильштейн, медицины доктор и окулистка, в 1760 году в Стамбуле»),

Такой длинный заголовок — дань времени. Упоминание в нем бога и святых должно было оправдать перед читателем в клерикальной Речи Посполитой длительное пребывание автора в иноверческой Турции, его похвальные отзывы о мусульманах и их обычаях, дружелюбное отношение к чужеземцам, непривычное для сранатически настроенной знати Речи Посполитой.

Дневник, который хранится в библиотеке Чарторыйских Народового музея в Кракове, в 1896 году описал львовский историк Л. Глятман[1] в 1900 году — исследовательница роли женщин в развитии медицины М. Липиньская[2], а в 1906 году — историк медицины Ф, Гедройчь[3]

Автором настоящего издания в 1961-1967 годах на основании этих описаний опубликованы сообщения в отечественной и бол-

---

[1] L. Glatman. Doktorka medycyny i okulistka polska w XVIII wieku w Stambule. «Przewodnik naukowo-literacki», t. 24. Lwów, 1896, str. 856-861, 926-946.

[2] M. Lipińska. Histoire des femmes medecins depuis l'antiquite jusqu'a nos jours. Ed. 1. P., 1900, p. 224-241; ed. 2. P., 1911, p. 224-241; Les femmes et le progres des sciences medicales. P., 1930, p. 91-95; Kobieta i rozwój nauk lekarskich. Warszawa, 1932, str. 114- 119.

[3] F. Giedroyć. Źródła biograficzno-bibliograficzne do dziejów medycyny w Polsce. «Pamiętnik Towarzystwa lekarskiego warszawskiego», 1906. Przyłożenia, str. 636-638. (Отдельное издание: Warszawa, 1911, str. 604-606).

гарской печати[1]. В 1966 году ему удалось ознакомиться с микрофильмом рукописи дневника С. Русецкой[2].

В 1906 году А. Глятман подверг сомнению знакомство М. Липиньской с рукописью дневника[3]. Однако прочтение документа снимает обвинение полностью: обратив внимание на различные страницы дневника, исследователи по-разному называют девическую фамилию лекарки. Л. Глятман на основании подписи под посвящением окулисткой «Эха» жене великого коронного гетмана Людвике Мнишех-Потоцкой называл ее «Маковской», хотя эта фамилия в дневнике больше не встречается.

М. Липиньская ближе к истине, когда называет фамилию «Русецкая» на основании первой фразы первого раздела дневника: «В молодом моем возрасте выдали меня родители мои Иоахим Русецкий из Литвы, воеводства Новогрудского, за доктора Якуба Хальпира, с которым доктором в том же году я поехала в Стамбул...» [4]

Даты жизни Регины-Саломеи можно установить из косвенных ее замечаний в дневнике. На странице 277 она пишет, что впервые ехала в Стамбул в 13-летнем возрасте, а на странице 235 — что в 1760 году ей было 42 года. Следовательно, год рождения лекарки 1718-й, а первая поездка в Турцию состоялась в 1731 году.

Немец-протестант Я. Хальпир поселился с молодой женой в турецкой столице. Здесь он приобрел значительную клиентуру, занимаясь в основном лечением глазных болезней. Обладавшая живым умом и способностями, Регина-Саломея вскоре стала помогать мужу в операциях и приобрела неплохие медицинские знания, обучаясь им у мужа и у некоего «вавилонского» врача, т. е. выходца из Месопотамии (ныне Ирак). Правда, свои познания в медицине она считала недостаточными и в сомнительных случаях советовалась с мужем.

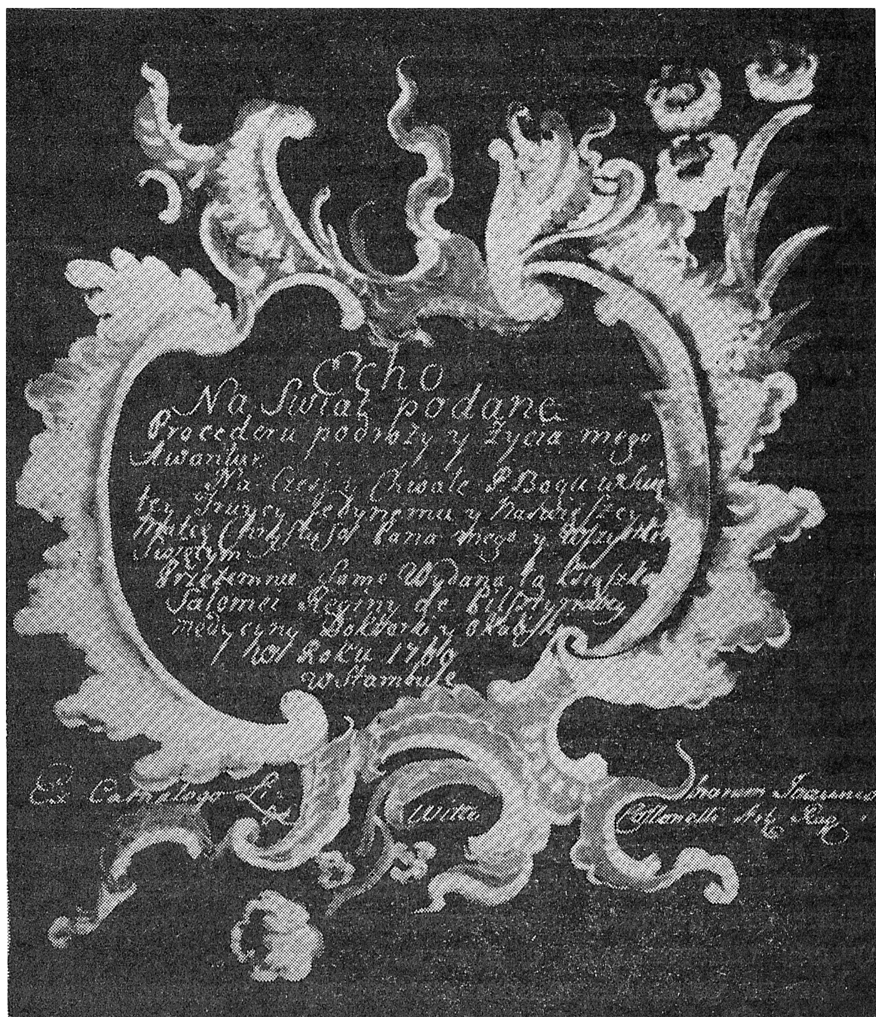
---

[1] В. П. Грицкевич. Врачевательница глазных болезней XVIII века с Новогрудчины (к 200-летию автобиографических записок Саломеи-Регины Пильштейн). «Вестник офтальмологии», 1961, № 2, стр. 81-82; В. Грицкевич. Белоруска лекарка в България през XVIII век. «Здравен фронт», София, 1964, № 42(862), стр. 6; В. Грыцкевіч. (Саламея-Рэгіна Русецкая). Старонкі Беларускай энцыклапедыі. «Полымя», 1967, № 4, стар. 251-252.

[2] Уже после сдачи рукописи этой книги в набор нам стало доступным польское издание дневника С. Русецкой (R. S. z Rusieckich Pilsztynowa. Proceder podróży i życia mego awantur. Kraków, 1957).

[3] L. Glatman. Doktorka medycyny i okulistka polsKa w XVIII wieku w Stambule. Szkic historyczny na podstawie nieznanego pamiętnika. В кн: L. Glatman. Szkice historyczne. Kraków, 1906, str. 141, prym. 1.

[4] Muzeum narodowe we Krakowie. Biblioteka Czartoryskich, N 1482, str. 1.



Титульный лист дневника С. Русецкой

Успехи четы Хальпиров возбуждали зависть у других лекарей. Они стремились воспользоваться любым предлогом, чтобы убрать их с дороги. И такой случай представился. Хальпирам удалось излечить турецкого чауша (сановника), страдавшего в течение шестнадцати лет катарактой глаз и параличом конечностей. Однако после приема прописанной Я. Хальпиром микстуры он внезапно скончался.

Великий визирь Исмаил-паша по просьбе родственников покойного осудил врача на смертную казнь, и тот был вынужден скрываться в Бурсе, в то время как его жена добивалась замены сурового приговора штрафом. Ей удалось установить, что во время приготовления лекарства у аптекаря Иоганна находился конкурент Я. Хальпира доктор Фонсека. Саломея обвинила Фонсеку в том, что он подмешал яд в лекарство, и добилась у нового визиря Али-паши того, чтобы штраф, наложенный на Я. Хальпира, платил Фонсека.

Фонсека в свою очередь добился у ведавшего в Турции вопросами медицины Хаким-паши, отуреченного француза, запрета Саломее лечить мужчин. Практику среди турчанок ей ограничили только лечением глазных болезней. Однако за удачное излечение зятя чауша КафтанАгасу от мочекаменной болезни Хаким-паша разрешил Саломее лечить больных от любых болезней. А после того как Саломея вернула зрение слепой мамке сына Хакимпаши и вылечила имама (духовное лицо) от сыпи, ей был отдан дом и аптека Фонсеки (около 1733 года).

В 1735 году Саломея заболела. Ей все время казалось, что на ее жизнь готовится покушение, что ее ноги стали чужими. По-видимому, это была истерия с элементами бреда преследования и параличами. Однако Саломея приписала болезнь «чарам» своего соперника врача Самсона. Я. Хальпир не поверил этому и, разгневанный утверждениями жены о том, что ее околдовали, вскоре уехал в Боснию к тамошнему паше. Он поручил своему другу типографу выплачивать Саломее и своей двухлетней дочери от нее Констанции деньги на жизнь.

Оправившись от болезни, Саломея отправилась вслед за мужем, взяв с собой дочь. Ее сопровождал старый татарин калека Иосиф Крымил, знавший славянские языки и служивший Саломее в пути переводчиком.

В дороге, в Адрианополе (ныне Эдирне), Саломея пошла лечить ноги в турецких банях, которые были единственным местом, где женщины могли встречаться друг с другом, танцевать, петь. Словом, бани представляли собой что-то вроде клуба. Здесь лекарка свела знакомство с несколькими женщинами, которые помогли ей найти пациентов, что дало возможность Саломее заработать деньги и

расплатиться за проезд от столицы до Адрианополя. Здесь Саломея вылечила сапожника-грека, страдавшего «кровавой дизентерией» и туберкулезом, слепых турка-чубучника и дочь некоего Хаджи-Маргарита. Опыт своего врачевания Саломея обобщила в «докторской книге», которую собиралась издать.

Оплатив проезд и накопив денег, Саломея двинулась дальше. В городе Ямбуле (Ямболе) она лечила жену и сына татарского хана Алимгирей-султана, в Пазарджике —жену богача Ибрагима-эффенди. В городе Филипбей (ныне Пловдив) с ней произошел случай, чуть не стоивший жизни. Саломея неудачно лечила семилетнюю дочь местного назира (коменданта). Девочка скончалась через два часа после того, как приняла несколько капель данного ей от глистов эликсира проприетатис, состоявшего из алоэ, мирры, шафрана и серной кислоты на винном спирте. Саломея спаслась от неминуемой казни только тем, что выпила в присутствии назира остаток лекарства.

Проезд через Балканы в Софию на повозке был невозможен. Тогда Саломея, переодевшись в мужское платье, наняла десяток лошадей и, нагрузив на них свое добро, тронулась в путь в сопровождении трех слуг.

В дороге она примкнула к каравану, так как в горах разбойничала банда Сары-Хуссейна (Рыжего Хуссейна). Однако Саломее не удалось благополучно перебраться через Балканы. В один из дней на караван напали неизвестные. Рыжебородый турок, схватив коня Саломеи под уздцы, предложил ей ехать с ним, чтобы лечить тестя своего сына. Хотя Саломея уверяла, что она вовсе не лекарка, а мужчина, тот засмеялся и сказал, что отлично знает, с кем имеет дело.

Как оказалось, турок и был самим Сары-Хуссейном. Он направил Саломею и ее слуг в город Карлово, где жил сам. Путь в Карлово, «город в Глубокой Болгарии», как пишет Саломея, длился трое суток. Карлово был расположен «в такой долине, что когда мы спустились в нее, казалось, будто с неба вниз (ехали). В Карлово стекает с гор много родниковых вод ручьями, в каждом дворе есть баня, так как вода течет горячая, как из Этны, но есть и холодная, как лед, вода»[1].

В течение сорока дней Саломея поставила на ноги тестя сына Сары-Хуссейна, а самого атамана вылечила от «красных глаз». Получив королевский гонорар, лекарка с почетным конвоем была отпущена в Софию. Ее же спутники по каравану, как оказалось потом, были убиты разбойниками.

[1] Muzeum narodowe we Krakowie. Biblioteka Czartoryskich, N 1482, str. 21.

В Софии Саломея поступила на службу в гарем паши Кюпрю-Улу. В городе она встретилась с мужем, приехавшим лечиться туда на минеральные воды от тугоподвижности суставов. Вместе *с* Я. Хальпиром был врач, взятый в плен турками на мальтийском корабле. Мальтиец научил Саломею выписывать рецепты на латинском языке «с докторскими знаками» и ознакомил ее с прописями различных лекарств.

Я. Хальпир вернулся в Боснию, где вскоре умер от «поветрия» (эпидемической болезни). Саломея намеревалась съездить за его вещами, однако в это время началась война, которую турки вели одновременно с Персией, Россией и Австрией.

В своем дневнике Саломея оставила записи о трагической судьбе сербского и болгарского населения Балкан, которое восстало против турецких завоевателей в 1737 году в Нишской и Знепольской околиях. Восстание охватило район Пирота, Берковицы, Брезника и Радомира. Но австрийские войска, использовав .в своих целях народное движение, бросили славян на произвол судьбы, восстание было жестоко подавлено[1].

Рассказ Саломеи является интересным источником к истории восстания, поэтому мы приводим его полностью: «Тем временем пришел приказ от императора (султана.— *В. Г.),* чтобы паша мой поехал с войском и отобрал у немцев (австрийцев.— *В. Г.)* Ниш, который взял генерал Зекендорф[2], а тот Зекендорф за несколько недель до этого заключил пакт с болгарами и с сербами, т. е. с волостью или провинцией Нишской, ибо этой обширности и поселений тех граждан было на пятьдесят миль с городами, и местечками, и деревнями, где людей на несколько миллионов (?) богатых находилось, очень мужественных, молодых, дельных... каждый из нас может это понять, взявши от Белграда до Софии, какое это большое пространство.

Эти все волости восстали против турок, потому что им тот генерал Зекендорф дал такой совет: «...не бойтесь турок, помогайте мне, я уже Ниш взял, возьму я Софию, и Видин Турецкий, даже Стамбул».

И так эти бедные христиане поверили генералу Зекендорфу и подняли восстание против турок, и вырезали несколько тысяч турок, а тот генерал, взяв у одного паши 10 000 червоных злотых, без всякого резона приказал подняться по тревоге и тихо помаршировал со своими немцами из Ниша, и потянулся к немецкой границе, а

---

[1] История Болгарии в двух томах, т. I. Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева. М., 1954, стр. 201.

[2] Австрийский фельдмаршал и дипломат.

ключи от Нишской крепости отослал моему паше Кюпрю-Улу, а мой паша был болен, и так ему ключи от Нишской крепости под подушку положили.

Тем временем пришел новый приказ от турецкого царя, чтобы за это восстание, которое его подданные учинили против своего государя, турки их три дня и три ночи резали, начиная от парней в восемнадцать лет до человека в пятьдесят лет, а кому 60 или 70 или 80, не уничтожали, так же, как и мальчиков от года до 18 лет не трогали, только в неволю брали, а также женщин, девушек и всех старух. И так сталось, что турки вырезали христиан три дня и три ночи в полях, в лесах, в домах, где только нападали, и мой паша имел этот приказ от турецкого царя, что он хочет знать, много ли его подданных в этой кровавой войне погибло, и потому приказал мой паша туркам только головы христианские свозить в Софию для подсчета, сколько их убитых, и царю турецкому дать о том ответ. И такую я видела божью кару на бедных христиан, потому что такая была гора человеческих голов христианских, будто была большая обширная корчма, наверх по головам нужна была лестница, потому что каждая христианская голова считалась пашой одной единицей. И так турки по полям и лесам ездили с большими корзинами и головы у убитых христиан отрезали, и привезли их к себе, и потом после этих трех дней старикам и малым детям можно было искать (головы) отцов и братьев своих, как и отцам можно было искать головы сыновей своих, ах, боже мой, что я в то время за жалость и страх имела, находясь в этом городе, но ни у меня, ни у людей моих даже волос с головы не упал, и слова плохого не слышали от турок. Был там один человек большого достоинства, православный священник, или епископ, так как его православные «владыкой» звали, и его в этой кутерьме повесили, а другие вещи, что я видела и слышала, опускаю, только то скажу, что у меня возникло большое отвращение к паше, который приказал повесить владыку, мое сердце сильно разволновалось»[1]

Взяв разрешение, Саломея, переодевшись в костюм янычара, отправилась в Видин. Здесь было полно турецких войск, которые вели бои с австрийцами под командой генерала Дамница[2]. Под румынским городом Крайовой австрийцы потерпели поражение. Турки заняли Крайову, Белград и «Будым», взяв в плен много австрийцев, их жен и детей.

---

[1] Muzeum narodowe we Krakowie. Biblioteka Czartoryskich, N 1482, str. 30-32.
[2] Леопольд Даун, австрийский фельдмаршал.

Видин

Саломея купила у турецкого «полковника» Кул-Улу четырех пленных офицеров. За троих из них она вскоре получила выкуп из Австрии и отпустила их домой. Четвертый же — Иосиф-Фортунат де Пихльштейн, родом из Крайны (ныне Словения)— не получил из дома денег и сопровождал лекарку в дальнейшем пути.

Дела же Саломеи осложнились. Ее пытался соблазнить трансильванский князь Иожеф Ракочи, турецкий претендент на престол Венгрии, которого она лечила. За отказ от его домоганий тот «отблагодарил» Саломею, вылечившую его от воспаления легких, тем, что обвинил ее в шпионаже в пользу австрийцев.

Узнав об этом, Саломея тайком, без паспорта, бежала на лодке вниз по Дунаю в Рущук (ныне Русе). Вдогонку за ней были посланы два турка. Но слуги лекарки не выдали им спавшую Саломею. Тогда преследователи поплыли в Рущук, где и арестовали ее, как только она приплыла в порт.

Спасло Саломею от неизбежной казни только то, что она удачно излечила сына султанского казначея Ахмет-аги Зстередзи-паши. Двадцатидвухлетний сын паши в ночь ареста лекарки заболел тяжелым отеком век, лица и языка. «Трое добрых докторов», бывших в Русе, не смогли ему помочь. Саломея взялась лечить юношу, и на третий день тот смог открыть глаза, а спустя сорок дней -выздоровел. Излечение и этого больного Саломея описала в своей книге, которую собиралась издать.

Из Русе Саломея решила поехать в Россию. Свое намерение она оправдывала тем, что хотела освободить четырех русенских турок, попавших в русский плен под Азовом.

Через Могилев-Подольский она выехала в Бар. Здесь Саломея вышла замуж за своего пленника И. де Пихльштейна и перешла, вероятно, в связи с этим в католицизм[1]

Нарва. С гравюры XVIII века

В Дубно польный литовский гетман Михаил Радзивилл по прозвищу «Рыбенько» взял супружескую чету к себе на службу, назначив де Пихльштейна хорунжим, а Саломею «докторкой», и взял их с собой в Несвиж. Вскоре Саломея, оставив в монастыре свою дочь, уехала из Несвижа на север через Кореличи.

В пути, опасаясь нападения разбойников, Саломея присоединилась к торговому каравану. Через некоторое время она прибыла в Ригу, «великолепный красивый город» по ее характеристике. Здесь лекарка провела несколько недель и лечила «людей различных состояний». Через турецких пленных ей удалось узнать, где содержались разыскиваемые ею турки.

Из Риги Саломея отправилась в Нарву, «великолепную крепость и красивый город». Здесь она заручилась рекомендательным письмом жены коменданта Тараса Герасимовича Шатилова в Петербург к ее брату бригадиру Семену Юрьевичу Караулову. В русской столице она остаповилась у Карауловых в Шереметьевском дворце на Ва-

---

[1] S. Załęski. Jezuici w Polsce, t. III, cz. 2. Lwów, 1902, str. 845. Перешла она в католицизм, по всей вероятности, из православия или протестантизма, так как униатам переход в католицизм запрещался декретами римской конгрегации 1724 и 1727 годов (Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805, стр. 49).

сильевском острове. Она удачно приняла роды у хозяйки дома, у которой все дети до этого погибали во время родов. Ей удалось оживить младенца, накрыв его дежкой, так как тот родился в состоянии асфиксии (удушья). Этот метод она в свое время видела на Новогрудчине. Саломея также излечила княгиню Черкасскую от головокружений, а у прачки бандуриста царевны Елизаветы Петровны сняла зрелую катаракту. О лекарских способностях Саломеи заговорили. Вскоре она добилась аудиенции у императрицы Анны Иоанновны и поселилась в ее дворце.

Саломея лечила придворных дам императрицы. В ее дневнике сохранилось много записей о беседах с Анной Иоанновной, которая обычно называла лекарку «Саламанидой Ефимьевной», «своим дружком» и позволяла встречаться с пленными русенскими турецкими пашами Яхьей и Колчаком.

Наконец, Саломея добилась у Анны Иоанновны обещания освободить русенских турок. Двое из них находились в Нарве, а двое других в Ревеле (ныне Таллин). Императрица придала лекарке конвой из шести солдат и капрала, чтобы те сопровождали ее и турок до Биржи (ныне Биржай Литовской ССР). Через Биржи, Вилкомир (ныне Укмерге Литовской ССР) и Вильно Саломея вернулась в Кореличи. Тем временем Рыбенько послал И. де Пихльштейна на службу в Несвиж, а оттуда на Полесье в деревню Лахва (ныне Лунинецкий район Брестской области). Привыкшая к блеску и шуму больших городов, Саломея там затосковала. Вдобавок гетман запретил ей ехать в Русе, забрал у нее турок и послал их в ближайший город Турецкой империи Бендеры (Бессарабия) к тамошнему паше.

В дневнике Саломея отводит много места описаниям некоторых обычаев русских людей. Она приводит исторические анекдоты о Петре I, к которому питала большое уважение, как и ко всему русскому. Гостеприимство и доброту русских людей она постоянно подчеркивает.

О возведенной Петром I столице на Неве, в которой лекарка провела два года, она пишет: «Там, где были болота и трясины, везде возникли каменные и деревянные дома, дороги усыпаны песком, на одной миле пять столбов стоят с надписями по-русски, по-немецки и по-латыни, куда ехать и как далеко, по дороге часто стоят аустерии (корчмы.—*В. Г.)* с большими удобствами, и все (в них) дешево, нельзя дороже продать, так как на дверях вывешена такса...

Петербург такой красивый, такой великолепный, стоит над рекой Невой. Он более красив и приятен, чем Стамбул и Вена в Австрии. Ибо Стамбул, хотя велик и пышен без меры, но он старый

город — тут (в нем) дворец на тысячу кис (денежная единица.— *В. Г.)* денег, а рядом (стоит) кузница, в которой куют лошадей, а вблизи лавка, в которой продают огурцы и арбузы. И Вена, в которой христианский император живет, такова же — вот великолепный монастырь, а рядом с ним хибарка резника или учителя, вот старый дом, а рядом новый дворец.

Но Петербург, ах, какой красивый и аккуратный, такие длинные (в нем) улицы на несколько сот каменных домов или дворцов, в длину все равные, ввысь и около себя равно стоят, так что кажутся одной стеной. Некоторые дворцы покрыты медной бляхой, около каждого дома (высажены) различные деревья, липы, чтобы в самый сильный дождь человек, идучи под крышами, не промок. Улицы такие широкие, что шесть карет разминуться (на них) могут, нигде нет ни крошки мусора или грязи... Люди приятные, обходительные»[1]

Из Лахвы И. де Пихльштейн был направлен в гарнизон в Жолкву (ныне Нестеров Львовской области), а забеременевшая Саломея отправилась к родным мужа, чтобы получить от них деньги, потраченные ею на выкуп И. де Пихльштейна из турецкого плена. Путь Саломеи лежал через Вроцлав, «Олавию, Хайсу, Оломыц, Брон, Никольспург, Вену, Грац и Лайбух (Люблянy)». В четырех милях от Любляны находился городок Пихльштейн (Бигильштейн), в котором жили родители мужа Саломеи. Они отдали ей только треть выкупа. Из Пихльштейна Саломея поехала в австрийскую столицу, в которой рассчитывала найти клиентуру.

Она жаловалась на скупость, грязь и негостеприимность австрийцев, противопоставляя их русским: «О, не так здесь, как в России! Никто меня не приглашает на обед, немцы не имеют такой манеры, как поляки или русские, когда кубок выпивают за чье-либо здоровье, и потом тому же дадут, за кого пьют. А в Германии не так»[2].

Саломею очень удивляло, что служители императорской кухни продавали посторонним блюда с императорского стола, что в иезуитском странноприимном доме монахи брали деньги даже за солому для постели и после каждого посетителя вновь продавали этот «товар», даже не перетряхнув его. Светские же хозяева гостиниц, едва затопив печь, тут же выбрасывали из нее дрова, хотя брали с проезжих деньги за отопление.

---

[1] Muzeum narodowe we Krakowie. Biblioteka Czartoryskich, N 1482, str. 107-108.
[2] Muzeum narodowe we Krakowie. Biblioteka Czartoryskich, N 1482, str. 131 — 132.

Оставшуюся без денег Саломею выручил из беды случай — приезд в Вену турецкого посольства во главе с Джани-беем Али-эффенди. Она стала лечить членов посольства, получая за это жалованье и пропитание. В Вене она родила сына, которого назвала Франциском-Ксаверием. Вскоре Саломея переехала во Львов.

Во Львове она узнала о том, что И. де Пихльшгейн промотал ее имущество. Саломее с трудом удалось получить разрешение на выезд в Русе. Оставив сына в Смотриче у одной женщины, лекарка выехала в турецкую крепость Хотин (Бессарабия), а отсюда отправилась в Бухарест в сопровождении восьмидесятилетнего турка Али-аги, которого лечила в пути от тяжелой дизентерии травами и корешками (торментиллой, бистортой и карамфизатом). В Бухаресте лекарка родила второго сына от И. де Пихльштейна, которого окрестила 1 июля 1742 года Станиславом Косткой.

В Русе Саломея добилась выкупа от бывших пленников и занималась лечебной практикой. Спустя два года она захотела вернуться домой. По Дунаю она доплыла до Галаца, а оттуда добралась до Ясс, в которых служила в течение нескольких месяцев у молдавского господаря Константина Маврокордато.

Затем она поселилась со своими сыновьями в Каменец-Подольском. Местный комендант генерал Доминик Бекерский одолжил у нее деньги под залог столового серебра, а когда Саломея решила вернуться в Яссы, он, не желая отдавать долг, потребовал возврата заклада. Саломея отказалась это сделать. Тогда Бекерский сначала опечатал, а затем конфисковал ее имущество и арестовал лекарку, обвинив ее в работорговле.

После долгих мытарств Саломее удалось бежать в Радом, а оттуда в Варшаву, где она смогла найти управу на ретивого коменданта.

Много несчастий лекарке принесла ее связь с неким офицером, которого Саломея называет только инициалами «I. M. C. Z.» или «аморатом» (любовником). Р. Поллак (Wstęp. R. S. z Rusieckich Pilsztynowa. Proceder podróży i życia mego awantur, Kraków, 1957, str. 24) расшифровывает инициалы так: первая буква имя, вторая — фамилия (может быть, Маковский? Это бы объяснило ошибку Л. Глятмана в написании фамилии Саломеи в начале дневника), а третья и четвертая: «чесьникович збаражский», т. е. сын збаражского чесника.

«Аморат» уморил старшего девятилетнего сына лекарки (около 1748 года), посадив его на хлеб и воду в сырой погреб, чтобы мальчик не рассказал уехавшей надолго для лечения пациентов матери о его пьянстве и разгуле. Офицер промотал имущество лекарки. Тогда она

попыталась бежать от него в Киев, чтобы оттуда вернуться в Петербург на царскую службу.

Перед Киевом на русско-польской границе все проезжающие помещались на сорок дней в лазарет для карантина, так как власти боялись заноса эпидемической болезни в Россию. Саломея не захотела ждать. Наняв возницу, она тайком миновала польские и русские караулы. В Киеве Саломея повинилась в этом перед русским генералом «Михаилом Ивановичем Леонтием», который ее не обидел, но страшно рассердился на тех, кто помог ей. Вместе с Саломеей генерал послал двух солдат на поиски возницы на заезжий двор. Но Саломея услала солдат за водкой и вином, а тем временем предупредила возницу об угрожавшей ему опасности.

Леонтий разрешил перевезти вещи лекарки, остававшиеся за границей, в Киев через русские посты у Брусилова. В Киеве она жила спокойно, ожидая ответа из Петербурга на свою просьбу разрешить ей приехать ко двору, чтобы работать там лекаркой. Ответ прибыл через год. Но «аморат» вместе со своим другом С. Завадским приехал в Киев, обобрал Саломею и в ее же санях бежал назад в Речь Посполитую.

Леонтий дал Саломее двадцать рейтаров для поимки злодеев, но те успели перейти границу. Рейтары и кучер Саломеи, запорожский казак, по ее словам, скрежетали зубами от досады, что упустили грабителей, приговаривая: «Ах, растакая мать, ушел лях, хохол, вор...»

«Аморат» укрылся в Каменец-Подольском в монастыре. Когда Саломея случайно зашла туда исповедаться, он подошел к ней и уговорил не возбуждать против него дело, обещая вернуть имущество. Саломея не стала его преследовать.

Из-за этого события Саломее пришлось отказаться от мысли о поездке в Петербург. В течение двух лет Саломея жила в Дубно, а затем в Хотине. В 1754 году ее арестовали турецкие власти, обвинив в том, что она помогла местному жителю бежать в Речь Посполитую. Однако двенадцатилетний сын Саломеи приехал из Каменец-Подольского и за взятку добился освобождения матери.

О пребывании Саломеи в Хотине узнал стамбульский руководитель янычарского войска, племянница которого ослепла в молодости. Он пригласил Саломею в Стамбул и послал за ней восемь янычар. Вместе с ними Саломея отправилась на юг. В дороге она остановилась в городе Фокшаны, на который в это время напали татары. Янычары и лекарка укрылись в монастыре, который девять дней осаждали кочевники. Татары сожгли половину Фокшан, а

жителей и скот угнали с собой. Только турецкое войско Бешли-паши освободило запершихся в монастыре жителей.

Через Бузэу, Бухарест, Джурджу, Русе и Адрианополь Саломея добралась, наконец, до турецкой столицы. Здесь она вылечила племянницу янычарского предводителя от слепоты за сорок дней. От этого же заболевания она лечила также различных турецких сановников. Постепенно она стала вхожей в гаремы знати Стамбула, лечила Саломея и сестер султана Айше и Асму. Вскоре она стала придворной лекаркой султанского гарема.

Мечеть Ахмета и Айя-София в Стамбуле. С гравюры XIX века

Вместе с польским посольством Юзефа Подольского в Стамбул в 1760 году приехал сын лекарки Станислав в сопровождении друга ее «амората» С. Завадского, который настраивал сына против матери. Саломея предложила восемнадцатилетнему юноше остаться с ней, но тот уехал назад на Украину[1] Огорченная этим, Саломея решила «для

[1] Станислав Пильштын (так он именовался в документах) позже стал курьером польского посольства в Стамбуле. В 1766 году он был направлен в школу востоковедов

отвлечения» поехать в Египет и Палестину. Осуществила ли она это намерение, мы не знаем. Дальнейшая судьба Русецкой нам неизвестна.

В дневнике лекарки мы находим описания обычаев турок. Интересны записи Саломеи о празднике в Стамбуле в честь рождения султанской дочери. Она пишет, что в этот день ремесленники проносили по улицам символы своих ремесел. Город был украшен разноцветными тканями и коврами, весь Стамбул иллюминирован.

Саломея пишет, что турецкое (т. е. арабское) письмо самое трудное на свете, так как каждую букву «надо писать 25 раз поразному», отчего турецкие дети учатся грамоте «по семь лет».

По словам лекарки, турки любят сидеть в кофейнях, где играют на «бандурках». Далее она описывает с чужих слов паломничество мусульман в Мекку, на пути в которую они для того, чтобы бедуины не ограбили их, платят им выкуп. Она приводит также с чужих слов легенду о происхождении мумий якобы из тел людей, пораженных в пустыне змеями «щамили», выпадающими из облаков.

Собираясь в Палестину, Саломея приводит о ней ряд интересных сведений, описывает обычаи христиан-маронитов, которых называет ошибочно «куртами», обычаи «гюрджиев» (грузин), армян, «хабешов» (эфиопов). Есть в дневнике и другие интересные данные.

Далее дневник представляет собой краткий путеводитель по европейской части Турецкой империи для небогатых земляков Саломеи. Лекарка объясняет читателю, что путь с Украины в Стамбул безопасен и дешев. Дорога из Хотина в Яссы занимает пять дней, от Ясс до Бухареста восемь дней, от Бухареста до Джурджу по Дунаю один день, а оттуда до Стамбула 15-18 дней по суше. Морем, по ее мнению, дорога более быстра и дешева.

Стамбул славился в XVIII веке частыми эпидемиями.

Саломея пишет, что эпидемические заболевания вспыхивали в городе не всегда и поражали далеко не всех. В дневнике Саломеи приводится рассказ о чуме, напоминающий старые белорусские предания, приводимые в «Повести временных лет» (о полоцком море 1092 года) и в поэме Адама Мицкевича «Конрад Валленрод», по которым распространение эпидемии приписывается всадникам-бесам или моровой деве.

при посольстве, в 1779 году стал первым переводчиком посольства, в 1786 году переехал в КаменецПодольский, служил там пограничным переводчиком, в 1795 году, когда город отошел к Российской империи, перешел на русскую службу. Умер около 1820 года. Его сын Викентий был русским генералом и жил в Одессе.

В этой легенде идет речь о том, что один турок повстречал по пути в свой город молодого красивого человека, который назвался чумой и сказал, чтобы турок и его семья не боялись смерти, ибо их нет в списке, который он нес с собой.

Навстречу чуме из города выехало несколько тысяч всадников, чтобы ввести его в город. Той же ночью другой турок и грек, которые спали во дворах разных частей города, видели чуму и всадников, которые проезжали по улицам города. В ту же ночь многие жители города умерли от чумы.

В подобных легендах жители различных стран пытались найти причину тяжелых эпидемических заболеваний.

Дневник Саломеи Русецкой читается как приключенческая повесть, хотя местами динамичность его сюжета разбавляется малозначащими фактами, ставшими известными автору из чужих уст. Масса бытовых деталей, яркое эмоциональное восприятие Саломеей своих жизненных невзгод, жестокого обращения турок и татар с покоренными ими народами Балкан придают дневнику особую непосредственность и достоверность.

Дневник Саломеи отличается от других путевых очерков уроженцев Белоруссии тем, что описание обычаев и природы других стран в нем для автора не самоцель, а фон для рассказа о ее личных, сугубо женских переживаниях и странствиях.

Непритязательность языка, который богат чисто белорусскими оборотами, орфографические ошибки, стилистические погрешности, свидетельствующие об отсутствии у автора систематического образования (что несколько сужает круг ее наблюдений), как раз говорят о том, что она писала его без расчета на публикацию.

Саломея могла свободно опустить некоторые детали своей жизни (например, связь с «аморатом»), но она предпочла написать об этом, возможно, полагаясь на сочувствие читательниц дневника.

Показательно, что бурную жизнь провел не мужчинаофицер, искатель приключений, а женщина, которая смогла приобрести специальность и занимала определенное общественное положение в обществе в век неравноправия женщин, особенно в странах, в которых женщина была наиболее угнетена,— на Востоке.

Большое внимание Саломея уделяла быту различных стран, величине своих гонораров, дешевизне продуктов питания в Стамбуле, Петербурге, Иерусалиме. Ее постоянные заботы о заработке говорят о том, что она писала дневник для «бедняков». Говоря о ценах на проезд между городами Турецкой империи, Саломея объясняет читателям

своего дневника, что богатому, конечно, легче проехать через страну, поскольку он располагает большим количеством денег.

Саломею отличает смелость — она не боялась пробираться через театр военных действий, через районы, кишевшие разбойниками, и не страшилась лечить запущенные случаи заболеваний, хотя знала заранее, что при неудачном исходе может погибнуть сама.

Из дневника мы видим постоянное стремление его автора повышать свои знания. Саломея набиралась медицинских знаний еще в белорусской деревне, затем училась у своего первого мужа, у «вавилонского» лекаря, мальтийского врача и, вероятно, всюду, где бывала. Вместе с тем она пыталась обобщить свой опыт в неопубликованной медицинской книге, которую Л. Глятман рекомендует искать в стамбульских архивах.

В отличие от некоторых «хождений» паломников дневник проникнут большим дружелюбием к различным народам. У Саломеи нет проявления национального высокомерия, она хвалит широту натуры русских и турок, обычаи которых в католической Речи Посполитой принято было подвергать резкой необоснованной критике. Однако Саломея, находять постоянно при дворах магнатов и царей, «забывает» в силу свей классовой ограниченности о рабстве и подневольном положении женщин в Турции, о крепостничестве в России.

Дневник Саломеи Русецкой — интересный и своеобразный географический источник XVIII века.

А. Сапега

Нас интересовали не те страны, которые посещали туристы; ...поэтому ...мы должны были отплыть из Венеции в Триест и оттуда медленно двигаться вдоль побережья Адриатики до Рагузы.

...Мало найдется между Триестом и Рагузой сел, гор или долин, которых бы я не посетил. Я даже совершал довольно длинные экскурсии в Боснию и Герцеговину.

П. Мериме. Гусли.

Хождение вдоль Ядрана

К началу XIX века относится путешествие Александра Сапеги, который побывал в Истрии, Далмации и Герцеговине, находившихся тогда под австрийским и турецким игом. Что влекло туда этого необычного для своего времени человека?

Родился Александр Сапега 2 сентября 1773 года в семье полковника Юзефа Сапеги, представителя старинного княжеского белорусского рода. Школьные годы молодого Сапеги прошли на родине родителей в Коцке (под Брестом). В имениях «Коцк» и «Семятичи» тетка А. Сапеги Анна Яблоновская собрала большой минералогический музей, позже перевезенный в Петербург, и основала акушерскую школу[1]. Это в значительной степени способствовало воспитанию у молодого Сапеги любви к естественным наукам.

Пытливый натуралист, А. Сапега поднялся на одну из высочайших вершин Альп Мон-Сени и сообщил об этом восхождении 3 июля 1804 года на заседании Лионской Академии наук, литературы и искусств под председательством Жана Эманюэля Жилибера (1714-1816), основателя первой в Белоруссии медицинской академии в Гродно (1776-1781)[2]. Рукопись сообщения А. Сапеги еще в 1926 году хранилась в архиве этой академии.

А. Сапега изучал химию, занимался стандартизацией мер и весов в Белоруссии, Литве и Польше по образцу метрической системы. Он принимал активное участие в деятельности Варшавского общества

1J. Bartoszewicz. Anna z Sapiehów Jabłonowska. В кн.: J. Bartoszewicz. Studia historyczne i literackie, t. III, Kraków, 1881, sir. 273-356; J. Bergerówna. Księżna Pani na Kocku i Siemiatyczach. Działalność gospodarcza i społeczna Anny z Sapiehów Jabłonowskiej. «Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie». Wydział II historyczno-filozoficzny. T. 18. Lwów, 1937, 142 s.

2 W. Sławiński. Jean Emanuel Gilibert. «Archiwum historii i filozofii medycyny», 1926, t. 4, str. 242, prym. 1.

друзей наук, подарил ему библиотеку в шесть тысяч томов и записал на ее содержание значительные денежные суммы. Он поместил много научных статей в журналах «Pamiętnik warszawski» и «Roczniki Towarzystwa warszawskiego przyjaciół nauk». Отдельными изданиями вышли его таблицы перевода мер, распространенных в белорусских, литовских и польских землях, в метрические [1].

Скончался А. Сапега 8 августа 1812 года в Деречине вследствие несчастного случая. Тело его было перехоронено в 1821 году в имении «Кодень» (близ Бреста)[2].

Путешествие А. Сапеги именно по восточному побережью Адриатического моря, или, как его называли славяне, Ядрана, было не случайным. Как несколько позднее Дж. Байрон, он искал не затронутые буржуазными отношениями малопосещаемые края. Кроме того, ему были близки по обычаям и языку славянские земли Далмации.

Описание этого путешествия[3] в виде писем к Ж. Э. Жилиберу и составило книгу А. Сапеги, которая вышла тремя изданиями[4].

После смерти А. Сапеги осталась неизданной рукопись «Об обычаях и литературе славянской»[5].

Во время путешествия А. Сапега с любовью описывал уклад жизни, обычаи населения острова Крк, которое напоминало ему заднепровских казаков. Он записывал слова народных песен, постоянно подчеркивал радушие славян. Когда дождь загнал заболевшего А. Сапегу под кров одного далматинца, вся семья присматривала за гостем, как за родственником, пока тот не выздоровел. Когда он сказал в другом селении (Яребичи) своим хозяевам Вуковичам, что читал о них записки посетившего их тридцать лет назад французского аббата Фортиса, те так обрадовались, что готовы были в его честь зарезать всех баранов [6].

---

1 (A. Sapieha). Tablice stosunku nowych miar francuskich linealnych z litewskiemi i polskiemi. Warszawa, 1802; Tablice stosunku nowych miar i wag francuskich linealnych z litewskiemi. Warszawa, 1805.

2 M. S. Aleksandr Sapieha. Encyklopedia powszechna (Orgelbranda), t. 22. Warszawa, 1866, str. 341; Sapiehowie. Materjały genealogiczne i majątkowe, t. 3. Petersburg, 1894, str. 422.

3 Ему посвяшено наше краткое сообщение «Хождение вдоль Ядрана» («Неман», 1966, № 9, стр. 190-192).

4 Lettre sur le bords de l'Adriatique, adressee ä Mr. Gilibert, Docteur en Medecine. Par le A. Sapieha. P., 1808, 62 p.; K. Estrejcher. Bibliografia polska XIX stulecia. T. 4, Kraków, 1878, str. 180; (A. Sapieha). Podróże w krajach słowiańskich adbywane w ll. 1802-gim i 1803:-cim. (Wrocław). 1811; A. Sapieha. Podróż po słowiańskich krajach. Sanok, 1856.

5 И. Карский. Деречинский приход. Гродна, 1901, стр. 37.

6 (A. Sapieha). Podróż po słowiańskich stranach, str. 90.

Вместе с тем А. Сапега столкнулся в Далмации и с вредным старинным обычаем кровной мести, называвшемся «осветой» от слова «осветит се», т. е. «стать святым» в значении «отомстить».

Выезд в Далмацию, только в 1797 году присоединенную к Австрии, был делом не простым. Поэтому А. Сапега прибегнул к помощи русского консула в Триесте Мелиссино. Тот сопровождал А. Сапегу и его спутников на судне, нанятом князем, до острова Крк.

А. Сапега так определял цели сочинения: «Для путешественника преступно не замечать (обычаев народа.— *В. Г.)* и не описывать их»[1] Для изучения истории каждого народа он предлагал использовать его язык, язык его предков, его нравы, связи с другими народами. Подобные мысли опередили взгляды историков по этому вопросу на несколько десятилетий.

Идрия. С гравюры XVII века

А. Сапега постоянно подчеркивал близость славянских народов и их языков. Название города Горицы он связал со словом «гора», название горы Нанос и местечка Риздерте со словами «нанос» и «разодранное», а название полуострова Истрия с общеславянским «острый» (в связи со скалистостью местности).

В Истрии, откуда А. Сапега начал свое путешествие, он посетил единственные в Европе того времени ртутные рудники Идрии. Они

---

[1] (A. S a p i e h a) . Podróż, str. 90.

приносили австрийскому императору огромные прибыли, хотя рабочие, которые были заняты в рудниках по 6-8 часов ежедневно, влачили нищенское существование. От отравления газами во время одного из пожаров, по словам А. Сапеги, погибли 17 человек, а 20 остались калеками.

А. Сапега с сочувствием отзывался о жизни рабочих рудников: «Печальная судьба горняка передается по наследству. Оплата их слишком невелика, а наказания страшные. Дирекция имеет право осуждения на смерть в случае кражи, а этой карой всегда бывает казнь... Уделом несчастных жителей Идрии является плохое здоровье, бледность лица, частые судороги»[1]

Амфитеатр в Пуле

А. Сапега сам спускался в шахту и с риском для жизни брал для опытов пробы ртути. Каждый раз, когда ему становилось дурно от ядовитых ртутных паров, его на веревке вытаскивали наверх.

Из Триеста А. Сапега отплыл на юг. Его путь лежал мимо каменоломен Каподистрии, Изолина, Пирана и острова Бриоли, откуда венецианцы вывозили мрамор для облицовки своих

---

[1] (A. Sapieha). Podróż, str. 7.

знаменитых каналов. Здесь он изучал природу ночного свечения моря, особенности местного шпата и мрамора.

Сапега делал остановку в порту Пула, в котором «смогли бы разместиться все флоты Европы». В Риеке путешественник посетил сахарную фабрику, на которой было занято 500 рабочих. Между тем А. Сапега, которого интересовали вопросы экономики и промышленности, не увидел «на фабрике новых способов производства», хотя она и представляла собой самую крупную мануфактуру в Хорватии и одно из наиболее значительных капиталистических предприятий в Европе[1].

Побывав на острове Крк, А. Сапега подчеркивал миролюбие его жителей и объяснял это тем, что остров не подвергался нападениям на протяжении нескольких веков: «У них есть только десяток ружей, и то, чтобы пугать птиц».

Но не все на Крке было таким идилличным, как сперва показалось А. Сапеге. Ловить угрей в местном озере можно было, только уплатив деньги епископу острова. А жалобы на губернатора Крка жители могли подавать только ...самому губернатору.

Путешественник посетил порт Сень, заселенный потомками бежавших из-под турецкого ига ускоков, наводивших в свое время ужас на венецианцев и турок. В дальнейшем, в горах Южной Далмации, Сапега встречал далматинских партизан-гайдуков, воевавших против турецких захватчиков. Он отмечал их бескорыстие и храбрость, поддержку их крестьянами и сравнивал гайдуков с украинскими гайдамаками, которые на протяжении XVIII столетия вели борьбу против крепостничества на Правобережной Украине.

Сапега писал о неприязни далматинцев к завоевателям — австрийским солдатам и чиновникам, о неурожайности земель Далмации и нехватке рабочих рук вследствие грабежей чужеземцев и ухода многих жителей в батраки к туркам.

Тепло Сапега отзывался о просветителях Далмации, с которыми ему приходилось сталкиваться. На острове Раб в библиотеке местного православного епископа, который издал азбуку и словарь глаголицей, он видел старинные рукописи, оригиналы которых погибли. В Задаре путешественник осмотрел уникальное собрание гербов славянских дворянских родов у историка графа Стратико и коллекцию древних бюстов и статуй в музее умершего незадолго до того доктора Даниэля.

Даже в дальних странствиях путешественник не забывал о родных местах, сравнивал их с далматинскими местностями. По пути

---

[1] История Югославии, т. I. Под ред. Ю. В. Бромлея и др. М., 1963, стр. 256.

из Задара к Биограду он посетил деревню Сан-Филипо, расположенную среди болот. А. Сапега писал, что жители деревни «часто болеют. Слепней и комаров тут такое множество, как и в Полесье, а сильная жара поддерживает в воздухе зародыш нездоровья».

Сапега проявлял большой интерес к римским и старославянским древностям. Вблизи Шибеника пять часов он плыл вверх по озеру и реке Керке до озера Скардона (Проклян), чтобы осмотреть руины древней столицы римской провинции Либурнии Скардоны (Скрадуня). Около города Синя и реки Цеттины он повидал старинные надгробия с изображением сцен охоты, боя и женских танцев, напоминавших ему современные танцы далматинцев.

Явно антицерковные тенденции проявились у автора дневника при ироническом описании католического богослужения в костеле около Синя, которые никто не слушал. Ксендз служил его для себя, у него не было даже прислужника. «Над дверями его прихода, — писал Сапега, — был камень с римской надписью, засыпанной зерном... Никогда я не имел дела с человеком более невежественным, чем этот священник»[1] С горечью Сапега писал, что венецианцы выстроили в Пуле крепость, разрушив для этого старинные строения, а в южной Далмации заставляли жителей разбивать на куски статуи языческих богов и перевозить их бесплатно в Венецию для строительных нужд. Единственными памятниками древности в Задаре, которые обнаружил путешественник, были остатки водопровода и храм Дианы, безвкусно переделанный в костел. Все прочие старинные строения «пали жертвою заботы о вере святого Деодата или Богдана, который искал и уничтожал их повсюду».

Надгробный камень купца Милутина

Гостеприимству, доброте и честности простого народа Сапега противопоставлял враждебность, грубость и хвастовство большинства местных ксендзов, дворян и представителей власти. Простые же далматинцы, по его словам, «в каждом человеке видят брата».

---

[1] (A. Sapieha). Podróż, str. 130-131.

Когда Сапега посетил Белобрег и спросил его жителя Пинчена, пустит ли тот его ночевать, Пинчен пошел прочь, даже не ответив путешественнику. Как оказалось, далматинец был оскорблен даже предположением, что он не приютит чужеземца. Когда же Сапега только попросил Пинчена переправить его через турецкую границу, что было весьма опасным предприятием, далматинец сразу же дал согласие.

С этой целью Сапега переоделся в одежды, которые носили в турецкой провинции Боснии, и выдавал себя за жителя далматинского торгового города Дубровника.

Собор в Задаре. XIII век 69

Мост в Мостаре

И среди боснийских славян путешественник встречал постоянное гостеприимство. Когда в одной деревне он оставил приютившему его хозяину подарки, то «получил взамен гору плодов, так как босняк считает, что если он не отдарит, то принял милостыню». В другой деревне Сапега видел дом, специально выстроенный для бесплатного приема путников крестьянином Кончичем.

Несмотря на принятие мусульманства, подчеркивал Сапега, босняки не придерживались многоженства. В своем обиходе они целиком оставались славянами. Путешественник называл их самым красивым, чистоплотным и опрятным народом Европы.

Босняки подвергались угнетению турецких завоевателей. Сапеге не раз пришлось столкнуться с их произволом. Однажды при переправе через Неретву на него напало двадцать мусульманских разбойников. От них он смог откупиться 20 пиастрами и серебряными часами, которые передал атаману якобы «за помощь при переправе».

Другой случай произошел близ Мостара. В избу, в которой путешественник остановился у православного босняка, ворвались четыре мусульманина. Они грозили хозяину расправой только «за то, что тот прячет у себя неверного». Избив его и вытащив из дорожного мешка Сапеги водку и баранину, грабители напились, забрали с собой все, что смогли, вплоть до седел, и ушли.

Сапега укрылся в Мостаре в доме православного дьяка. Здесь его переодели в костюм местного жителя, по мусульманскому обычаю обрили голову. Тем не менее во время осмотра знаменитого римского моста (по имени которого, как полагал путешественник, и назывался город), его задержал турок, потребовавший квитанции об уплате головной подати с христиан. Эту подать должны были платить все мужчины и подростки, а квитанцию все время носить с собой. Так как у Сапеги, естественно, квитанции не было, сборщик податей сорвал с него одежду и взял штраф в тройном размере.

В свете такого произвола понятно доброжелательство, с которым жители Боснии и Герцеговины относились к единокровной России — единственному в то время славянскому государству. Именно от нее они, по словам Сапеги, ждали освобождения. Когда в дом дьяка к Сапеге «пришли три монаха с предложением услуг, потому что эти земли подбивали (против турок.—*В. Г.)* разные посланцы различных стран (в том числе Франции и Австрии. — *В. Г.),* разум предписал мне,— пишет путешественник,— стать на наиболее сильную сторону, т. е. на русскую, тем более, что ее религиозное влияние могло мне больше всего облегчить разрешение моих замыслов. Исходя из этого, я

выдавал себя в большинстве случаев за русского, к чему мой славянский язык, похожий на русский, давал достаточно сходства».

Крестьянский дом в Боснии

Пост на турецкой границе

Из Мостара путешественник с караваном добрался до Дубровника, в котором его приняли за турка, так что ему пришлось искать защиты у русского консула Фонтона, Остановился Сапега в том же доме, в котором за три десятка лет до того останавливался

другой белорусский магнат — несвижский князь Кароль Радзивилл по прозванию «Пане-коханку».

Здесь закончилось интересное путешествие Сапеги по Истрии, Далмации, Боснии и Герцеговине.

Сапега побывал и в других местах. Но дневники его дальнейших путешествий, к сожалению, не увидели света.

К путешествиям по Балканам и Ближнему Востоку примыкают экспедиции И. И. Ходзько (1800-1881) и М. П. Вронченко (1801-1855).

Иосиф Иванович Ходзько родился в Кривичах (ныне Мядельский район Минской области) в состоятельной семье. Он успешно окончил Виленский университет (1821). По поручению русского Генерального штаба, в котором он служил, И. Ходзько делал геодезические съемки Белоруссии, Литвы, Латвии, а в 1831-1834 годах на Балканах, в нынешней Румынии, на Босфоре. В 1847-1854 годах он произвел съемку Закавказья, возглавил экспедицию на Большой Арарат. Он был избран почетным членом Русского географического общества и был награжден золотой медалью. Умер в Тифлисе.

Михаил Павлович Вронченко родился в Копыси (ныне Шкловский район Могилевской области) в семье священника. Окончив гимназию и несколько курсов Московского университета, он поступил на военную службу. В 1823 году производил съемки Виленской губернии, с 1824 г. учился в Дерптском университете. Он изучил несколько языков, известен переводами Шекспира, Байрона, Гете, Мицкевича. О переводе М. Вронченко пьесы «Гамлет» тепло отзывался В. Г. Белинский.

Во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов и позже М. Вронченко производил геодезические съемки в нынешней Румгднии, Болгарии, Сербии, а в 1834-1836 годах в Малой Азии, результатом которых была книга «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии» (СПб, 1838—1840). Написанная по личным наблюдениям книга М. Вронченко и сейчас остается ценным источником для изучения Турции прошлого столетия. Очень высоко о ней отзывался Н. Г. Чернышевский.

М. Вронченко был одним из основателей Русского географического общества. (Ф. Дамінікоўскі. Выдатныя географы-беларусы.

«Беларусь», 1945, № 7-8, стар. 152-153; Б. М. Данциг. Русские путешественники на Ближнем Востоке, стр. 135-141).

ПО
НОВОМУ
СВЕТУ

Ю. У. Немцевич. С гравюры И. Лигбера

Белые! Проклятье вам вовеки!
Вам проклятье, голубые реки,
Вы дорогой стали нищей своре!
Сто проклятий звездам путеводным,
Буйным ветрам и камням подводным,
Что воров не потопили в море!
Их суда — отравленные стрелы —
Вторглись в наши древние пределы,
Обрекли свободных рабской доле.
Все, чем мы владели, им досталось,
Нам лишь боль и ненависть осталась.
Н. Ленау. Три индейца.

Блеск и тени молодых Соединённых Штатов

19 августа 1797 года в филадельфийском порту бросило якорь судно, прибывшее из Европы. Среди других пассажиров, ступивших на американскую землю, находился и Юлиан Урсын Немцевич, уроженец Белоруссии. Проведя в Соединенных Штатах Америки около десятка лет, он первый в славянских литературах в XIX веке дал описание этого молодого государства.

Родился Ю. Немцевич 16 февраля 1757 года в семье шляхтича в имении «Скоки» (под Брестом)[1] Он окончил кадетский корпус в Варшаве (1777) и по делам службы объездил Белоруссию, Литву, Украину, а затем побывал в Австрии, Италии, Франции, Англии, Голландии, Германии и других европейских странах. В своих произведениях он обличал произвол магнатов, чванство шляхты и ханжество духовенства. Ю. Немцевич издавал первую политическую газету в Речи Посполитой — «Национальную газету». 15 января 1791 года была поставлена его комедия «Возвращение депутата», в которой критиковалось своекорыстие и ограниченность реакционной шляхты, противившейся прогрессивным реформам.

Постановка пьесы была одним из ярких эпизодов борьбы за подготовку прогрессивной конституции третьего мая 1791 года, одним из создателей и защитников которой был Немцевич[2]. Реакционер Сухожевский требовал на сейме суда над Немцевичем. И это понятно. Немцевич в пьесе воплотил свои передовые идеи, а будучи депутатом сейма, выступал на его заседаниях за предоставление прав кре-

---

[1] A. Czartoryski. Żywot f. U. Niemcewicza. Berlin-Poznań, 1860, str. 9.
[2] J. Dihm. Niemcewicz jako polityk i pyblicysta w czasie Sejmu Czteroletniego. Kraków, 1928, str. 125.

стьянам, горожанам, угнетенным народностям. Он заявлял: «До каких же пор будут существовать в Речи Посполитой привилегированные сословия, которым все позволено делать безнаказанно? Пора низвергнуть этих истуканов и на их место поставить божество равенства и свободы!».

Во время восстания 1794 года во главе с Тадеушем Костюшко, как и Немцевич, уроженцем Брестчины, писатель стал начальником его канцелярии. В битве под Мацеёвицами 10 октября 1794 года он был ранен и взят в плен царскими войсками. Вместе с Костюшко Немцевич был заточен в Петропавловскую крепость.

После вступления на престол Павла I руководители восстания, в том числе и Ю. Немцевич, были освобождены из заключения. Вместе с Костюшко Ю. Немцевич уехал в Соединенные Штаты Америки, где в 1776-1783 годах Тадеуш Костюшко в качестве добровольца принимал участие в войне за независимость североамериканских колоний.

Отъезд состоялся 19 декабря 1796 года, а спустя восемь месяцев путешественники прибыли в Филадельфию, которая встретила их негостеприимно: в городе свирепствовала желтая лихорадка. Жители покидали свои дома. Улицы города опустели. Тишину нарушали только погребальные процессии. Т. Костюшко и его спутники также вынуждены были покинуть Филадельфию. Они были приглашены в гости товарищами Костюшко по войне за независимость генералами Э. Уайтом и Х. Гейтсом.

Ю. Немцевич обратил внимание на то, что в стране все напоминало недавние времена колонизации. Вокруг Филадельфии было много сельских домиков, окруженных садами, переходившими в поля кукурузы и гречихи. В отличие от Европы нигде не было видно башен, развалин, готических замков, памятников. «Путешественник,— замечает Ю. Немцевич,— находится здесь в современности и только с нею общается».

Переправившись через р. Делавэр, Т. Костюшко и Ю. Немцевич попали в столицу штата Нью-Джерси Трентон. Здесь 24 декабря 1776 года Джордж Вашингтон, руководитель американской революции, одержал победу над гессенскими (немецкими) наемниками английской короны. Затем путники на некоторое время задержались в Нью-Брунсуике у генерала Уайта.

Штат Нью-Джерси был богат железной и медной рудой, но ее залежи слабо разрабатывались из-за нехватки рабочих рук. Жители штата предпочитали заниматься сельским хозяйством. Здесь Немцевич не видел такой нужды, как на родине. В США везде нужны были рабочие. Бросалось в глаза внешнее равноправие, столь не-

обычное для феодальной Европы. Слуги и фермеры здесь не снимали шляп с подобострастием перед богачами. Но это было только внешне. Богачи заметно сторонились бедных, объединялись в свои кружки. Не имея дворянских титулов, они упорно держались своих воинских званий, полученных во время войны за независимость.

10 сентября 1797 года Т. Костюшко и Ю. Немцевич в имении Роуз Хилл под Нью-Йорком посетили Гейтса. Нью-Йорк, отмечал Немцевич, был расположен в очень удобном месте: по р. Ист-Ривер с северо-востока сюда доставлялись товары из штатов Коннектикут и Вермонт, а по р. Гудзон — с севера. Гудзон и Могоук соединялись каналом с озером Онтарио, через которое поступали грузы с Великих озер. Из Нью-Йорка отплывали корабли в Европу, Китай, Индию, Новый Орлеан.

В течение всей войны за независимость город находился в руках англичан и был полностью разрушен. Но он быстро отстроился и рос (за три года население НьюЙорка увеличилось на 10 000 человек). Это вызывало большую дороговизну.

В центре Нью-Йорка находилась старая тюрьма для должников с необычными для Немцевича правилами. В нее помещали многочисленных нью-йоркских спекулянтов, которые могли там принимать гостей, слушать музыкантов, играть на музыкальных инструментах.

29 сентября Т. Костюшко и Ю. Немцевич переправились через Гудзон в Элизабеттаун, маленький городок с единственной улицей. Здесь во время провинциальных выборов в законодательный корпус Ю. Немцевич воочию убедился в неравноправии членов американского общества, демократичностью которого он до этого восхищался. Права выбирать не имели люди, не владевшие 50 фунтами капитала. Руководители партии федералистов, чтобы не дать пройти республиканскому кандидату, привозили на телегах выборщиков-фермеров, которых спаивали водкой. Когда стало известно, что в соседнем городе Ньюарке победили республиканцы, элизабеттаунские федералисты прибегнули к такому средству: они привлекли к выборам всех имевших право голоса вдов, владевших собственностью, и девушек старше 21 года. Как с юмором отвечал Ю. Немцевич, последних на выборах было немного, ибо «что есть удовольствие голосовать по сравнению с неприятным признанием в том, что тебе минул 21 год».

Ю. Немцевич видел неравноправие и в Нью-Йорке, когда познакомился у Гейтса с семьей помещиков Ливингстонов, от которых зависели 600 арендаторов и фермеров.

Единственным общественным зданием в Элизабеттауне было здание суда, в подвале которого находилась тюрьма. В ней сидели

беглые рабы-негры. «Приговор и кару диктуют только их хозяева,— восклицает Ю. Немцевич,— и это в свободной и демократической Америке!»

После трехнедельного пребывания в Элизабеттауне Т. Костюшко и Ю. Немцевич вернулись к Уайтам в НьюБрунсуик. Здесь неподалеку от городка Пэтерсон Ю. Немцевич видел водопад Пассайку высотой в 75 метров. Сила его воды предприимчивым американцем использовалась для движения мельниц и машин, обрабатывающих хлопок.

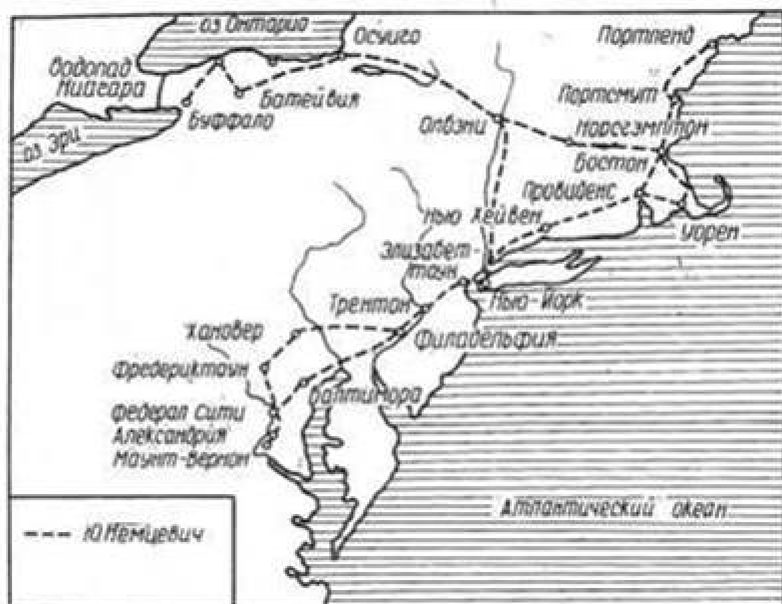
Преклоняясь перед гением человека, создавшим машины, Ю. Немцевич высказал удивление и тревогу при виде детей от 7 до 14 лет, которые получали за работу на фабрике от 2 до 4 шиллингов в день.

20 ноября Ю. Немцевич едет в Филадельфию искать квартиру для Костюшко. Здесь ему удалось снять две тесные комнатки на Саустри-стрит, где обычно селились студенты медицинского факультета. Комнатка Ю. Немцевича не отапливалась. Поэтому он вынужден был искать место для чтения и письма в трактирах или же разгуливать по улицам.

Филадельфия, как описывал ее Ю. Немцевич, была большим городом, основанным в 1681 году руководителем секты квакеров У. Пенном. Улицы, которые шли с востока на запад, носили название различных пород деревьев, те, что шли с севера на юг, нумеровались. Торговая улица делила город на северную и южную части. Дома строились из кирпича, но не штукатурились. Из общественных зданий Ю. Немцевич отмечал дворец президента (Фила дельфия была его временным местопребыванием), банк США, здания суда и конгресса.

Американцы, по наблюдениям Ю. Немцевича, не любили разгуливать без дела. Праздные гуляки были здесь редкостью. Днем на улицах Филадельфии то и дело слышались крики негритят-трубочистов, по вечерам — призывы торговцев устрицами, а ночью — голоса сторожей, объявлявших время и погоду.

22 февраля 1798 года во время празднования в здании цирка дня рождения Вашингтона Костюшко и Немцевич познакомились с индейским вождем Малой Черепахой, который прибыл во временную столицу США для утверждения демаркационной линии страны с его племенем майами. Вождь потребовал от правительства США запрета ввоза к индейцам спиртных напитков, которыми американцы спаивали их. Даже сейчас вполне современно звучат слова Малой Черепахи, гордо заявившего американцам: «Не говорите мне о вашем превосходстве, если не хотите дать мне средства, при помощи которых мой народ мог бы достигнуть таких же благ».



Маршрут Ю. Немцевича

Вождь майами посетил Костюшко и подарил ему томагавк. В свою очередь Костюшко преподнес индейцу свою бурку и очки.

22 февраля 1798 года было одновременно и днем выборов сенатора от штата Пенсильвания. Выборы, как отмечал Ю. Немцевич, прошли спокойно, если не считать двух потасовок, хотя в других местах они проходили более бурно. В городе Ньюкасл (штат Делавэр) был убит один человек, а в штате Мэрилэнд — семеро.

29 апреля 1798 года Ю. Немцевич был избран членом философского общества в Филадельфии, которое возглавлял видный демократ Томас Джефферсон.

В мае Тадеуш Костюшко принимает решение тайно, под чужим именем отплыть во Францию. Соединенные Штаты Америки уже ничем не напоминали страну, которую Т. Костюшко оставил тринадцать лет назад. Революционный подъем, благодаря которому молодые североамериканские колонии добились независимости от Англии, пошел на спад. К власти пришли федералисты во главе с новым президентом Джоном Адамсом. Это была консервативная партия, противившаяся революционным изменениям, за которые ратовала

другая партия — республиканцы. Федералисты ориентировались на монархическую Англию, отрицательно относились к французской революции и даже стремились к войне с ней на стороне англичан.

Страна быстро шла по пути капитализации. Не получившие каких-либо заметных материальных благ в результате войны за независимость народные массы подняли в 1786 году восстание под руководством Дэниэла Шейса. Восстание было подавлено, а его руководители сурово наказаны.

Американский народ устраивал восторженные встречи герою войны за независимость Тадеушу Костюшко. Газета же федералистов «Гэзет оф зе Юнайтед Стейтс» объявляла его за это «скотом». Власти окружили Костюшко сетью шпионов, следили за каждым его шагом. В ночь с 4 на 5 мая 1798 года Т. Костюшко покинул Соединенные Штаты. Ю. Немцевич остался в США и пробыл здесь (с перерывом в два года) до 1807 года. Царское правительство запретило ему не только возвращение на родину, но даже переписку с семьей и материальную помощь с ее стороны. В другой же стране он не мог встретить такой прием, какой ему оказывали в Америке как другу национального героя Т. Костюшко.

Дальнейшие события подтвердили правильность действий Костюшко. Возмущенная проанглийской политикой правительства США, французская Директория позволяла корсарам, которыми кишел Атлантический океан, грабить американские суда. Это повело к упадку американской

Заморской торговли и к выступлениям в США против республиканцев, сторонников союза с Францией.

6 мая 1798 года пьяная толпа с оркестром и знаменами поднесла Адамсу адрес, а затем выбила стекла у республиканца типографа Баша. Члены оппозиции в знак протеста покинули Конгресс. Адаме стал готовиться к войне с Францией. Он ввел в действие закон, позволявший президенту высылать из страны или бросать в тюрьму любого «подозрительного» иностранца. Вместо пяти лет, необходимых ранее для получения прав гражданина США, этот срок удлинялся до 14 лет. Франция провозглашалась вражеской страной, и каждый, кто поддерживал идеи французской революции или помогал ей, мог быть обвинен в измене и подвергнут заключению.

Эти законы Ю. Немцевич назвал «проникнутыми турецким духом» (т. е. деспотическими, так как османская Турция была тогда синонимом тирании, державшей народ в бесправии). Они, по мнению писателя, «являются лучшим доказательством того, как администрация старается перенять и унаследовать самодержавные методы

управления у деспотов.... В подозрении абсолютно всех иностранцев больше желания господствовать, чем применения опеки».

Жаль, что эти мысли пришли к Ю. Немцевичу так поздно. Восхищение Америкой, которая в начале знакомства с нею представлялась страной свободы и равенства, бледнело по мере дальнейшего его пребывания в США. Ю. Немцевич познакомился, по его выражению, с одним из светлейших умов страны — Дж. Логэном, который говорил ему: «Нам нужна революция, только она может нас спасти, но ...поверьте, что наш народ не хочет слышать о ней, настолько он бесправен».

Вскоре Ю. Немцевич сам запишет в дневнике: «Это равенство, эта простота обычаев будут длиться до тех пор, пока с веками богатства людей, избыток, изменение правительства не введут порчи: тогда никакие революции, никакие мудрейшие конституции на бумаге не смогут вернуть уже испорченных людей к их первоначальной невинности и простоте; пиво из свежего ячменя вкусное и чистое, но если оно от времени и брожения прокиснет и превратится в уксус, напрасными будут все химические операции, оно навсегда останется уксусом».

Капитолий. С гравюры XIX века

При посещении строившейся новой столицы США Федерал-Сити (позже Вашингтон) Ю. Немцевич услышал рассказ о том, что якобы первый хозяин земли, на которой строился дворец заседаний Конгресса Капитолий, назвал ручеек, протекавший там, Тибром, по имени реки, протекающей через Рим мимо холма Капитолия. Этот человек

предсказал здесь строительство города, который, подобно Риму, будет одним из сильнейших и величайших в мире. По этому поводу Ю. Немцевич пророчески сказал: «Не желаю американцам ни величия, ни силы римлян, и одно, и другое влекут за собой желание захватов, несправедливость, притеснение соседей, внутренние неурядицы и, наконец, тиранию у себя дома. Желаю им единственно столько мощи и силы, сколько необходимо, чтобы отбить атаки извне, и столько богатства, сколько надо, чтобы обеспечить людям счастье и достаток, излишек был бы так пагубен для народа, как и нужда для личности»[1]

Чтобы развеять горечь от разлуки с Костюшко, Ю. Немцевич отправился при материальной поддержке Т. Джефферсона в поездку по США. Из Филадельфии он выехал на юг, в Балтимору, в почтовой карете. Уже в дороге он столкнулся с жестоким обращением белых с неграми. В карете вместе с хозяином ехал негр со связанными платком руками. Перед Балтиморой они вышли из кареты. Хозяин навьючил на негра седло. «Я думал,—пишет Ю. Немцевич,— что он поедет на нем верхом, но он удовлетворился тем, что набросил рабу узду на шею и потащил за собой, как лошадь. Бедное человечество! У него была ферма в получасе (ходьбы) от дороги. Один бог знает, какая судьба ожидает бедного негра!»

В штате Мэрилэнд, в котором располагалась Балтимора, чувствовалась близость рабовладельческого Юга. Вдоль дорог на деревьях часто можно было увидеть объявления о бегстве негра и предназначенной за его поимку награде. Здесь Ю. Немцевич видел обрабатываемые неграми поля. Он заметил по этому поводу: «Мне кажется, что джентльмен из Виргинии среди своих негров весьма напоминает уездного помещика в Польше» [2].

14 мая 1798 года Ю. Немцевич побывал на строительстве новой столицы. Здесь он видел эмигрировавших из Европы ирландцев и шотландцев, а также негров. «Я видел много негров и был очень доволен, что эти бедные несчастливцы зарабатывают 8-10 долларов в неделю. Моя радость длилась недолго, так как мне сказали, что они работают не на себя, что хозяева сдают их внаймы и забирают весь заработок себе. Где здесь человечность? Хотя бы делились (с рабами) прибылью»[3]

В Федерал-Сити Ю. Немцевич познакомился с Джорджем Вашингтоном, который произвел на путешественника больше впечат-

---

[1] J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce. 1797-1807. Warszawa, 1959, sir. 128.
[2] Там же, str. 141.
[3] Там же, str. 136

ление. В июне Ю. Немцевич гостил в имении Вашингтона Маунт-Вернон.

26 мая писатель отправился вместе с двумя выходцами с островов Индийского океана, французами Дефоржем и Дебассеном, на водопады р. Потомак. По дороге путники увидели большое поле, на котором десяток негров и негритянок сажали кукурузу. Из чистого любопытства, пишет Ю. Немцевич, мы привязали лошадей к ограде и подошли к рабам. «Их исхудалые, черные скелеты были едва прикрыты лохмотьями, ноги были босыми и т. д. ...Когда после нескольких вопросов мы хотели удалиться, мы услышали бешеный голос: «Стоп, стоп!» Обернувшись, мы увидели двух мужчин с ружьями. Задыхаясь, полные беспокойства, они бежали к негру, с которым мы разговаривали, и расспрашивали его, чего мы хотели и что говорили ему. Мы подошли к ним в самой середине разговора.

— Чего вы здесь ищете, чего вы хотели от моих негров?— спросил один из мужчин у нас.

Мы ему представились как иностранцы, которые хотели посмотреть на плантацию табака, думая, что он выращивает на своих полях табак.

— Извините миллион раз,— сказал он,— я думал, что вы пришли сманивать моих негров.

Как жалок человек, живущий в постоянном беспокойстве лишиться невольников, о которых знает, что они недовольны им, но которых, несмотря на это, продолжает угнетать».

При дороге путники увидели несколько жалких глинобитных мазанок, отапливавшихся по-курному, но, наученные предыдущей встречей, побоялись заходить туда, так как американцы, по словам Ю. Немцевича, в каждом чужеземце видели шпиона. «Они подозрительны, будучи тиранами, и потому их мучают угрызения совести и постоянное беспокойство. Джентльмена, который лично с ружьем за плечами сторожил своих негров, звали Хэмптон или Хамилтон. И это виргинец, гражданин страны, более других провозглашающей свободу, равенство и т. д.? Каждый день он попирает их ногами, не переставая кричать о том, что он единственный их защитник! С детства привыкнув к тому, чтобы приказывать и никого над собой не иметь, он обеспокоен всем, не любит чиновников, которых сам выбрал, так как они могут ему указывать от имени права»[1].

В Маунт-Верноне Ю. Немцевич зашел в одну негритянскую мазанку. «Они,— пишет путешественник,— беднее самых бедных хат

---

[1] J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce, Str. 136.

наших крестьян. Муж и жена спят на жалком тряпье, дети на земле, у них плохой очаг и немного посуды... Больной 15-летний мальчик лежал на земле в страшных судорогах... Невдалеке в маленьком огородике копошилось пять или шесть кур, у каждой из которых было 10-15 цыплят. Это единственное, чем могут пользоваться чернокожие. Им нельзя заводить уток, гусей и свиней. Они продают (кур) в Александрии и покупают необходимые вещи. Они получают гарнец кукурузы в неделю, что составляет кварту в день, для детей половину (порции) и 20 селедок в месяц на каждого. Те, которые работают в поле, в жниво получают солонину, а кроме того, куртку и брюки из грубой шерсти раз в год. У генерала (Вашингтона.— *В. Г.)* было триста негров, не считая женщин и детей. ...Они работают целую неделю, не имея дней отдыха, за исключением праздников. Из этого видно, что наши крестьяне питаются лучше... По законам Виргинии, дитя разделяет судьбу матери, сыновья и дочери мулаток и белых — невольники, и потомки их детей, несмотря на то, что они белые, все же остаются рабами. Генерал Вашингтон обращается с рабами человечнее своих земляков из Виргинии. Большинство этих господ дает своим чернокожим только хлеб, воду и плеть»[1]

Истинную причину рабовладения Ю. Немцевич видел в большой протяженности частных владений и малом количестве белых жителей. Выращивание табака и хлопка было еще одной причиной этого явления в южных штатах, тогда как в северных штатах с меньшими имениями и выращиванием других культур рабов не было.

По дороге из Маунт-Вернона на север, вблизи Фредерикстауна Ю. Немцевич проехал мимо имения некоего Пейяна, известного жестоким обращением с неграми. Около его дома на площадке виднелись орудия пыток — дыба, деревянные кони, бичи. Двое или трое изувеченных негров жаловались на него в суд, но безрезультатно. Этот тиран имел уже 50 подобных дел в суде.

Из Фредерикстауна путешественник выехал в НьюЙорк, куда прибыл 3 июля, в канун праздника независимости США. Он описывает торжества по случаю праздника. Затем он отплыл в Нью-Хэйвен (штат Коннектикут). На востоке штата, в Нориче, он встретил на рынке нескольких индианок, продававших ягоды. «Их племя,— пишет он,— имеющее не более 70 человек, живет до сих пор на участке земли в 3000 акров, который обеспечен им по закону штатом (это напоминает петербургский двор, дающий полякам имения в Польше) ...Этот народ утратил воинственность и все достоинства

---

[1] J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce, str. 149-150.

предков, сохранив недостатки ...Такова память о народе, который был первым и законным хозяином всей этой страны. Удивительны перемены: горсть европейцев из наименьшей части света изгнала и уничтожила почти весь народ истинных владельцев (этой земли), целую половину земного шара»[1]

Затем Ю. Немцевич направился на восток в самый маленький штат Род-Айленд. Его жители занимались прибрежной морской, а также заокеанской торговлей (с Европой, Вест-Индией и Ост-Индией). До войны за независимость купцы штата были самыми известными в Северной Америке работорговцами. «Род-Айленд,— пишет путешественник,— был последним в Соединенных Штатах, который принял теперешнюю конституцию, причиной сопротивления, вероятно, было запрещение работорговли» [2].

Далее в «Путешествии» мы находим описание Бостона. Город, пишет Ю. Немцевич, был основан в 1631 году жителями соседнего городка Чарлстона. Он более других напоминал города Европы. Дома в нем были старыми, закопченными и деревянными, улицы — узкими, грязными, кривыми.

Жители штата Массачузетс, в котором был расположен Бостон, занимались преимущественно рыболовством. На китобойный промысел в основном ходили квакеры, жившие на острове Нантакет. Накануне сезона хозяева рыболовецких судов закупали соль в Бостоне, а затем забирали четверть улова. Из штата в море ежедневно выходило 1500 рыболовецких судов.

Кроме рыбы, массачузетцы заготавливали солонину для своих рыбаков и для продажи в Вест-Индии. В Испанию и Португалию они вывозили древесину и кукурузу.

В Бостоне Ю. Немцевич посетил Гриффисон-Уорф — место знаменитого «Бостонского чаепития», послужившего началом войны за независимость. Именно здесь американцы выбросили в море 400 ящиков чая, которые были обложены колониальными властями непомерным налогом. В то же время бостонцы не смогли указать путешественнику дом и типографию, в которых родился и работал видный общественный деятель и ученый Бенджамен Франклин, в память о котором была установлена каменная урна на городской площади.

---

[1] J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce, str. 191-192.
[2] Там же, str. 197.

Ратуша в Бостоне. С гравюры XIX века

Ю. Немцевич посетил первый в Северной Америке университет, основанный в 1638 году в Кэмбридже (в 3,5 милях от Бостона). Отсюда Ю. Немцевич поехал на север. Минуя Сэйлем, Ипсуич, Солсбери и Эйлисбери, путешественник прибыл в Портсмут (в штате Нью-Хэмпшир). Это было одно из наиболее старых поселений Северной Америки. В нем проживало 5000 человек. Город ввозил кофе, сахар, хлопок, английское сукно, а вывозил рыбу, масло, мясо, бочарную клепку.

30 июля 1798 года Ю. Немцевич пустился в обратный путь. Он поехал на запад в Олбэни, стоявший на р. Гудзон. Олбэни находился уже в штате Нью-Йорк. Здесь ему довелось быть на обеде у богатого землевладельца С. ван Ренселлера. Многочисленные арендаторы платили ему с каждых 100 акров земли сперва по 400 фунтов стерлингов, а затем каждый год 25 бушелей (200 л) пшеницы. Аренда устанавливалась на три поколения вперед. Арендатор, полагавший, что земля останется его Внукам, строил дом, разбивал сад и хорошо обрабатывал участок, а «владелец (земли) без трудов.и стараний имел определенный чистый доход, хотя и небольшой, а спустя несколько десятков лет вместо заросшей кустарником земли получает имение с готовыми строениями, садами и хорошо обработанной землей и за несравненно высшую цену» снова сдает ее в аренду.

«Из этой взаимной частной корысти,— пишет далее Ю. Немцевич,— возникает общественное зло: влияние землевладельца и зависимость арендаторов. Владелец земли, обещая продлить аренду, не взяв нескольких бушелей пшеницы и сделав еще несколько поблажек, является господином воли и мнения арендаторов, а имея

сотни и тысячи их, он перевешивает весы выборов на какую хочет сторону. В графстве Олбэни и нескольких других никто не может стать депутатом конгресса или местного законодательного собрания, кроме того, кого хочет ван (Ренселлер ...Слово «патрун» (ван Ренселлер носил это звание[1]) произносится каждым с уважением и какой-то тревогой. Он здесь выступает в той роли, в которой Радзивиллы выступали в Литве (и Белоруссии) ...Так при наилучшей и мудрейшей конституции, принципах свободы и равенства, законе, общественном мнений, обычае и тут есть, как и в других местах, предводители и зависимые, словом, господа и чиншевая шляхта. Везде одна песенка, везде богатство, власть, высший свет над убожеством, или, точнее, над нуждой и темнотой верховодит и будет верховодить ...Каким способом можно избегнуть этого, я не знаю. Без нарушения святых прав собственности ни один закон не может запретить гражданину иметь большие земли и богатства и распоряжаться ими по своей воле, без отделения от всех прав гражданства он не может лишить права голоса тысячи и тысячи жителей»[2]

Ю. Немцевич возмущался не только имущественным неравноправием белых жителей США. Путешественник писал о бедственном положении индейцев, вытесненных с лучших земель на пустоши. Однажды ему пришлось видеть на рынке десяток индейцев-могавков, которые продавали метлы и лопаты. «Приблизившись к ним,— пишет он,— я не мог без грусти смотреть на настоящих и законных господ этой части света, приниженных до необходимости вязать метелки и снабжать ими своих завоевателей» [3].

Ю. Немцевич поселился в Элизабеттауне. Здесь он жил в доме портного Риверса, столовался с хозяином и его слугами, сам пилил себе дрова. В 1800 году он женился на вдове генерала, друга Костюшко, Сьюзэн ЛивингстонКин. После женитьбы Ю. Немцевич продолжал жить жизнью простого горожанина —сам обрабатывал огород, сад, поле, покупал по утрам на рынке мясо и рыбу, помогал на кухне жене.

В начале 1802 года отец Ю. Немцевича скончался и оставил ему имения. 7 сентября 1802 года Ю. Немцевич выехал в Белоруссию. Здесь он привел в порядок свои финансовые дела и издал семь книг. 27 марта 1804 года

---

[1] Землевладелец, получивший дворянские права еще от датского правительства, некогда владевшего колониями в этой части Америки.

[2] J. U. Niemcewicz. Podróże po Ameryce, str. 237.

3 Там же, str. 238.

Ю. Немцевич вновь выехал в Америку. В октябре 1805 года он побывал у водопада Ниагара на р. Святого Лаврентия. Живя в Элизабеттауне, писатель постоянно следил за делами в Европе. Известие о создании Наполеоном марионеточного правительства Великого герцогства Варшавского (1807), которое служило ширмой для его великодержавных замыслов, письмо друга С. Малаховского, который звал вернуться домой, навели Ю. Немцевича на мысль навсегда покинуть Америку. 14 июля 1807 года он был уже в Европе.

Дальнейшая судьба Ю. Немцевича сложилась так. Он продолжал заниматься литературной деятельностью. Большую популярность получил его сборник песен о героическом прошлом народов Речи Посполитой (1816), который оказал большое влияние на гражданскую поэзию декабриста К. Ф. Рылеева, тепло отзывавшегося о нем. Во время освободительного восстания 1830—1831 годов Ю. Немцевич входил в состав «Временного правительства» повстанцев. Его послали с дипломатической миссией в Англию. Умер он в Париже 21 мая 1841 года[1]

---

[1] A. Czartoryski. Żywot J. U. Niemcewicza, str. 246.

И. Домейко

Безумны камни Чили, ливнем
пролившиеся с Кордильер.
...а скалы белые
вдруг прерывают реки,
и нежно их целует пояс пены;
гранит высок, искрящийся под снегом,
как монастырь,
он позвоночный столб
суровой родины.

Пабло Неруда. Камни Чили.

Народный герой Чили

23 января 1889 года в Сант-Яго скончался выдающийся исследователь Чили И. Домейко. Его именем назван поселок близ порта Антофагасты, город на юге страны, в Араукании, цепи Кордильер длиной в 1000 километров (Кордильера Домейко). В столице страны И. Домейко установлен памятник.

Так в далекой южноамериканской стране чтят память нашего земляка, известного геолога Игнатия Домейко. Он родился 31 июля 1802 года в имении «Нядзведка» Новогрудского уезда[1] Отец Домейко Ипполит занимал пост президента Новогрудского земского суда. У Игнатия было два брата и две сестры.

Весной 1809 года Ипполит Домейко умер и опеку над детьми взяли его братья Игнатий и Юзеф. Юзеф в свое время учился в горном училище в немецком городе Фрейберге. Его рассказы пробудили у маленького Игнатия интерес к минералогии и, как тот позже писал, «может быть, были причиной того, что спустя 30 лет я посвятил себя этому предмету».

В памятном 1812 году Игнатий Домейко поступил в школу монахов-пияров в Щучине. Школы пияров в середине XVIII века претерпели значительную реорганизацию. Они давали питомцам наиболее прогрессивное воспитание по сравнению с другими монашескими школами (в монопольном владении монахов находилось тогда школьное образование). Иезуиты обвиняли пияров и их школы в недостатке набожности[2]

---

[1] Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. 7. Warszawa, 1886, str. 66.

[2] J. Łukaszewicz. Historya szkół w Koronie i Wielkiem księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794, t. 1. Poznań. 1849, str. 177.

Спустя 4 года Домейко поступил на физико-математический факультет Виленского университета, где был одним из первых студентов. В 1822 году он получил степень магистра математики, но продолжал посещать лекции истории передового ученого И. Лелевеля.

Виленский университет переживал тогда расцвет. В нем преподавали такие известные ученые, как братья Снядецкие, ботаник Б. Юндзилл и др. Воспитанниками университета были великий польский поэт Адам Мицкевич, поэт Томаш Зан, белорусский поэт Ян Чечот и др.

В литовских и белорусских землях социальные противоречия были более острыми, чем в коренной Польше, где уже с 1807 года не существовала личная зависимость крестьян от феодалов. Сильным было и национальное угнетение.

Все это вызывало сопротивление прогрессивных кругов общества. Среди передовых студентов, например, появляются радикальные кружки шубравцев, филоматов, филаретов, променистых.

И. Домейко являлся членом некоторых этих кружков. Осенью 1823 года он был арестован по делу филоматов и брошен в тюрьму. Благодаря влиянию дяди Домейко удалось избежать высылки. Однако он вынужден был жить в деревне, испрашивая на каждый выезд за пределы уезда разрешение полицеймейстера. Ему навсегда запрещалось служить в правительственных учреждениях.

И. Домейко занялся хозяйством в своем фольварке «Заполье» (ныне Лидский район). Он уменьшил, насколько это было возможно по царским законам, барщину крестьянам, организовал сельскую школу.

В деревне И. Домейко провел шесть лет. Здесь он ближе познакомился с жизнью белорусского крестьянства. Из писем сосланных в глубь России друзей и бесед с окружающими он узнавал о предстоявших революционных событиях. Политика национального угнетения в западных частях империи вызывала отпор со стороны народов угнетенных окраин. Июльская революция 1830 года во Франции ускорила взрыв восстания в Польше.

Летом 1831 года восстание вспыхнуло и в Белоруссии. И. Домейко был в первых рядах повстанцев. Однако крестьяне не поддержали это движение, так как оно, по словам Ф. Энгельса, «ничего не изменяло во внутреннем положении народа: это была консервативная революция»[1]

В июле 1831 года отряд, в котором служил Домейко, перешел прусскую границу и сдал оружие пруссакам. И. Домейко выехал в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 265.

Саксонию, а оттуда вместе с А. Мицкевичем направился в Париж. Здесь он в 1836 году окончил Горную школу. В Париже продолжалась зародившаяся еще в виленских тайных кружках дружба с А. Мицкевичем, которому И. Домейко помогал переписывать начисто рукопись поэмы «Пан Тадеуш». В благодарность поэт преподнес ему первый экземпляр первого издания поэмы.

Для практики в горном деле И. Домейко выехал на восток Франции. Позже по приглашению фабрикантов братьев Кёхлинов он едет работать в Эльзас, однако вскоре получает письмо от А. Мицкевича, который сообщал о предложении И. Домейко выехать в Чили на должность профессора химии и металлургии.

И. Домейко согласился поехать в далекую страну. 6 октября 1837 года он писал о Кёхлинах своему другу: «Они быстро высосали бы меня так, что потом ничего бы не осталось ни себе, ни людям. Наука эксплуатации или высасывания (из) людей (соков) здесь продвинулась до высшей степени, хоть все кажется очень хорошим, (а они) рассудительными и почтенными людьми»[1]

В декабре 1837 года Домейко подписал обязательство создать за шесть лет химическую лабораторию и обучить химии студентов в чилийском городе Кокимбо. В январе следующего года вместе с представителем Чили — владельцем копей Карло Ламбертом он выехал в Чили, как он думал, на 6 лет, не предполагая, что проведет в этой стране 46 лет. 3 февраля И. Домейко был уже в Лондоне. Здесь он сел на борт брига «Спей», отправлявшегося в Бразилию.

27 марта 1839 года «Спей» бросил якорь в порту Баия Сан Салвадор. Здесь за две недели до этого войска и флот бразильского императора подавили восстание негроврабов и метисов, а их вождей Сабино и Рего арестовали. С грустью Домейко смотрел на почерневшие от пожара многоэтажные дома и пепелища, грязные улицы, на которых жили рабы. Белых жителей почти не было видно, по городу расхаживали солдаты. Все это напоминало ему недавние картины восстания на родине.

Из Баии корабль отплыл в Рио-де-Жанейро, расположенный в живописной бухте у подножья горы Корковадо. У входа в бухту с юга возвышалась гора Пано-де-Асукар (Сахарная голова), а на другой стороне бухты, с севера, у подножья холмов располагалась крепость Санта-Крус.

Несмотря на официальный запрет работорговли в 1828 году, этот промысел — «позор нашего века», по словам И. Домейко, велся с

---

[1] Цит. по кн.: J. Brzoza. Ignacy Domeyko. Katowice, 1961, str. 86.

негласного ведома правительства. В городе существовал рынок рабов, где открыто можно было приобрести за 200 долларов сильного молодого че-' ловека. Рабов заставляли носить тяжести, работать в ка* меноломнях, на сахарных плантациях. С гневом И. Домейко писал: «Глядя на это, трудно сдержать возмущение белыми. Вся механическая работа, не требующая мысли или расчета, способности или хитрости, падает на плечи чернокожих, когда тем временем белый деспот отдыхает и бездельничает».

Английские и французские военные суда пытались препятствовать ввозу рабов в Рио-де-Жанейро. Но по ночам корабли с невольниками высаживали свой «товар», не доплывая до залива, у Бота-Фого. Таким образом ежегодно в страну ввозилось по нескольку десятков тысяч негров. И. Домейко подчеркивал, что рабство в Бразилии сохранялось во всей его тяжести, как необходимое для поддержания хозяйства зло.

11 апреля И. Домейко и К. Ламберт покинули Рио-деЖанейро на почтовом судне «Спейдер». Плывший с ними уругвайский консул в Бразилии рассказывал о вероломстве и жестокости, с которой власти его страны уничтожили индейцев с их семьями. Для этого их собрали в одном месте под предлогом подготовки войны с Бразилией и внезапно напали на них, уничтожив всех до единого. По этому поводу И. Домейко заметил: «Я не мог удержаться от замечания, что не нужно ни большой отваги, ни цивилизованности, чтобы уничтожить индейцев или загонять их в леса и пустыни».

25 апреля «Спейдер» прибыл в Монтевидео. Город был расположен на берегу залива у подножия горы и застроен одноэтажными домами с плоскими крышами, по краям которых в сезон дождей вода стекала в специальные колодцы. Большая часть улиц столицы Уругвая оставалась немощеной.

Здесь Домейко впервые увидел местных скотоводов гаучо, одетых в пончо — плащи в виде одеяла с прорезью в центре. Было немало и негров: рабовладение продолжало существовать и здесь, несмотря на формальный его запрет.

Почтовое судно «Спейдер» закончило свой путь в Буэнос-Айресе, главном городе Аргентины. Его название (по испански «хороший воздух») полностью оправдывалось действительно здоровым, чистым воздухом, которым легко дышалось после влажной атмосферы океана.

Так как приближалась зима, приходящаяся в Южном полушарии на май — август, возникала опасность закрытия перевалов через Анды, которыми И. Домейко и К. Ламберт собирались пробираться на запад, в Чили. Ходили слухи о предстоящей войне с

Боливией и нападениях индейцев. Поэтому после двухдневного пребывания в столице путники отправились дальше верхом через пампу— степи Аргентины. В пути И. Домейко встречал гаучо, которых характеризует как спокойных людей, не стремящихся к богатству, удобному жилью или другим выгодам. Кроме пончо, на них были шляпы поверх платка, прикрывающего волосы и рот от ветра «памперо», а поверх брюк — что-то наподобие юбки (чилипали). Обувь они носили сыромятную, на ней — длинные шпоры, у седла имели лассо (аркан) и три шара на длинных ремнях (болас), которыми ловили и убивали зверей или врагов.

На отдых путники останавливались на почтовых станциях в домиках из сырого кирпича или земли. Здесь же они и питались касуэлой — мясным супом из лука, тыквы и перца, который запивали горьким настоем травы матэ, причем пили его из одного сосуда через длинные трубки.

Повсюду говорили о восставших индейцах. По этому поводу путешественник писал: «Надо знать, что и местные жители часто обходятся с индейцами по-варварски. Немалое число индейцев долгое время жило невдалеке от деревни (Рио-Саладильо) в согласии с христианами. Но однажды, без всякой причины, жители Рио-Саладильо напали на индейцев, вырезали взрослых, а детей взяли в рабство»[1]

По дороге Домейко собирал минералы и описывал геологическое строение почвы. Утром 11 мая он переправился через Дезагвадеро — «реку, не более широкую, чем Буг под Брестом». Провинция Мендоса, в которую он попал, была богаче других и вела торговлю с Буэнос-Айресом. Здесь Домейко нанял проводника, обещавшего переправить его и К. Ламберта через Кордильеры. Путь лежал через долины и ущелья. Проводник опасался снежных завалов, которые могли отрезать путь и в Чили, и в Мендосу. С большим трудом караван добрался до вершины горы. Отсюда начинался спуск по чилийской территории. Однако он оказался не легче подъема. Мулы вязли в снегу, падали, их приходилось поднимать силой. На следующий день караван спустился в зеленую долину, в которой росли мирт, лавр, виноград, ореховые и фиговые деревья.

Чилийская республика только в 1818 году стала независимой от Испании, которая с начала XVI века владела почти всей Латинской Америкой, кроме Бразилии. Страна вытянулась узкой лентой между высокими Андами (Кордильерами) и Тихим океаном.

---

[1] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2. Wrocław-Warszawa-Katowice, 1963. str. 110-111.

И. Домейко и К. Ламберт направились на север в Кокимбо, куда прибыли 3 июня. Спустя полгода И. Домейко писал домой дяде о стране, в которой поселился: «Нет, видимо, края, который был бы так мало похож на наш, как этот, в котором мне пришлось остановиться после войны, парижского шума и далекого путешествия. Здесь видны только скалы, пустыни и море. Нет ни лесов, ни обширных полей с зеленеющей рожью, ни наших лугов, ни деревень. Весь горизонт закрыт с востока Кордильерами, он ощетинился гребнями гор, цвет которых меняется непрестанно с восхода солнца и до захода: чаще всего он светло-серый, иногда краснеющий, как бы горящий, потом снова золотистые и пурпурные оттенки ...С запада раскинулось безбрежное море, обычно прикрытое по утрам легкой мглой, оно пенится у берега, а вечерами освещено фосфорическими волнами.

Подножья гор, оторванные от цепи Кордильер, опускаются в поперечном направлении и доходят даже до прибрежных скал, покрытых редким кустарником и колючими кактусами. Между отрогами скрываются прекрасные долины, как бы ленты чудесной жизни, а при их спусках к морю видны песчаные отмели, круглые заливы, а вдали редкие корабли, чаще же тюлени и акулы, миллионы морских птиц, а иногда киты, брызгающие фонтанами воды.

То, что отделяет долины друг от друга,— пустыни, которые трудно окинуть взором. Долины же, местами шириной в милю или еще меньше, покрыты зеленью, среди которой видны побеленные домики, а местами чилийские пальмы и высокие, раскидистые фиговые деревья. Местами на лугах, покрытых густой люцерной, пасутся огромные стада лошадей и коров, а у краев и склонов гор тянутся искусственные каналы, обсаженные итальянскими тополями. По ним течет вода, используемая для полива садов и полей.

Хорошая погода, кажется, здесь господствует вечно. Дождь бывает едва два или три раза в год, и то в зимние месяцы, и увлажняет воздух. Температура редко когда падает до 5 или 6 градусов выше нуля, и еще реже повышается до 25 или 26 градусов в тени. Ветер постоянный и спокойный. Днем он веет с юго-запада, ночью с востока. Вечерами царит тишина. Иногда только со стороны Кордильер слышен подземный гул, часто заканчивающийся землетрясением и криками перепуганных жителей»[1]

Чилийцы встретили молодого ученого гостеприимно. Два десятка учеников помогали ему строить лабораторию и слушали лекции нового профессора.

---

[1] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2, str. 149-150.

Горы Чили были богаты полезными ископаемыми. В стране после застоя и спячки, в которую она была погружена при колониальном господстве, быстро развивался капитализм, открывались новые рудники и копи, для работы в которых требовались специалисты. Поэтому И. Домейко и пригласили в центр рудного района Чили Кокимбо.

В феврале-марте 1840 года ученый посетил расположенные к северу от Кокимбо города Уаско и Копьяпо. Он побывал на шахте Сан-Хуан, в которой провел с горняками целый день, спускаясь в шахту, ползая по крутым галереям, обучаясь их ремеслу до поздней ночи. Ученый видел диоритовую скалу с вырезанными на ней изображениями попугаев и американского копытного животного гуанако. Подобные изображения и знаки он позже встречал к югу от Кокимбо в Гуалилинга (департамент Овалле) и Каукенес (департамент Сан-Фернандо). И. Домейко полагал, что они относились к доколониальной империи инков. Ученый тщательно скопировал рисунки.

Двигаясь на север, Домейко прибыл на медные рудники Каррисаль. Это были одни из наиболее богатых медью шахт в мире. На них работало более тысячи шахтеров, добывавших ежегодно руды на три миллиона золотых. Рудник располагался на горе, здесь же стояли тростниковые хижины горняков. Там и здесь виднелись отверстия в горе, через которые пролезали с большими корзинами за плечами изможденные горняки. Они опорожняли корзины в большие кучи. Другие рабочие разбивали руду молотками, добывая из нее медный блеск.

Горняки в Чили

Шахтеры вынуждены были поднимать по два-три центнера руды по скользким неотесанным бревнам с насечками, которые служили лестницами. По свидетельству Домейко, он, не нагруженный ничем, с трудом спускался и поднимался по таким бревнам.

Оставив Каррисаль, ученый посетил пустыню Атакама, о которой писал: «Это широкая, как только можно окинуть глазом песчаная равнина, на которой величественно возвышаются почерневшие гранитные горы гигантских размеров. На их западных склонах светятся насыпи желтого песка, нанесенного ветрами с моря. Равнина вклинивается в горы, местами сужаясь или расширяясь до двух миль между скалами. Дорога пролегает по равнине, засыпанной пылью так, как у нас зимние дороги снежной заметью. Проводник руководствуется видом знакомых скал и различной формы вершин. Если он заблудится, то скитается по два-три дня» [1] .

Через перевал в горах Домейко проехал в центр провинции Атакама Копьяпо. Он с иронией описывал выборы в парламент, происходившие в этом городе и характерные для молодых латиноамериканских республик, в которых, по его словам, хозяева распоряжались голосами своих рабочих, помещики — голосами полукрепостных индейцев инквилинов, владельцы рудников — голосами шахтеров.

Он приводил примеры мошенничества, обмана и подкупа во время выборов в Чили, которые сравнивал с выборами на сеймиках в Литве и Белоруссии во времена Речи Посполитой, когда магнаты подкупали мелкую шляхту.

Перевозка железа в Чили

[1] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2, str. 192.

Из Копьяпо Домейко выехал на серебряные рудники в Чаньяркильо, открытые случайно в 1831 году индейским пастухом Годоем. Вот как описывал он работу местных апиров (горняков): «Я видел восемнадцатилетнего апира, хорошо сложенного крестьянина, который переносил 10-11 арроб (без малого 300 фунтов) тяжести и поднимал их по крутым, скользким и обрывистым тропкам и лестницам с пением и свистом... Достаточно сказать, что вместо лестниц здесь кладут и упирают о стены над пропастями круглые бревна с зарубками, сделанными топорами. По этим бревнам, в которых и половины ступни не поместишь, приходится идти вверх и опускаться вниз без поручней и подпоры. Бревно иногда двигается под ногой. Если какой-нибудь горняк поскользнется и упадет, то если и покалечится, товарищи шутят над ним, а если помрет, то его закапывают на соседнем кладбище без отпевания»[1].

Ели рабочие фасоль, фиги, пшенную кашу франгольо, мучную похлебку. Мяса они почти не видели в глаза. Врача для больных не было. Непосильный труд шахтеров приносил владельцам шахт миллионы пиастров дохода. По словам Домейко, эти богачи были «шулерами, пьяницами, обжорами, себялюбцами, которые ...для улучшения быта (рабочих) ничего не делали ни в моральном, ни в материальном отношении, наоборот, делали все, чтобы ухудшить судьбу горняков».

Шахтовладельцы, отмечал путешественник, платили шахтерам деньги специально в кредит, чтобы усилить их зависимость от хозяев. Один из шахтовладельцев, став губернатором, установил такой распорядок работы на шахтах, который служил только его корысти. Шахтеру, или «человеку низшего класса», запрещалось входить и выходить с территории шахт без письменного разрешения губернатора или судьи, назначенного губернатором. Женщинам, даже женам и детям горняков, не разрешалось жить возле рудников и даже приближаться к ним на две мили. Устанавливался «акциз» на напитки и мясо, а продажа их рабочим монополизировалась каким-нибудь спекулянтом. Для улова денег рабочих при доме судьи заводились биллиарды, винные лавки, загоны для петушиных боев и места для азартных игр.

«Не ново,— пишет И. Домейко,— сетовать на судьбу людей, которые в поте лица трудятся под землей, не видя дневного света, чтобы насытить жадность, удовлетворить (если только это возможно) гордость бездельников... Такова повседневная жизнь трудолюбивого народа, который при либеральнейшей из республик пользуется тем же, что и жители Нерчинска (места царской каторги.— *В. Г.)*

---

[1] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2, str. 220-221.

Маршруты И. Домейко, К. Ельского

Рынок в Сант-Яго

...Недавно возмущенные несправедливостью «махордомо» (управителя) горняки пошли жаловаться судье. Судья счел это бунтом, бросил в тюрьму 14 горняков, прислал солдат, а те взялись за оружие и, как в Варшаве[1] навели порядок. Махордомо, как и наши экономы, всегда становятся на сторону своих хозяев (или, как тут зовут их, патронов), держась крестьянского правила: «На чьем возе сидишь, тому песенку пой»[2].

В январе-феврале 1841 года Домейко побывал в СантЯго. Отправившись из Кокимбо на юг, он попал в плодородную долину р. Аимари, от которой в разные стороны отходили каналы, служившие для орошения полей. В горах виднелись луга, на которых трава засыхала на корню и служила прекрасным кормом для скота, который пасся круглый год.

Поля обрабатывали инквилины, арендовавшие землю у помещиков, или же батраки (пеоны). Пеоны работали с четырех часов утра до захода солнца, получая 4-5 пиастров в месяц и еду у помещика. Помещики предпочитали пеонов инквилинам и сгоняли последних с земель, а пеонов закрепощали, давая им в кредит различные товары.

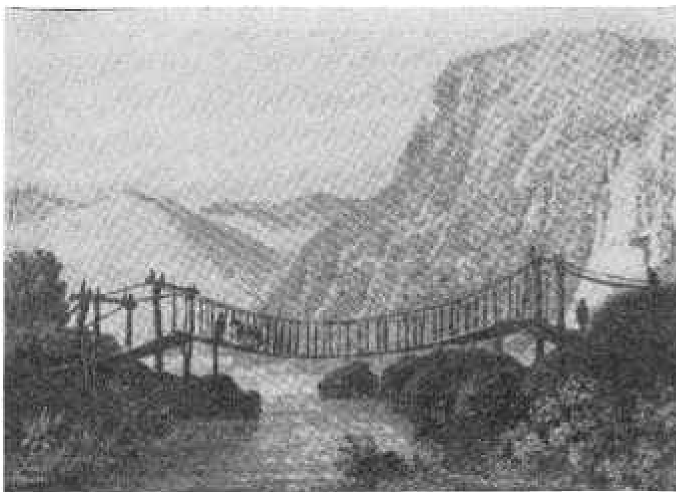
Столица Чили Сант-Яго тех времен представляла собой город с 80 тысячами жителей. Располагался город вдоль р. Мапочо, через которую был перекинут кирпичный мост. Берега реки из опасения разливов ограждались высокой стеной. Застроен город был преимущественно одноэтажными зданиями из высушенного на солнце кирпича-сырца. С востока на запад через город шла тополиная аллея

---

[1] Имеется в виду подавление царизмом восстания 1830-1831 годов.
[2] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2, str.222-224

Аламеда шириной в сто метров. Она служила местом прогулок местных жителей.

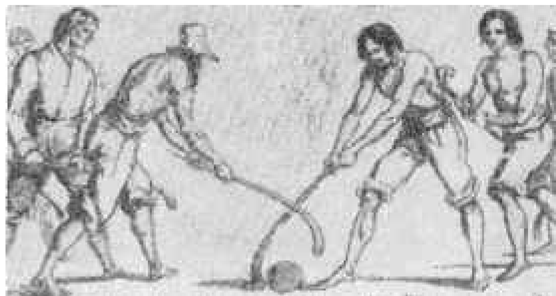
В декабре 1844 года Домейко отправился на самый юг Чили, в автономную провинцию Araуканию, которая была заселена индейцами арауканцами, не покорившимися испанским завоевателям на протяжении трех веков. Он собирал там фольклорные и этнографические материалы. Пароход из Кокимбо довез его до порта Консепсьон. Отсюда 8 января 1845 года ученый переправился через пограничную р. Био-Био, у которой арауканцы отражали захватчиков под предводительством вождей Кауполикана, Лаутаро, Ренго и др.



Висячий индейский мост

Домейко побывал на угольных копях в Лоте, которые могли бы, по его прогнозу, снабдить углем все Чили. Миновав приморские песчаные холмы — дюны, он остановился у р. Ларакете, ожидая отлива моря. Здесь, среди дикой, необычной природы Америки, он возвращался мыслями к родным местам: «Тут, на берегу,— писал он,— меня развеселила деревянная хатка, похожая на нашу ... ее крыша почернела, дым валил из оконца, двери были подоткнуты колом, дворик огорожен забором, ворота скрипели, на завалинке сидели малые дети в рубашонках, рядом с ними сидел кот и дремал черный кудлатый пес»[1]

[1] I. Domeyko. Moje podróże, t. 2, str. 436.



Индейская игра в мяч (чуэка)

Дальнейший путь шел по долине Карампанго, где при немногочисленных, засеянных зерном полях виднелись деревянные хатки, «похожие на наши ... покрытые тростником, и заборы, которых я не видел с тех пор, как покинул мой любимый край. Особенно радовал меня вид рощ, который переносил меня в родные места ...Проезжая лесами и думая о доме, я представлял, что вижу те же деревья, кустарники и заросли, к которым привык с детства и которые растут на родной земле. Внешне такая же всюду прекрасная земля, хотя она удалена на тысячи миль... Те же самые краски, те же виды растительного мира, хотя они отличаются по оттенкам... Только вглядываясь более тщательно и спокойно в те же самые растения и деревья, которые я считал своими, я не обнаруживал среди них ни одного знакомого куста»[1]

От городка Тукапель Домейко сопровождал правительственный комиссар в Араукании Сунига. По приказу Суниги ученого с почестями встречали во всех селениях. Внешне арауканцы были темнокожими и черноволосыми, широколицыми и толстогубыми, с небольшими, но не раскосыми глазами.

Последним пунктом путешествия Домейко было местечко Осорио, похожее, как он писал, на наши деревянные Лиду или Новогрудок.

По материалам поездки путешественник написал книгу «Араукания и ее жители», которая вышла на испанском языке в 1845 году в Сант-Яго. Она была переведена и на другие языки. Польский перевод появился в Вильно в 1860 году.

---

[1] I. D o m e y k o. Moje podróże, t. 2, str. 445.

Кочевье индейцев пехуэнчос

Возвращаясь в Кокимбо, Домейко узнал о пожаре, уничтожившем его лабораторию и дом с коллекциями и записями. Несмотря на то что контракт с чилийским правительством истекал в 1845 году, стремление восстановить разрушенное побудило Домейко остаться в Чили, где он подготовил немало способных учеников. Он не мог оставить неизученными материалы исследований и образцы горных пород, собранные в период поездок.

Молодая республика Чили продолжала нуждаться в опытных специалистах — геологах и минералогах. Министр просвещения республики Монт предложил Домейко переехать в основанный за три года до того университет в Сант-Яго и занять кафедру химии. Тепло провожали Домейко ученики, преподаватели и жители Кокимбо. Здесь он оставил организованную им Горную школу, от крыл и сдал в эксплуатацию серебряные копи в Чаньяркильо, медные копи к югу и северу от Копьяпо, небольшие копи золота в Каукеннес и меди в Дела-Кампанья. Ученый исследовал и предложил эксплуатировать минералы: амальгамат серебра и соединение мышьяка с медью, позже получившее название «домейкита». Он одним из первых обратил внимание на ценность чилийской селитры, которая стала широко известна как удобрение. За прошедшие с его открытия годы чилийцы стали выручать большие деньги от продажи гуано. Если в 1846 году страна вывозила 45 тысяч мешков удобрения, а в 1869 году — 2 миллиона, то в 1879 году уже 6 миллионов мешков. Район добычи селитры на севере граничил со спорной территорией Тарапака, на

которую претендовали Боливия и Перу. Чили объявило этим государствам войну с целью захвата богатых селитрой районов. Война закончилась в 1884 году захватом столицы Перу Лимы и победой Чили.

Арауканки

Дом И. Домейко в Сант-Яго

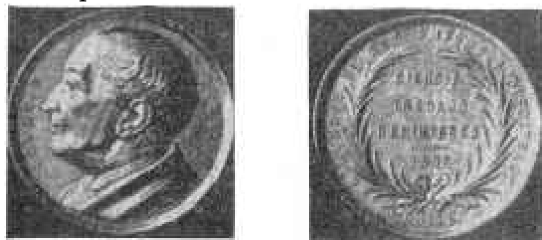
И. Домейко к войне относился отрицательно. Но чаша его терпения переполнилась, когда чилийские генералы прислали ему в подарок захваченное ими лабораторное оборудование и библиотеку университета в Лиме. И. Домейко, возмущенный этим грабежом,

послал им следующий ответ: «Университет награбленных трофеев не принимает. Прошу незамедлительно забрать вещи назад!»

Одновременно он опубликовал статью, осуждающую подобное поведение захватчиков. После заключения мира трофеи были возвращены в Лиму.

И. Домейко внес проект устройства школ в Чили наподобие школ в Виленском учебном округе, а в Сант-Яго возглавил проект водоснабжения столицы, которая пользовалась недоброкачественной водой. Он ввел метрическую систему весов и мер в стране, написал учебники по физике и минералогии, «Введение в естественные науки», брошюру по метеорологии. В 1849 году Домейко изучал геологическое строение Атакамы и прилегавших к ней цепей Кордильер длиной в 1000 километров, которые были названы позже его именем. В 1866 году И. Домейко представлял Чили на Парижской всемирной выставке в качестве комиссара. По возвращении из Франции он был избран ректором университета в Сант-Яго, после чего четырежды избирался на эту должность и занимал ее бессменно до 1883 года.

В стране широко отмечался тридцатилетний юбилей работы И. Домейко в Чили. Он был избран «Почетным чилийцем», в его честь издан специальный сборник.



Медаль Чили в память И. Домейко

В 1884 году ученый навестил родные места. Он подарил Краковскому университету коллекцию чилийских минералов. В Кракове Домейко сблизился со своим земляком Константином Ельским, «знаменитым путешественником по Перу», как он называл его в дневнике. Он побывал в Нядзведке, Мире, Крошине. Затем Домейко ездил в Италию, Стамбул, Палестину, Египет и поселился в Париже, откуда вернулся в Чили. Спустя два месяца после возвращения, 23 января 1889 года, И. Домейко скончался в Сант-Яго.

На похоронах выдающегося исследователя природы Чили выступил с речью президент республики Бальмаседа. Домейко был

провозглашен народным героем Чили. В столице была выбита медаль в честь ученого и поставлен памятник.

Памятник И. Домейко в Чили

К. Ельский

С тех пор, как в древности взошло здесь
на просторе
побегом семя — лес, листвой шумя кругом,
могучий, тянется за синий окоем,
как будто вздутое огромным вздохом море.
...Болота, склоны дюн, утесы, ил, провалы,
деревья, заросли, травы зеленый плат
без края тянутся и древний рык хранят,
который грудь его отвека издавала.
Леконт де Лиль. Девственный лес

С берегов Березины в Гвиану и Перу

В начале августа 1865 года из Тулона в Кайенну отплывал фрегат «Амазонка». На нем отправляли на каторгу во Французскую Гвиану несколько сот заключенных. Благоустроенные каюты наверху занимали офицеры и назначенные на службу в колонию чиновники, купцы, возвращавшиеся после отдыха в Европу. А между верхним и нижним ярусами судна находились помещения для унтерофицеров, жандармов и стражи. Здесь же поместился 28-летний худощавый пассажир в золотых очках, который ехал в Америку для изучения тропических птиц, рыб и насекомых.

Этим пассажиром был Константин Ельский — будущий исследователь гвианской фауны. Константин Ельский родился в деревне Ляды Смиловичской волости Игуменского уезда Минской губернии 17 февраля 1837 года в семье обедневшего дворянина[1] Мать его, урожденная Монюшко, приходилась теткой известному польскому композитору Станиславу Монюшко (по данным Я. Штольцмана, мать К. Ельского была сестрой композитора)[2].

Фамилия Ельских была известной в Белоруссии. Отец Константина Михаил Ельский участвовал в подготовке восстания Т. Костюшко, а дядя Константин Ельский служил генералом в войске повстанцев. Один двоюродный брат Александр Ельский был известным белорусским писателем, краеведом и историком. Другой—Михаил Ельский композитором и скрипачом.

К. Ельский учился в Минской гимназии. Жил он вместе с братом в интернате Коперской на Зборовой (ныне Интернациональная) улице.

---

[1] J. Kożuchowski. Kijowski okres (1856-1863) w życiu Konstantego Jelskiego. Wrocław-Warszawa, 1961, 96 s.

[2] J. Sztolcman. Konstanty Jelski. Wspomnienie pośmiertne. «Wszechświat», t. 16, 1897, N 1, str. 2.

В это же время в гимназии учился будущий исследователь Байкала Дыбовский.

После окончания гимназии К. Ельский в 1853 году поступает в Московский университет на медицинский факультет. В 1856 году он перевелся в Киевский университет на математико-естественный факультет. Большое влияние на К. Ельского оказали лекции передового зоолога Карла Федоровича Кесслера (1816—1881).

В 1860 году К. Ельский окончил университет и остался работать в Киеве сверхштатным учителем гимназии. Он много занимается изучением насекомых и моллюсков. В октябре 1862 года К. Ельский получил звание магистра за исследование анатомии моллюска *Litoglyphis naticoides.* На магистерском экзамене молодой ученый выступил одним из первых в России сторонником эволюционной теории Чарлза Дарвина. Он говорил, что «теория Дарвина перерождения видов споспешествует развитию естественных наук» [1].

В 1858 году вместе с Кесслером Ельский едет в Крым и к устьям Днепра, Южного Буга и Днестра, чтобы изучать там членистоногих и моллюсков. В июне 1862 года он принял активное участие во Втором съезде естествоиспытателей в Киеве, на котором выступил с докладом о моллюсках Киевщины.

Весной 1863 года К. Ельского посетил Б. Дыбовский, посланный в Киев повстанческим руководством в Варшаве для того, чтобы ознакомиться с подготовкой к восстанию на Украине. Вскоре царские власти предложили Б. Дыбовскому покинуть город, вероятно, догадываясь о целях приезда ученого.

Начались аресты. Брата К. Ельского Владимира выслали в Оренбургскую губернию. К. Ельский, по всей вероятности, не принимал участия в повстанческом движении. Тем не менее, опасаясь возможных преследований, он отправился в зоологическую экспедицию в Бессарабию, где и перешел через румынскую границу.

Румынские власти переправили его через Дунай в Турцию. Здесь К. Ельский исследовал полезные ископаемые в округе Тузла вблизи Дарданелл и составил геологическую карту округа. В 1865 году он переехал в Париж, где работал в Естествоиспытательском институте у профессора Дейролля. Здесь ему предложили поехать в Гвиану, чтобы отсылать оттуда в Париж образцы насекомых, чучела и шкуры зверей и птиц.

---

[1] Б. М. Мазурмович. Вклад учених Кй'івського універсйтету у розвиток зоології у XIX і на початку XX ст. Наукові записки Киівського державнюго університету, т. 13, вип. VI. Кйі'в, 1954, стр. 34.

В августе 1865 года фрегат «Амазонка», на котором плыл К. Ельский, достиг американского берега. Заключенные были высажены на острове, а остальные пассажиры пересели на пароходик «Абей», который через несколько часов довез их до Кайенны—центра Французской Гвианы. В Кайенне К. Ельский занял должность ученика фармацевта. Работал он с 7 до 9 часов утра: участвовал в обходе врача и готовил лекарства, каждый третий день дежурил в больнице. За это он получал бесплатное питание, мог пользоваться библиотекой, собирать летучих мышей и насекомых в больничном саду.

Исследователь обратил внимание на то, что коренное население Гвианы—индейцы преследовались и угнетались. Их уничтожали также оспа и другие привезенные из-за океана болезни, водка. Это привело к тому, что к середине XIX века численность индейцев значительно уменьшилась. Французы в колонии занимали посты чиновников, служили в армии и флоте, владели плантациями и золотыми россыпями.

Кайенна была расположена на острове между реками Кайенной и Магури и соединявшим их протоком. К. Ельский обычно собирал птиц и насекомых для коллекций на близлежащих к городу дорогах, часто ходил к морю. В ботаническом саду Бадуэль, пришедшем в упадок, ему удавалось добывать различные виды летучих мышей.

Вскоре исследователь был послан обслуживать больных на острова Спасения — Королевский, Святого Жозефа и Чёртов, который спустя 30 лет стал известным всему миру как место заключения невинно осужденного Дрейфуса. Острова являлись местом самой тяжелой ссылки при Наполеоне III. Среди заключенных были алжирцы, сосланные за борьбу против французских колонизаторов, немцы из Эльзаса, корсиканцы, французы, итальянцы, негры и др. К. Ельский встретил здесь одного из сообщников Орсини, пытавшегося убить Наполеона III.

По поводу и без повода заключенных строго карали. Одного араба застрелили на месте только за то, что он во время молитвы ослушался приказа вернуться в барак.

По вечерам на острове играл оркестр. На вершине острова постоянно сидел человек с подзорной трубой. Увидев корабль, он бежал к коменданту. Все на острове приходило в движение, так как одни ожидали писем и газет, другие — свежей пищи, третьи — людей, которые должны были их заменить.

Пернатый мир острова был очень богатым. Так как на острове пользоваться ружьем, выстрел которого мог всполошить стражу, было нельзя, К. Ельский подбивал птиц из духовой трубки (сарбакана)

глиняными шариками. Эти трубки ему доставили из глубины Гвианы, а возможно, и с верховий Амазонки.

Белохвостый фаэтон

Естествоиспытатель собрал множество раков, водорослей, разноцветных асцидий, живших колониями на камнях, морских звезд, которые быстро зарывались в песок при попытке схватить их. Сосланные на Чёртов остров арабы доставали для натуралиста со дна океана красные, желтые и белые кораллы. Во время годичного пребывания на острове К. Ельский собрал 90 видов муравьев.

К. Ельский как помощник аптекаря посетил филиал тюрьмы в Куру, на побережье, где во второй половине XVIII века была сделана попытка создать колонию из десяти тысяч французов. В течение нескольких месяцев большинство из них пало жертвой неразумного устройства своего поселения, малярии, нужды и враждебного отношения индейцев к незваным пришельцам.

По возвращении с островов Спасения К. Ельский был приглашен в местное училище преподавать ботанику и земледелие. Вскоре он предпринял поездку по рекам Ко и Ояпок. Близ устья Ояпока он повстречал местных жителей, также занимавшихся изготовлением птичьих чучел. Это были жена хозяина маленького имения и негр Кустэн, мать которого приготовлением крупы «куак» из корней деревца маниока и продажей его на рынке выкупила всю семью из рабства. Они поделились с путешественником своим опытом. К. Ельского удивляла та быстрота и легкость, с которой Кустэн делал чучела без гипса, крахмала и бумаги. Много чучел птиц натуралист сделал во время поездки по притоку р. Ояпок Тапрабо.

В октябре 1867 года натуралист заменял врача в больнице для прокаженных на Серебряной горе. Вблизи больницы водилось много красных ибисов, пытаясь поймать которых, К. Ельский едва не утонул. Спас его охранник местной тюрьмы, случайно оказавшийся вблизи.

Ельский много раз слышал о возможности собрать хорошую коллекцию на р. Марони, за несколько десятков километров от устья которой в поселении для ссыльных Сен-Лоране находилась аптека. Ему не составило особого труда добиться направления в Сен-Лоран. К. Ельский дважды жил там по полугоду.

Здесь естествоиспытатель посетил также кофейную плантацию. «Кофейное дерево,— писал он,— всегда прекрасно, покрыто ли оно белыми, слегка пахнущими цветами или темно-красными ягодами. Я никогда не видел на кофейном дереве насекомых или какую-нибудь болезнь»[1]

В близлежащем болотистом лесу К. Ельский обнаружил множество орхидей, паразитирующих на пнях. В европейских оранжереях эти цветы трудно приживались, а поэтому К. Ельский послал с парусником в Варшаву несколько видов орхидей, которые там превосходно прижились.

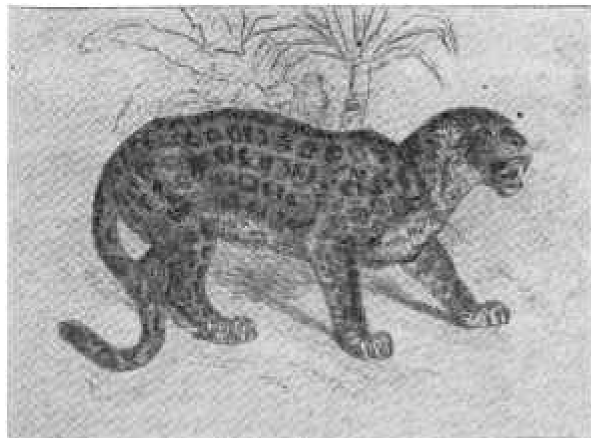
В Сен-Лоране исследователю удалось поймать двупалого и трехпалого ленивцев, которых он долгое время держал на галерее своего дома. Он приносил животным ежедневно срубленное дерево цекропию. Ленивцы цеплялись лапами за ветви и спали или объедали листья, закрыв глаза. Если к ним кто-нибудь подходил, то они пугались и медленно подымали лапы, а затем быстрым движением пытались царапаться своими крепкими когтями. Но если лапу перехватывали, ленивцы тут же после слабого сопротивления засыпали. В густой шерсти ленивцев водились насекомые величиной с ноготь пальца человеческой руки. Они быстро бегали по телу животных, как тараканы.

Крайней медлительностью, чем-то напоминавшей ленивца, из всех обычно подвижных обезьян отличалась порода стенторов, обладавших громким голосом и неприятным запахом. Однажды К. Ельский выстрелил в стентора крупной дробью. Тот почесал рану, как будто там зудело, и продолжал свой путь как ни в чем не бывало, даже не оглянувшись.

---

[1] K. Jelski. Popularno-przyrodnicze opowiadania z pobytu w Guanie francuskiej Bi po części w Peru (od roku 1865-1971). Kraków, 1898, str. 100

Ленивец



Ягуар

Леса близ Сен-Лорана изобиловали разнообразными лианами, сочными и сухими, имеющими цветы или приятные на вкус плоды. Некоторые виды лиан применялись в народной медицине, другими пользовались как тростями, третьи шли на плетение изгородей и корзин. «Лианы,— писал К. Ельский,— в домашнем быту настоящее сокровище, они необходимы в повседневной жизни»[1].

В местных лесах, по описаниям К. Ельского, было много различных видов пальм. Из верхушек некоторых из них росли молодые листья, мягкие, как капуста. Сырые они имели привкус миндаля, а жареные или печеные — вкус грибов. Встречались и другие виды пальм.-"Отличавшаяся особой красотой марипа давала вкусные плоды для кормления домашних обезьянок. Ветви уай в годы рабства использовали для палок, которыми наказывали негров, отчего происходило ее название, сходное с криком избиваемого.

Можно было часами ходить по лесу и не втсретить ни одной птицы и вдрук неожиданно наткнуться на стаи самых различных пернатых.

Интересны записи К. Ельскаго о муравьях. Среди них величиной и прожорливостью отличались белоголовые муравьи-солдаты. Они пожирали насекомых, мышей, лягушек. Другияе муравьи не переносили дневного света и укрывались под опавшими листьями или же строили туннели из кусочков земли.

---

[1] K. Jelski. Popularno-przyrodnicze opowiadania, str. 107

Путешественник встречал и чёрных муравьёв, длинною в половину пальца, с жалом на конце тела. Укол их был крайне болезненным, но, к счастью, боль была кратковременной и не имела последствий.

Для своей коллекции К. Ельский приобретал у охотников, приносивших в Сен-Лоран свою добычу, зверей, птиц і змей. Необходимые для него образцы он покупал за бутылку вина, стакан водки или несколько франков, так как Офицеров подобная добыча обычно интересовала мало. Охотники добывали натуралисту броненосцев. Эти животіые величиной со свинью кормились червями и многоножками и жили в норах. У броненосцев были хорошие слух и обоняние, но плохое зрение. При приближении врага они сворачивались в клубок и становились неуязвимыми. 'Животные вели ночной образ жизни, но однажды К. Ельскому довелось увидеть после полудня в пасмурный день броненосца, стоявшего на задних лапах у поваленного дерева и обдиравшего кору в поисках пищи. Когда животное заслышало шаги человека, оно быстро скрылось в кустах.

Реки Гвианы были богаты пресноводными рыбами, среди которых К. Ельский отмечал пирайю —рыбу, особенно чувствительную к свежей крови и питавшуюся живыми животными, электрических скатов и др.

Для сбора материалов К. Ельский намеревался проникнуть во внутренние районы Гвианы. С этой целью в начале июня 1869 года он воспользовался судном, отплывавщем на р. Ояпок, чтобы оттуда попасть на р. Уассу.

Путешествие вверх по Уассе длилось десять дней. Первые два дня лодка, в которую пересел К. Ельский, плыла по реке, с двух сторон обрамленной зелеными стенами леса из ризофор — деревьев, выпускавших корни из пней и ветвей прямо в воздух. Через корни они набирали влагу из насыщенного водяными парами тропического воздуха. Ризофоры достигали высоты 12 метров и в эту пору года уже цвели. Плоды этого удивительного дерева прорастали, еще не отделившись от него. Затем корни, напоминавшие висящие свечи, в конце концов под своей тяжестью отрывались от ветки и, попадая в болото, начинали давать побеги и листья. Кора ризофор использовалась для дубления кожи, древесина — для выжигания угля, листьями кормились многочисленные крабы, а свечами — зеленые попугаи.

Ризофоровый лес был особым миром со свойственными только ему зверями и птицами. Здесь жили белая серна, опоссумы, ящерицы, осы, строившие жилище в виде колокола из картона. Эти виды животных натуралист не встречал в других местах Гвианы.

Индейцы галиби

Индейцы, с которыми встречался К. Ельский на Уассе, только на первый взгляд казались воинственными. Они часто переселялись с места на место, забирая для новых огородов стебли маниока, зерна кукурузы, хлопка, перца, тыквы, табака.

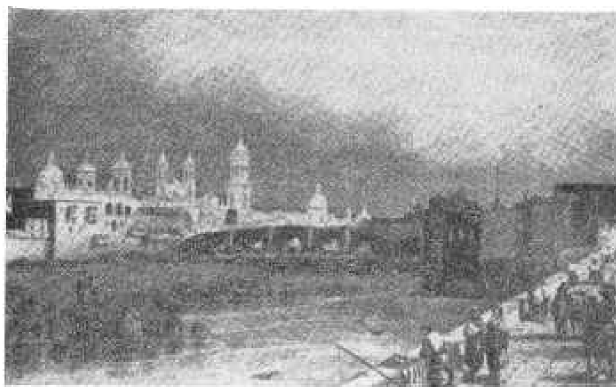
Индейцы были чувствительными к холоду, ночью спали у огня, часто вешая свои гамаки над маленьким костром. Утром, когда еще было холодно, они надевали рубашки. Хотя индейцы умели прясть нити, тканей они не выделывали и не имели одежды своего изготовления.

С горечью писал Ельский о том, что индейцев становилось все меньше и меньше: «Индеец гибнет, так как познает цивилизацию при посредстве жадных купцов, которые за водку достают все, что индеец может добыть. В мое время один торговец, осевший у Ояпока, смог выманить за несколько литров водки плот кедрового дерева, сплавленного издалека, ценою в 500 франков... Торговцы с Ояпока во время продвижения к верховьям реки забирают все, что хотят»[1]

Питался Ельский со своими спутниками мясом макак, попугаев, уток, а также плодами пальмы «пино», смешанными с сухим «куаком». Иногда индейцы, с которыми плыл Ельский, ловили кровожадных пирай, которые грызли даже опущенные в воду весла. Когда Ельский отправлялся на Уассу, каждый креол, которого он расспрашивал «о пути туда, в беседе с ним добавлял: «Ах, ты будешь есть там кунани». Кунани, или тукунаре,— вкусная рыба, которую индейцы с большой ловкостью подстреливали из лука.

[1] K. Jelski. Popularno-przyrodnicze opowiadania, str. 133

Жилища галиби



Лима. С гравюры XIX века

Не попавшая в рыбу стрела всплывала на поверхность, если же она настигала цель, то оставалась торчать вертикально. Крупных рыб индейцы ловили гарпунами.

Однажды на стоянке Ельский увидел очень много крокодилов-кайманов. При спаде воды их бывало гораздо больше. Наглость хищников не имела предела: по ночам они просовывали морды в лодки и обнюхивали спящих. Путешественнику рассказывали, как крокодил откусил руку у спящего индейца, выставившего ее над краем лодки. Поэтому один из гребцов обычно дежурил ночью, чтобы предотвратить нападение этих гадов.

На Уассе водилась белая цапля Мишель, перья которой в большом количестве вывозились в Европу для украшения шляпок. Очень ценились и шкурки, которые были основным предметом торговли уасских индейцев. Поэтому Мишель ко времени плавания Ельского стала настоящей редкостью в гвианских лесах. Однако путешественнику все же удалось добыть эти редкие виды цапель, а также сов.

По возвращении из плавания по Уассе Ельский занялся обработкой добытых материалов.

В том же году К. Ельский для сбора коллекций долHien был отправиться в глубь континента. Из Кайенны он отплыл на остров Мартиника, на котором провел две недели в ожидании парохода. Он покупал на рынке главного города острова Фор-де-Франса рыб и препарировал их. Местный жестянщик-негр рассказывал путешественнику о том, что местные креолы, негры и мулаты стремились отделиться от Франции, так как французы крайне нетерпимо обращались с островитянами. Во время недавней Крымской войны негры подняли восстание против колонизаторов, но оно было жестоко подавлено. Жестянщик добавил: «Сразу можно понять, что вы не местный, так как со мной разговариваете вежливо, как с человеком»[1]

Затем на пароходе «Императрица Евгения» Ельский прибыл в Колон, город, названный так в честь Колумба. Жившие здесь во множестве американцы чаще называли его Эспинуолом. Четыре часа поездки по железной дороге (Панамский канал не был еще построен) привели Ельского в Панаму, на берег Тихого океана.

Через экуадорский порт Гуаякиль и перуанский порт Пайта путешественник попал в Кальяо, расположенный в получасе езды поездом от столицы Перу Лимы. Отсюда Ельский хотел направиться в Арику, на юг страны, чтобы изучать там местную фаун}'.

Лима отличалась от других южноамериканских городов, которые видел Ельский. Она была застроена каменными домами, имела мощеные мостовые, подземную кана.лизацию, водопровод. На улицах было много ремесленных мастерских и лавок, которые торговали преимущественно французскими и английскими товарами, много ресторанов и кондитерских. В дешевых столовых «фондах» и «пикантериях» продавались кукурузное пиво «чича», салат из раков, перца и мелко нарубленной сырой рыбы.

Среди 100 тысяч жителей Лимы три четверти приходилось «а местное население. Негры и самбо (потомки негров и индейцев) преимущественно были рабочими, негритянки — прачками, метисы

---

[1] K. Jelski. Popularno-przyrodnicze opowiadania, str. 153

чоло — ремесленниками. Семей европейского происхождения почти не было. Китайцы чаще всего занимались торговлей, а за пределами Лимы работали в имениях. Обращались с ними, как с рабами. «Примеры жестокости по отношению к китайцам нередки,— писал Ельский,— поэтому они часто бунтовали и жестоко мстили своим безжалостным хозяевам»[1]

Местные жители носили панока — шерстяное одеяло с прорезью посередине. Женщины одевали черную мантилью, а более бедные — шаль местного производства и широкополые панамские шляпы.

При Ельском в городе был устроен зоологический сад с выставочными залами на окраине города, куда вела трамвайная линия.

Ученый изучал фауну окрестностей Лимы, переходил через Кордильеры в долину Чанчамайо и в район озера Хунин. Известный перуанский ученый Антонио Раймонди привлек Ельского к работе в природоведческом музее в Лиме.

Вместе со своим земляком Яном Штольцманом Ельский в 1875—1878 годах исследовал северные районы Перу на границе с Эквадором, а затем долину верховья р. Мараньон (Амазонка)[2]

В 1878 году Константин Ельский возвращается в Россию. Пробыв некоторое время в Варшаве, он едет в Краков и с 1880 года начинает работать хранителем естественных коллекций тамошней Академии наук и профессором зоологии на высших женских курсах естествознания в Промышленном музее имени Баранецкого.

В 1883 году Ельский женился на своей двоюродной сестре Елене Корсак, окончившей Московскую консерваторию по классу Николая Рубинштейна.

В 1886 году Ельский выезжал в геологическую экспедицию по Бретани (Франция), а в октябре 1890 года — в Далмацию.

Научная заслуга Ельского не только в том, что он посетил малоизученные южноамериканские дебри, но и в том, что он открыл новые виды животных, в том числе млекопитающее *Dinoriys.* В его честь один вид лавра получил название *Ocotea Jelscii.* Многие европейские ученые давали описание птиц и зверей по коллекции Ельского и некоторые их виды называли его именем.

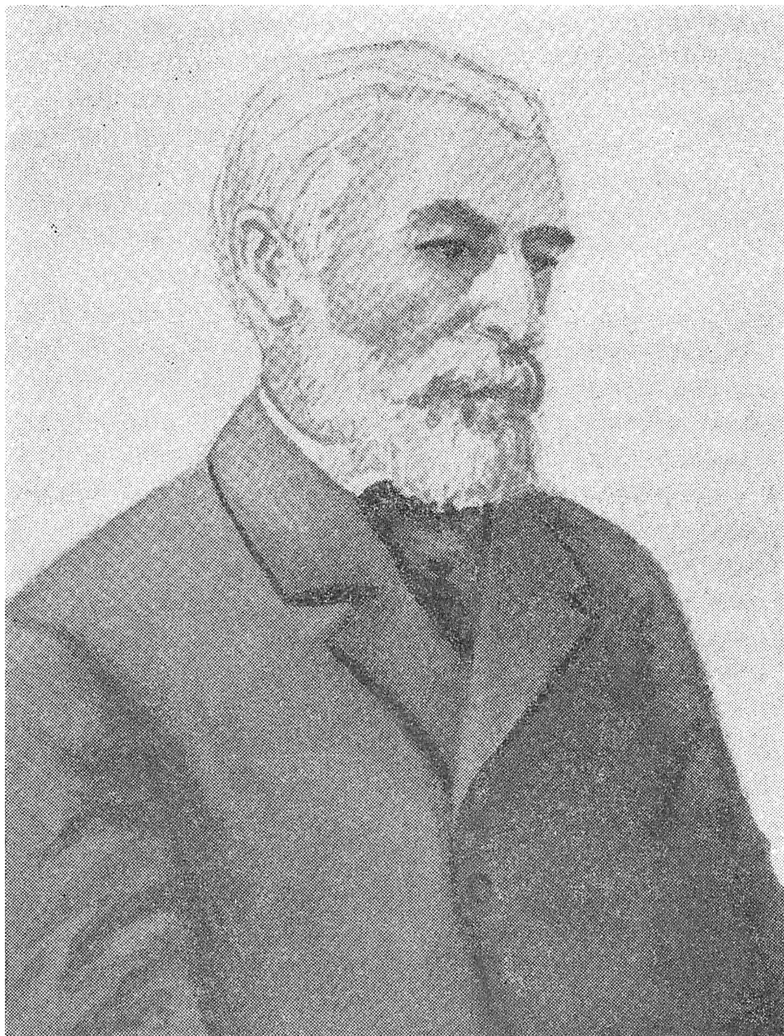
Кроме специальных работ, исследователь писал, к сожалению, неоконченные воспоминания о пребывании в тропиках, изданные в Кракове в 1898 году.

К. Ельский умер 26 ноября 1896 года.

---

[1] K. Jelski. Popularno-przyrodnicze opowiadania, str. 161

[2] J. Sztolcman. K. Jelski „Wszechświat”, 1897, N 1, str. 3.



Н. К. Судзиловский. Фото 1912 года

В разлуке любовь моя будет с тобою
Всегда, до новой встречи.
Люблю — и любовь моя будет с тобою
Всегда, до новой встречи.
Алоха Оэ (гимн Гавайских островов)

Добрый русский доктор на Гавайях

В 1901 году из царской ссылки в Каре бежал член первой русской марксистской группы «Освобождение труда» Л. Дейч. Из Японии, куда он вначале попал, Дейч отправился на пароходе «Чайна» в Сан-Франциско. Пароход остановился на Гавайских островах в порту Гонолулу. Еще в Нагасаки Дейч узнал, что на Гавайях живет врач Н. К. Судзиловский. Утром он ждал старого товарища на палубе. Вот как он описывает встречу с Н. Судзиловским, который носил псевдоним «Руссель»: «...Я издали заметил приближавшегося к пароходу совершенно седого господина, нисколько не напоминавшего мне хорошо знакомые черты доктора Росселя. Взошедши на палубу, этот господин стал о чем-то расспрашивать прислугу. Узнав, что он разыскивает русского, я назвал его по фамилии и предложил отгадать мою. Долго всматривался он в меня, но не мог никак признать, поэтому я сам себя назвал.

— Какими судьбами? — воскликнул он радостно.

В немногих словах я сообщил ему о побеге из Сибири и о дальнейшем своем путешествии...

— И куда только не закинет судьба русского человека!— говорил то тот, то другой из нас.— Надо же так случиться, чтобы один приехал сюда в качестве врача-эмигранта, а другой очутился бы здесь во время побега из Сибири!» [1]

Действительно, куда только ни забрасывала судьба необычайного человека, врача-революционера Н. Судзиловского! По словам одного из его биографов В. Мехова, «даже пересказ его фантастической биографии читается как приключенческий роман» [2].

О нем написано сравнительно немного. Первые биографические очерки Е. Ё. Лазарева [3] и И. И. Попова[4] были уточнены сведениями Г.

---

[1] Л. Г. Дейч. Шестнадцать лет в Сибири. Изд. 3-е. М., 1924, стр. 316—318.
[2] Ул. М е Х а ў. Мікалай Судзілоўскі—Каука-Лукіні. «Беларусь», 1964, № 10, стар. 27.
[3] Е. Е. Лазарев. Гавайский сенатор. «Былое», 1907, № 6/18, стр. 164—188.
[4] И. И. П о и о в. Н. К. Руссель-Судзиловский. «Каторга и ссылка», 1930, № 6, стр. 168—176.

Бакалова[1]. Ио только спустя тридцать лет после смерти Н. Судзиловского интерес к его личности был вновь привлечен М. Ф. Мельниковым[2], Г. Хауптом[3] и И. Гелертером[4].

Кроме того, краткие очерки жизни Н. Судзиловского написали В. Мехов и В. Маргвелашвили[5]

Родился Николай Константинович Судзиловский 3 декабря 1850 года в Белоруссии[6] в семье секретаря суда, выходца из старинного белорусского дворянского рода[7]. Имение отца его в 1876 году было в селе Фастово Мстиславского уезда Могилевской губернии [8].

В 1868 году молодой Судзиловский с отличием окончил Могилевскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Вскоре он переводится на медицинский факультет Киевского университета. Здесь совместно с В. Н. Дебогорием-Мокриевичем Н. Судзиловский создал кружок, носивший народнический характер.

В. И. Ленин называл революционное разночинное движение в России 70-х годов XIX века «революционным» или «действенным народничеством» в отличие от народничества 80-90-х годов, когда оно выродилось в мещанский оппортунизм. Он постоянно отмечал двойст-

---

[1] Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. «Летописи марксизма», 1926, т. 2, стр. 50-56; Русская революционная эмиграция среди болгар. «Каторга и ссылка», 1930, № 3, стр. 115; №4, стр. 113-114; О связи Н. К. Руссель-Судзиловского с болгарами. «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 185-193.

[2] М. Ф. Мельников. Добрый русский доктор. «Огонек», 1960, № 7, стр. 23-24.

[3] G. H. Haupt. Din istoricul legäturilor revolutionäre Romino-Ruse 1849-1881. Bucurefti, 1955, p. 104, 116, 153-156, 165, 167, 181, 229-230, 245, 250, 253; G. H. Haupt. Revolutionär!! rusi in Rominia in doua jumätate a veacului al XIX-lea. Rela^ii Romino-Ruse in trecut. Sub ingr. P. Constantinescu-Jasi, Bucure$ti, 1957, p. 193-213.

[4] J. Ghelerter. Din viata ęi activitatea doctorului Nicolae Rüssel (1850-1930). Din istoria medicina romine§ti universale. Sub ingr. V. L. B o l o g a. Bucuresti, 1962, p. 351-377; Inceputul räspindirii marxismului in Rominia. Crearea Partidului social-democrat al muncitorilor din Rominia (1893). RSDMR intre anii 1893 ęi 1900. Bucuresti, 1957, 61 p.

[5] В. Маргвелашвили. Русский — президент гавайского сената. «Молодая гвардия», 1966, № 2, стр. 222-223.

[6] О месте рождения Н. Судзиловского точных данных в литературе не обнаружено. И. И. Попов писал, что он родился в Гомельском уезде Виленской (?) губернии в 1848 году. В книге А. А. Шилова и М. Г. Карнауховой «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь (от предшественников декабристов до падения царизма)». Т. 2, 70-е годы, вып. 4 («С-Я») местом его рождения назван Могилев, а дата рождения — 3 декабря 1850 года. М. Мельников и В. Мехов называют местом рождения революционера деревню Судзилы (ныне Климовичского района Могилевской области).

[7] И. И. Попов. А. О. Бонч-Осмоловский. «Каторга и ссылка», 1931, № 4, стр. 205, прим.

[8] Деятели революционного движения в России, т. 2, вып. 4. М. (1931), стр. 1646.

венный характер народнических идей: их неверное мнение о подготовленности крестьянства к революции, о случайности развития капитализма в России. Однако сильной стороной народничества 70-х годов В. И, Ленин считал его боевой крестьянский демократизм. Несмотря на ненаучность, теории народников объективно революционизировали своих современников, поднимали сотни людей на борьбу против царизма. В. И. Ленин рассматривал народников 70-х годов как один из передовых отрядов мирового революционного движения того времени[1] Революционеры 70-х годов самоотверженно любили свой народ и искренне желали ему счастья, но их движение самой историей было обречено на провал.

Весной 1873 года Николай Судзиловский ездил в Швейцарию, где познакомился с Лавровым, Бакуниным и некоторыми деятелями I Интернационала. По возвращении в Россию он и В. Дебогорий-Мокриевич создали «Киевскую коммуну» студентов, связанную с одесской организацией «Земля и воля» [2].

В феврале 1874 года Н. Судзиловский уезжает в Ананьевский уезд Херсонской губернии, чтобы вести пропаганду среди крестьян, а оттуда в Николаевск (ныне Пугачев) Самарской губернии. Здесь по рекомендации земского врача А. Кадьяна (будущего друга семьи Ульяновых по Симбирску) он был назначен фельдшером в село Пестровка.

По доносу 8 июля 1874 года на квартире Судзиловского и Кадьяна был произведен обыск. Судзиловского, к счастью, дома не было. Ему удалось бежать под видом немца-колониста, плохо знающего русский язык [3]. Приметы Судзиловского были разосланы в конце 1874 года по всем жандармским управлениям России в списке 53 государственных преступников. Но к этому времени он уже находился в столице Англии.

Здесь в первой половине февраля 1875 года состоялось собрание польской эмигрантской организации «Люд польский». Оно было посвящено 12-летней годовщине восстания 1863 года в Польше, Литве и Белоруссии. Н. Судзиловский выступил с горячей речью на нем. Он считал ошибкой повстанцев выдвижение на первый план независимости и недооценку социальных факторов. Если для польской шляхты и мещанства был нетерпим гнет царской России, то

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 271.

[2] В. К. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. СПб, 1906, стр. 113, 124.

[3] Не соответствует действительности приводимая З. Дичаровым (Николай Руссель в Сан-Франциско. «Неман», 1966, № 12, стр. 183) легенда о том, что жандармы приехали за революционером в имение его отца в Могилевской губернии, а старик-дядька, воспитавший Судзиловского, спрятал его в телеге с сеном.

еще более нетерпимым для польского народа был гнет шляхты. Ошибкой повстанцев, отмечал Судзиловский, воспользовался царизм, который изображал восстание как бунт панов против раскрепощения крестьян. «Польская революция была революцией шляхты, а не народа, в этом причина ее неудачи... Путь социальной революции есть единственный путь для польского народа»,— говорил он[1]

На собрании выступили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Энгельс поддержал Судзиловского и других русских революционеров. Он заявил: «Восстановление Польши поистине в интересах революционной России, и я с радостью услышал сегодня вечером, что это мнение совпадает с убеждениями русских революционеров, которые высказывались в этом смысле»[2].

В Лондоне Судзиловский совершенствовал свои знания в медицине, в больнице Сент-Джордж у профессора Холмса изучал новый антисептический метод обеззараживания операционного поля и рук хирурга. По этому вопросу он печатал рефераты в «Московской медицинской газете» под псевдонимом «Ф. П.»[3],

В июне 1875 года Н. Судзиловский уезжает в Швейцарию. В Женеве он сотрудничает в эмигрантских газетах, помогает пересылать их в Россию, издает сборник революционных песен.

Следующий период биографии Н. Судзиловского связан с Румынией. Освещен он в нашей литературе крайне бегло, хотя оказал значительное влияние на формирование революционных взглядов Судзиловского. Поэтому целесообразно на основе новейших румынских работ о Н. Судзиловском остановиться на его годах жизни в этой стране более подробно.

Прибыл он в Румынию тайно в начале октября 1875 года[4]. 13 октября его зачисляют на пятый курс медицинского факультета Бухарестского университета, а через два года Судзиловский защищает докторскую диссертацию «Asupra methodei antiseptice de tratament in chirurgie» (Об антисептическом методе лечения в хирургии) (Pitesci, 1877).

---

[1] Е. З. Волков. Христо Ботев (на заре балканского революционного коммунизма). М., 1923, стр. 201; В. Е. Абрамавичус, В. А. Дьяков. Валерий Врублевский. В кн.: За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года. М., 1964, стр. 419.

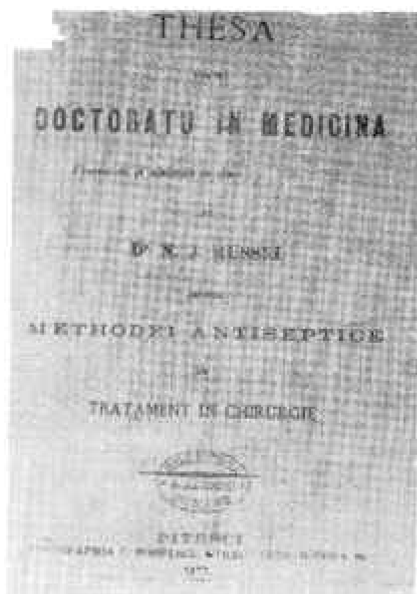
[2] К. Маркс и Ф, Энгельс. Соч., т. 15, стр. 672.

[3] Ф, П. Антисептическое лечение ран по Листеру. «Московская медицинская газета», 1875, № 22, стр. 727-731; № 25, стр. 821-828; № 29, стр. 936-942.

[4] G. Haupt. Revolutionarii rusi in Rominia in a doua jumätate a veacului al XIX-lea. Relali romino-ruse in trecut, p. 193-195.

В документе о получении ученой степени, как и в заглавии диссертации, появляется новая фамилия Н. Судзиловского — Руссель. И. Гелертер полагает, что изменение фамилии было сделано для того, чтобы сбить со следа царских ищеек, которые наводнили Румынию накануне русско-турецкой войны.

В Бухаресте Н. Судзиловский сблизился с Христо Ботевым, с которым, возможно, познакомился еще зимой 1873-1874 годов[1] Еще до приезда Н. Судзиловского в румынскую столицу Х. Ботев писал 12 апреля 1875 года своему единомышленнику И. Драсову в Белград: «Русские социалисты в Лондоне и Цюрихе просят меня приехать или стать их посредником. Они хотят установить связь с нашими революционерами. Предлагают обмениваться пропагандистами, паспортами и т. д. «Мы готовы помочь вам и нравственно, и физически, то есть и словом, и мышцами», пишет мне один мой бывший однокашник, Судзиловский»[2]


THESA

DOCTORATU IN MEDICINA

METHODEI ANTISEPTICE

TRATAMENT IN CHIRURGIE

Титульный лист докторской диссертации Н. Судзиловского

[1] Г. Б а к а л о в. О связи Н. К. Руссель-Судзиловского с болгарами. «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 192.

[2] Х р и с т о Б о т е в. Публицистика. М., 1953, стр. 447.

Вместе с Х. Ботевым Н. Судзиловский активно изучал революционную литературу, переправлял ее в Россию. Позже, 8 сентября 1911 года, он писал Г. Бакалову: «Ботева духовно создала, как и всех нас, русская литература 60-70-х годов, как оригинальная, особенно публицистическая (Добролюбов, Чернышевский, Писарев), так и переводная». Убежденным марксистом Н. Судзиловский не был, так как писал далее: «Маркса мы разжевывали тогда страницу за страницей, как некий чужеземный и странный фрукт» [1].

Х. Ботев и члены его военной дружины (четники) обсуждали с Судзиловским проект переброски в Болгарию людей для начала освободительной борьбы против турецких захватчиков. Четники предлагали ему отправиться с ними хирургом или просто бойцом [2]. Но Н. Судзиловский не верил, что маленький отряд Ботева всколыхнет крестьянскую массу. Жизнь показала, что он был прав. Ботева и его соратников за Дунаем ожидала гибель, так как крестьянство не поддержало их, как не поддержало народников в России.

Н. Судзиловский вел революционную пропаганду среди русских солдат и офицеров, направлявшихся в 1877-1878 годах на турецкий фронт в Болгарию. Пользуясь связями с русскими врачами, он переправлял на родину нелегальную литературу.

В начале 1879 года Судзиловский переезжает в Яссы. Здесь он вступил в первый румынский социалистический кружок и вскоре стал признанным его идеологом[3] В связи с этим нельзя не вспомнить характеристики, данной Н. Судзиловскому Л. Дейчем: «Повсюду, куда бы ни забросила судьба Русселя, он приспосабливался к месту и условиям, быстро осваивал язык этой страны и проникался ее интересами и нуждами»[4].

В Яссах Н. Судзиловский умело сочетал медицинскую и пропагандистскую деятельность. Этот «блондин с редкой бородкой светлорусого Мефистофеля с деревянной трубкой в виде головы негра во рту», по выражению его современника К. Милле[5], вел сложную конспиративную работу, устанавливал связи с подпольными организа-

---

[1] Г. Б а к а л о в. Русские друзья Христо Ботева. «Летописи марксизма», т. 2, 1926, стр. 53-55.

[2] Г. Б а к а л о в. О связи Н. К. Руссель-Судзиловского с болгарами. «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 192.

[3] G. Haupt. Revolutionarii Rusi In Rominia In a doua jumatate a veacului al. XIX-lea. Relatii romino-ruse In trecut, p. 193-195

[4] Л. Г. Дейч. Шестнадцать лет в Сибири, стр. 316.

[5] C. Mille. Dr. Rüssel. «Lumina», 1896, N 8, p. 58. J. G h e 1 e rt e r. Din via|a $i activitatea N. Russel. Din istoria medicina. Bucure§ti, 1962, p. 365.

циями в России и продолжал переправлять туда нелегальную литературу.

С 29 сентября по декабрь 1879 года ясские революционеры издали пятнадцать номеров революционной газеты «Бессарабия». Редактировали ее И. и Г. Нэдежде, Н. Судзиловский и Т. Сперанциа. Первоначально тон в газете задавали не статьи Н. Судзиловского, а шовинистические и антисемитские материалы будущего предателя социалистического движения Иона Нэдежде. Это вызвало протест социалистических кружков и русской революционной эмиграции в разных городах страны. Под влиянием критики с 11 номера газета резко изменила свое направление.

В ноябре 1879 года Н. Судзиловский писал своему другу народнику И. Гольденбергу в Швейцарию: «Мы на пути создания румынской социалистической партии, просим вас приехать и организовать нам типографию»[1].

В 1880 году Н. Судзиловский издал в Яссах памфлет «Un studiu psihiatric, urmat de citeva comenlarii asupra ideilor sanatoase» (Психиатрическое исследование с некоторыми комментариями по поводу здоровых идей) (Jaęi, 1880)— первую программу социалистического движения Румынии[2]. В нем говорилось, что «социализм — уже не утопия, он получил научную основу и стал последним словом науки». Н. Судзиловский цитировал один из параграфов устава I Интернационала, в котором указывалось, что освобождение рабочих является делом самих рабочих. Он утверждал необходимость конфискации частной собственности на средства производства и передачи ее в коллективную собственность крестьян и рабочих, требовал устранения вражды между народами, войн, предоставления женщинам равных с мужчинами прав, отмечал необходимость изменения общества революционным путем.

Однако, как видно из брошюры, Н. Судзиловский усваивал марксизм эклектически, отдавая дань мелкобуржуазным теориям Лассаля и даже Дюринга.

Тем не менее брошюра Н. Судзиловского и его статьи в «Бессарабии» готовили почву для распространения марксизма в Румынии.

18 марта 1881 года Н. Судзиловский готовил в Яссах манифестацию в память о дне Парижской коммуны. Но темные тучи уже сгущались над ним. 1 марта 1881 года в Петербурге был убит

---

[1] И. Гольденберг. Воспоминания. «Каторга и ссылка», 1924, № 5, стр. 116.

[2] В. Болога. Прогрессивное наследие румынской медицины XIX-XX веков. «Советское здравоохранение» 1958, № 6, стр. 54

Александр II. Царский консул в Яссах выразил протест против предстоящей манифестации, обвинив Н. Судзиловского и его друзей в том, что те собираются праздновать убийство царя.

Префект Ясс Л. Негруцци запретил манифестацию и арестовал ее организаторов. Либеральное правительство И. Брэтиану под нажимом царизма провело в парламенте 7 апреля 1881 года закон о высЫлке иностранцев из страны за нарушение общественного порядка. В том же месяце пять русских эмигрантов во главе с Н. Судзиловским были высланы на французском пароходе в Стамбул, где их должны были выдать царским властям. Но капитан парохода высадил на берег конвоиров, а Н. Судзиловского доставил в один из западных портов.

Н. Судзиловский уехал в Париж. Здесь он был близок, как и в прежние годы, с членами будущей группы «Освобождение труда». Один из ее основателей Л. Дейч писал позже: «Засулич, Дейч, Жорж (Плеханов), Павел (Аксельрод), Вас. Ник. и отчасти Мишка (Луцкий), Россель, Ал. Хотимский, Сергей и Лавров хотя и не составляли какого-нибудь организованного, сплоченного кружка, все же в силу старого приятельства и теоретического в большей или меньшей степени согласия, являлись чем-то цельным, единым»[1]

В это время Н. Судзиловский занимался в различных клиниках и лабораториях Франции, Бельгии и других стран химией, фармакологией, бактериологией и главным образом глазными болезнями [2]. Испытывая нужду, он в начале 1882 года в поисках заработка переехал вместе с бывшим морским офицером Луцким в Пловдив, откуда посылал небольшие денежные суммы в группу «Освобождение труда» [3].

Пловдив был центром Восточной Румелии — автономной болгарской территории в составе Турции. Австрофильская болгарская буржуазия 6(18) сентября 1885 года произвела в городе переворот, в результате которого этот край воссоединился с Болгарией. Об этих событиях Н. Судзиловский написал статью «Письмо из Филиппополя»,

---

[1] Л. Г. Д е й ч. Из Карийских тетрадей. «Каторга и ссылка», 1926, № 4, стр. 128-129.

[2] Большая медицинская энциклопедия, т. 29, 1934, стр. ,420-421.

[3] Л. Г. Д е й ч. Финансы группы «Освобождение труда». «Каторга и ссылка», 1928, № 6, стр. 310; А. Х. Веков. Българоруски революционни връзки. 1885-1917 гг. София, 1965, стр. 17; П. А н е в. Доктор Николай Константинович Судзиловский (Русел) в Пловдив — 1881-1887 год. «Съвременна медицина», 1967, № 5. стр. 414-415.

помещенную в журнале «Северный вестник» под псевдонимом «Д.» (1885, декабрь, № 4, стр. 226-238)[1]

Сан-Франциско. С гравюры XIX века

Восторжествовавшие противники России стали преследовать всех русских[2], а русских революционных эмигрантов — Н. Судзиловского, Хотимского и Н. Павлова объявили реакционерами[3]. Вскоре Н. Судзиловский вынужден был покинуть Болгарию и уехать в Сан-Франциско, где жил его брат Эмиль.

Здесь Н. Судзиловский как врач приобрел большую популярность. Он был избран вице-президентом местного Греко-русско-славянского благотворительного общества. Н. Судзиловский изобличил в преступлениях против нравственности и казнокрадстве православного епископа в США Владимира. В ответ на это епископ отрек революционера от церкви. Председатель святейшего синода Победоносцев вынужден был лично просить Н. Судзиловского прекратить иск против ретивого епископа, который нанес анафемой материальный ущерб врачу.

Американской действительности Н. Судзиловский посвятил немало критических страниц. С гневом он писал о США — «стране,

---

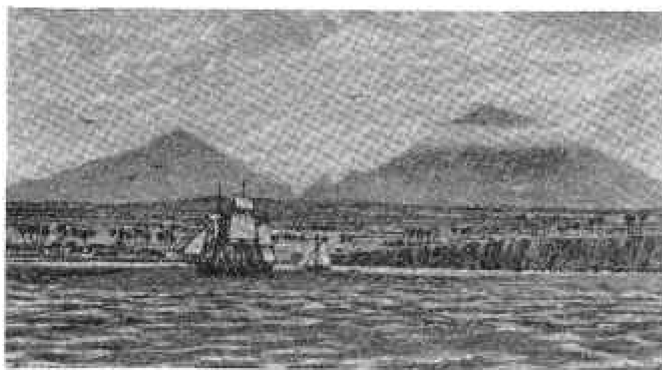
[1] Г. Б а к а л о в. Русская революционная эмиграция среди болгар. «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 114.

[2] Д. Письмо из Филиппополя. «Северный вестник», 1885, №4, стр. 238

[3] А. Х. Веков. Българо-руски революционни връзкиб стр. 21

где покровительство капиталистампромышленникам достигло скандальных размеров, где вследствие запретительных пошлин всякая отрасль производства превратилась в организованную монополию, от произвола которой зависят цены даже на продукты первой необходимости ...где все государственные расходы в форме косвенных налогов всею своею тяжестью лежат на рабочей массе как на главном потребителе; где, кроме того, искусственно поднятыми ценами из народа же выжимаются все новые и новые миллиарды для обогащения нескольких сот тузов и королей индустрии»[1].

Он указывал, что промышленники тихоокеанского побережья США тысячами ввозили из Китая рабочих, которые весь свой заработок затем отдавали компаниям, перевозившим их, а сами подвергались самой беззастенчивой и жестокой эксплуатации. Н. Судзиловский писал также о произволе гангстеров в Америке: «О Америка — преинтересная страна! Чисто англо-саксонская смесь ненасытной жадности, зверской жестокости и лицемерного ханжества!»[2]



Вид на вулканы Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. С гравюры XIX века

Обращаясь к кандидату в президенты США Брайену, Н. Судзиловский писал: «Вся ваша демократия — грошовая, толщиной в миллиметр» [3].

В 1892 году Н. Судзиловский переселился на Гавайские острова, где продолжал работать врачом.

---

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, № 11, стр. 83

[2] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, № 11, стр. 87-88.

[3] Д-р Р у с с е л ь. Письмо из Америки. В кн.: Н. Р у с с е л ь. На политические темы. Нагасаки, 1907, стр. 52-55.

Природа Гавайских островов описана Н. Судзиловским в очерках «В океанской деревне» и «Среди гавайских вулканов», помещенных под псевдонимом «Д-р И. Б.»[1] в «Книжках недели» в 1893-1895 годах.

Основное содержание очерка «Среди гавайских вулканов» составила поездка Н. Судзиловского к действующим вулканам на самом восточном острове архипелага Гавайи. Свое путешествие он начал с острова Оаху., Гавайи показались уже ,на следующие сутки. Были видны горы Мауна-Кеа, Гуалалаи и Мауна-Лоа (белая гора, круглая гора и далекая гора). Юго-западная часть острова представляла собой лавовую пустыню. Восточное же побережье под влиянием пассатов превратилось в покрытые сочными травами равнины.

По мере продвижения парохода к востоку картина побережья менялась. Показались живописные Когальские горы, на которых рос густой тропический лес. Горы обрывались к океану отвесными скалами, с которых низвергались горные потоки.

Пароход вошел в живописную гавань Хило, главного города острова Гавайи. Город представлял собой сплошной огромный сад. Отсюда Н. Судзиловский должен был ехать к вулканам. Из 15 вулканов острова действовали только два, в том числе и самый большой из действующих вулканов в мире Килауэа. Вот как описывает его Н. Судзиловский: «То, что я увидел, было грандиозно, ново и оригинально, но никак не согласовалось с моими понятиями о действующих вулканах.

Мы стояли на краю довольно крутого обрыва, спускающегося террасами саженей на сто вниз. В этом месте он покрыт зеленым лесом, между которым там и сям мелькает сбегающая вниз тропинка. Это самая отлогая часть кратера. Направо и налево лес исчезает, и голые стены, то выше, то ниже делаются совершенно вертикальными. Они уходят вдаль и там где-то на противоположной стороне снова соединяются в виде невысокой горной цепи, обнимая собою огромное кольцеобразное пространство около двенадцати верст в окружности. Это и есть кратер Килауэа.

Читатель еще менее представит себе, в чем дело, вообразив, что в то время, как он стоит среди волнистой степи с конусом Мауна-Лоа на горизонте, перед его ногами земля вдруг ушла бы вниз на сотню саженей и образовала почти круглую яму с вертикальными стенками... Глаз не может видеть всего дна, а лишь большую его часть, и

И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1. М., 1956, стр. 326.

то, что он видит, есть море с волнами всех видов, большими и малыми, но неподвижными, застывшими, окаменевшими... Черная пустыня, настоящее царство смерти, там и сям прорезываемое глубокими трещинами. Беловатые и бурые линии, образовавшиеся от осадков буры, серы и т. п. из проникающих через трещины паров, виднеются на нем как барашки на гребнях волн. Из дна, из стенок и наверху вдоль всего кольца прорываются клубы водяного пара. Вдали и несколько вправо поднимается целая туча этих паров, отсвечивающая ночью и вечером кровавым заревом далекого пожара»[1]

В тот же вечер Н. Судзиловский отправился к действующему центру вулкана. Для этого надо было ехать верхом более часа по дну большого кратера, в центре которого был расположен гораздо меньший кратер поперечником в 130 саженей. Стенки кратера возвышались над кипящей лавой, покрытой тонкой коркой, всего на 3-4 сажени. В кратере температура расплавленного камня составляла 2000° Ц. Несмотря на пленку, валы лавы перекатывались по поверхности кратера и разбивались огненными брызгами о берег. От движения лавы корка раскалывалась, как тонкий лед на волнующейся реке. Ее куоки выбрасывались волнами на берег и производили шум, как от тронувшегося речного льда. В трещинах виднелась кроваво-красная лава. Временами в различных местах огненного озера начинали бить 10-15 огненных фонтанов. Фонтаны перемещались с места на место.

Н. Судзиловский прожил на острове три дня. Но он и после этого бывал у вулкана Килауэа. В 1901 году, например, он возил туда Л. Дейча, о чем тот вспоминал в своих мемуарах.

Интересен и другой очерк Н. Судзиловского «В океанской деревне». «Под 158° 16' восточной долготы и 21° 26' северной широты, на острове Оагу Сандвичевой группы[2] в трех часах пути от столицы Гонолулу, читатель найдет на карте поселение, носящее название Вайанае. Расположено это поселение на западном краю острова, у самого берега, при устье маленькой речки. Местность, по которой оно свободно раскинулось, представляет покатую к морю долину, начинающуюся оврагами в гористой центральной части острова и постепенно расширяющуюся по мере приближения к океану... Видимые отсюда горы когда-то были покрыты роскошными лесами

---

[1] И. Б. Восхождение на Килауэа. В кн.: Австралия и полярные страны. Иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. Изд. 2-е. М„ 1907, стр. 231-232.

[2] Старое название Гавайских островов.

сандалового дерева, теперь же, после многих лет хищнического хозяйствования, они голы. Лишь по оврагам да у основания их виднеется лес, вершины иге и склоны зеленеют только благодаря кустарникам и кое-какой траве. После долгих засух (а в летнее время засухи составляют обычное явление) они буреют»[1]. Так начинает Н. Судзиловский этот очерк.

Далее мы находим в нем сведения о климате, природе, населении. Климат острова, по словам автора, ровный и сухой. Он называет его «вечным июнем наших средних губерний». Температура здесь колебалась от 15 до 33° С.

Горы острова были вулканического происхождения, а почва в основном намывная и коралловая, что представляло опасность для скота, который нередко проваливался в коралловые ямы, заросшие мимозой, и ранился об острые шипы кустарника. По рассказам туземцев, в прошлом можно было проезжать на лодках в такие места, где во время пребывания Н. Судзиловского на острове рос сахарный тростник. Это свидетельствовало о постоянном подъеме островов вулканическими силами.

Вайанайская долина была дном громадного кратера. Она заросла мимозой алгаробой, привезенной из Аризоны. Алгароба не боялась засухи и пышно разрасталась до размеров больших деревьев. Ее стручки шли на корм скоту. Н. Судзиловский советовал разводить это неприхотливое растение в «наших среднеазиатских и прикаспийских пустынях».

Другим привезенным на остров растением была лантана. Заросли ее приносили людям и животным немало хлопот. Вдобавок в этих колючих кустарниках расплодился индонезийский дрозд майна, завезенный сюда для борьбы с вредными насекомыми. Но майна стал питаться ягодами лантаны и разнес семена растения по всем островам.

Много неприятностей приносил жителям Гавайев хищный зверек ихневмон (мангуста), завезенный с Явы для уничтожения крыс. Однако вместо крыс он поедал кур и «сделался сущим наказанием» для населения.

Подробно характеризует автор растительный мир Оаху. Он пишет о напоминающем грецкий орех дереве кукуй, кокосовых и финиковых пальмах, папайе, манговых, апельсиновых, лимонных, гранатовых, камфарных, коричных, кофейных деревьях, ванили, ананасах, бананах, кактусах. Плоды большинства этих деревьев шли в пищу. Особо выделял Н. Судзиловский производившие незабыва-

---

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 46

емое впечатление кокосовые деревья с зеленой перистой кроной, у основания которых гнездились орехи величиной с голову человека, а также кофейное дерево, дававшее на Гавайях плоды с повышенным по сравнению с другими местами содержанием кофеина.

О фауне островов Н. Судзиловский писал следующее: «В животном царстве здесь прежде всего замечательно полное отсутствие каких бы то ни было крупных хищных зверей... Полное отсутствие змей и пресмыкающихся вообще... Это тропическая страна без всяких неудобств тропических стран. При таких условиях по всем оврагам, лесам и трущобам можно прогуливаться с такой же безопасностью, как по собственному саду»[1].

Как настоящий художник, Н. Судзиловский рисовал картину рассвета на побережье: «В ранние часы, когда свет еще борется с мглою и на горизонте еще виднеется созвездие Южного Креста, люблю я пройтись по берегу моря и посмотреть, как маленькие крабы роют норки в прибрежном песке... Вот катится по отмели неосторожный краб, стрелой налетает на него цапля и мигом прячет в свою утробу. Спугните ее, и со странным, жалобным воплем расправит она неуклюжие крылья и улетит на соседнее болото. На смену ей, посвистывая и порхая с места на место, является стадо куликов, которые принимаются тоже искать чего-то на песке. В соседних алгаробах, окруженных, как плакучие ивы, тонкими прядями свешивающихся вниз ветвей, трещат неугомонные майны и раздается отчетливое «та-та-та!» красавца дикого голубя с рябеньким ожерельем вокруг фиолетовой шейки.

В воздухе тепло и влажно; тонкий, прозрачный пар подымается над водою. Волна за волной набегает на низкие коралловые прибрежные островки и отмели, разбиваясь о них каскадами белоснежной пены. Кое-где махнет хвостом резвящийся дельфин, покажется широкая спина черепахи или плавник акулы. Невдалеке качается кокетливая яхта, привезшая накануне толпу любопытных туристов. Искрятся алмазами в водяных брызгах первые солнечные лучи и заливают своим розовым цветом проглядывающие из зелени беленькие хижины.

У берега горят в нескольких местах небольшие костры, и каначки хлопочут вокруг них над приготовлением завтрака отправляющимся на ловлю мужьям. Эти последние возятся со своими лодчонками, укладывая в них сети и крючки»[2]

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 56
[2] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 145-146

Гавайский пейзаж

После описания природы Вайанае Н. Судзиловский переходит к рассказу о жителях поселка.

Очень тепло автор отзывается о коренных жителях Гавайских островов — канаках. Пища их состояла из печеных плодов корней таро, из которых туземцы делали «пои» — нечто вроде овсяного киселя, соль они добывали из морской воды, огонь — трением. Канаки ловили рыбу и ели ее сырой или печеной. Они устраивали хижины из ветвей, для мебели и постели пользовались пальмовыми рогожками.

С непритязательными условиями быта канаков Н. Судзиловский сравнивал нравы американских предпринимателей и клерков: «Канак — человек. Американец — заведенная машина. Канак более всесторонний душою и телом, всеми фибрами своего здорового организма. Американец сузил себя до исключительного служения целям материального благосостояния... Он живет не для себя, а для своего ковра, бриллиантовых серег и котиковой шубки своей жены. С раннего утра и до поздней ночи изворачивается он на все стороны, торгуя душой и совестью, если случайно они имеют цену на рынке. В нем нет ни души, ни принципа. Истина, право, наука, искусство для него или пустые слова, или дойная корова... Канак вымирает, американец занимает его место. Что лучше: умереть канаком или жить с американцем?»[1]

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 93-95

Любопытно описание домашнего торжества канаков, на которое был приглашен Н. Судзиловский: «Недавно мне случилось попасть на гавайский парадный обед, где все было устроено и сервировано по-гавайски; подавались только гавайские блюда. Празднество происходило на широкой веранде компанейского дома по поводу нового года. Организатором была жена управляющего, туземка, а помощницами — ее гавайские приятельницы... Тарелками служили листья, а блюдами — чашки из тыквы и редких сортов дерева. Кроме национальных пои, таро, бананов в разных видах, на столе были расставлены в самом изящном виде еще несколько десятков разнообразнейших блюд, в деликатности вкуса соперничавших между собой и с отменной французской кухней. Из них нельзя было не обратить внимания на черенки папоротника, приготовленные на манер спаржи и очень сходные с ней по вкусу; на печеную в канакской земляной печке, завернутую в листья прекрасную рыбу; на массу удивительных соусов, пряностей и фруктов, от которых пришел бы в восхищение любой европейский чревоугодник. Только местный опьяняющий напиток ава, приготовляемый предварительным жеванием целой компанией корней Piper methysticum и последующей ферментацией, был заменен шампанским, рейнвейном и пивом. Не было и вкусной, откормленной по особому способу жареной собаки местной породы, которою еще недавно на подобном парадном обеде родственница королевы угостила своих европейских друзей, не предуведомив их о таком блюде. Говорят, они находили блюдо превкусным»[1]

Н. Судзиловский рассказывает о лодочных гонках, атлетических соревнованиях и скачках канаков, о деятельности местных народных лекарей кагуна. Он пользовался большими симпатиями среди канаков. Его прозвали Каука-Лукини (добрый русский доктор).

Н. Судзиловский разоблачал хищническую политику американских колонизаторов. Он говорил, например: «Много зла внесли в жизнь гавайского народа американские миссионеры своим фанатизмом, узостью взглядов и непониманием местных социальных и политических учреждений»[2].

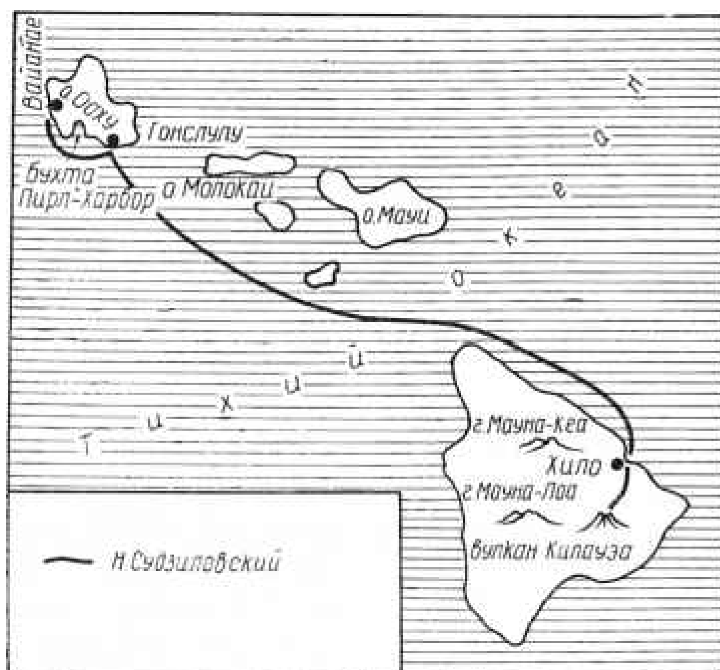
В другом месте он приводит слова одного из ораторов, выступавшего на митинге, организованном туземцами: «Господа американцы стараются уверить гавайский народ, что через присоединение к Штатам он выиграет во всех отношениях и прежде всего в материальном. Мы охотно поверили бы им, если бы все их доводы не

---

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 99-101

[2] Там же, стр 122.

разбивались об один факт: Штаты при всем их богатстве полны нищими, тысячами, десятками тысяч людей, ищущих и не находящих работы. При всей нашей бедности у нас этого нет»[1]



Маршрут Н. Судзиловского

.

Автор очерков рассказывает о том, как американские спекулянты прибрали к рукам большинство гавайских земель. При объединившем Гавайские острова в начале XIX века Камеамеа I вся земля была во владении государства. Американские советники королей Гавайев настояли на проведении в 1846-1855 годах земельной реформы, по которой земля была разделена на три части: между королем, аристократией и остальными жителями. Постепенно земли переходили к белым плантаторам. Н. Судзиловский писал: «Две трети территории принадлежат какому-нибудь десятку собственников, главным образом миссионерам и их потомкам. Большая часть, например, самого большого острова Гавайи принадлежит одному лицу»[2]

---

[1] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, декабрь, стр. 135.
[2] И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 142-143

Капитализация способствовала расслоению канакского общества. Многие местные жители шли в города и на плантации наниматься на работу.

Американская колонизация вела к вымиранию населения островов, которое со времен открытия их Дж. Куком уменьшилось в десять раз, примером чему служила Вайанайская долина: «Проезжая ею теперь от моря до замыкающих ее на западе перпендикулярных утесов, на каждом шагу видишь следы исчезнувшей жизни. Повсюду видны тщательно огороженные маленькие участки, часто не больше обыкновенного крестьянского двора. Горожи сложены из необработанных кусков горной лавы или базальта, но с таким искусством, что держатся до сих пор. Внутри их помещались травяные избушки и таровые плантации, орошаемые из соседних ручьев. Можно себе представить, каким цветущим сплошным муравейником выглядела вся местность. Теперь леса уничтожены, осталась пустыня.

...Впрочем, у самого ручья еще держатся последние могикане... За банановой плантацией начинаются маленькие поля таро, расположенные террасами одно над другим. Они залиты водою, затянуты зелеными водорослями, и самое таро выглядит на них как широколистые водяные лилии на наших прудах. Совершенно голый, бронзовый, как статуя, канак по колено в грязи, под палящим солнцем возится в этом болотце, ухаживая за своим хлебом. Aloha nui, т. е. «здравствуй», крикнешь ему. Он оглянется и ответит тем же с приветливой, детской улыбкой»[1]

Далее Н. Судзиловский отмечает, что «хищное государство с белыми капиталистами во главе «стеснило свободолюбивого канака, заставив его жить с обработки 1/2—1/6 десятины земли. А кругом — пустыня, кладбище. Растянулся белый человек, что собака на сене,— ни себе, ни другим»[2].

Он разоблачал расовую дискриминацию, насаждаемую колонизаторами: «Американские миссионеры не задумываются водворять ценз белой кожи даже в деле религии. Здесь на одной и той же улице вы увидите две стоящие рядом протестантские церкви одного наименования: одна предназначена для белокожей аристократии, другая — для бедных туземцев. Тот же принцип проводится и в школе. Белые избегают посылать своих детей в общие правительственные училища. Для них специально устроена правительством так

---

[1] Там же, стр. 139-140
[2] Там же, стр.141

называемая привилегированная школа, содержимая на общие (бюджетные) средства. Но и этим они не довольны и отдают предпочтение платным частным училищам. Туземный канакский язык совсем исключен из преподавания»[1].

Революционер-интернационалист Н. Судзиловский не смог остаться в стороне от борьбы местного населения против американских колонизаторов. «После восьмилетней миссионерско-сахарократической олигархии», как он назвал годы правления американских капиталистов на островах, Н. Судзиловский организовал партию независимых, или туземцев, и противопоставил ее американизированным партиям республиканцев и демократов. А во время выборов в парламент эта партия добилась победы и Н. Судзиловский был выбран сенатором, а позже президентом сената.

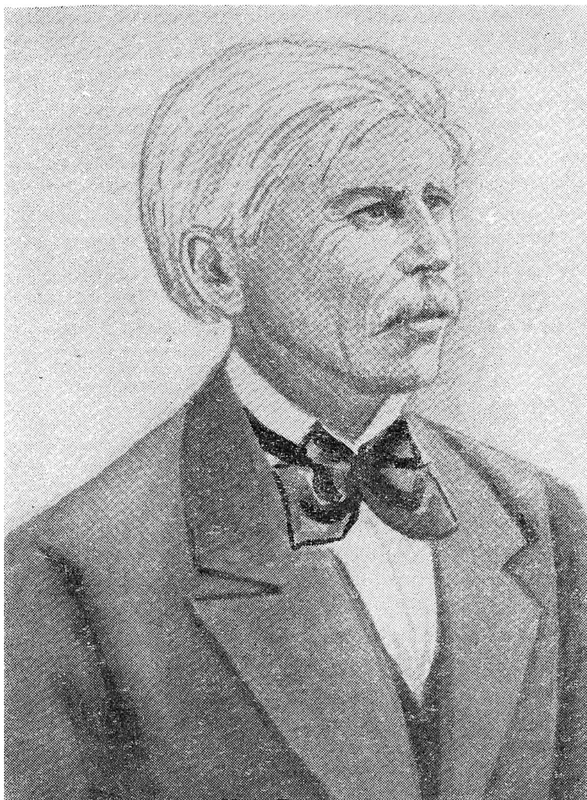
Гавайские острова получили права, средние между правами американского штата и территории. Отказавшись от прав президента сената, Н. Судзиловский как рядовой сенатор добился проведения своих законопроектов, в частности увеличения налога на богатых, реформы санитарного управления, расширения кредитов на просвещение, упорядочения продажи алкогольных напитков, контроля над промышленными компаниями и предприятиями. Он пытался проводить в жизнь принципы, которые провозглашал еще в Румынии.

Н. Судзиловский был сторонником независимой от Вашингтона политики Гавайев. По его настоянию сенат отверг резолюцию о предоставлении островам прав штата, что усилило бы позиции владельцев сахарных плантаций. Однажды он заставил уйти из нижней палаты парламента назначенного из Вашингтона секретаря, который явился туда без приглашения.

Несмотря на то что Н. Судзиловский весь отдался политической борьбе на далеких от родины островах, он не забывал о борьбе против царизма, врагом которого оставался по-прежнему. В 1903 году он оставил свою ферму, на которой к тому времени поселился, и отправился в Шанхай. Здесь он провел девять месяцев в тщетных попытках договориться с китайскими разбойниками хунхузами, чтобы те напали на Акатуй — место каторги в Забайкалье и освободили оттуда политических заключенных.

---

[1] И. Б. По Гавайским островам. В кн.: Австралия и полярные страны, стр. 224—225.



И. А. Гошкевич

С началом русско-японской войны Н. Судзиловский вернулся на Гавайские острова. Однако вскоре поселился в Японии в Кобе, а затем в Нагасаки.

До Н. Судзиловского в Японии побывал другой уроженец Белоруссии Иосиф Антонович Гошкевич (1814-1875). Он родился в Минской губернии в семье священника. После окончания Минской духовной семинарии в 1835 году был направлен в Петербургскую духовную академию. Здесь выступил инициатором перевода Ветхого завета на русский язык, что показалось Синоду крамолой. Вероятно, в связи с этим И. Гошкевич был направлен в Пекинскую духовную миссию, где провел десять лет, изучая китайский язык и посылая свои метеорологические наблюдения в Петербург. Он написал несколько статей: о разведении картофеля, риса, о шелководстве, приготовлении туши, белил, румян, о китайских счетах.

В 1852 году И. Гошкевича назначили переводчиком и секретарем к вице-адмиралу Путятину, эскадра которого совершила плавание в Японию, увековеченное И. А. Гончаровым в книге «Фрегат «Паллада».

И. Гошкевич в большой степени способствовал заключению русско-японского трактата (1855), по которому японские гавани были открыты для русских кораблей. На полуострове Идзу И. Гошкевич познакомился с монахом 1 атибанано Коосай, который согласился учить его японскому языку и захотел отправиться с русскими моряками за границу. Однако в пути судно было захвачено англичанами, воевавшими тогда с Россией. И. Гошкевич и Татибанано Коосай попали в тюрьму, где в течение девяти месяцев составляли первый японо-русский словарь, который вышел в 1857 году в Петербурге и получил Демидовскую премию.

В том же году И. Гошкевич был направлен первым русским консулом в Японию в Хакодате на острове Хоккайдо. Его жизнь подвергалась опасности — недовольные появлением иностранцев в стране местные жители нередко убивали представителей европейских держав. Не случайным нам представляется пожар здания консульства, во время которого погибла часть коллекций, собранных И. Гошкевичем.

В Японии он заболел и в 1867 году вернулся на родину, поселившись в имении в Виленской губернии. Ученый продолжал заниматься восточными языками и незадолго до смерти закончил довольно интересное исследование «О корнях японского языка».

Н. Судзиловский вел среди русских военнопленных революционную пропаганду, находясь под неустанным надзором японской полиции. Он издавал газету «Япония и Россия», открыл три школы для солдат, проводил митинги. А. Новиков-Прибой, попав после Цусимы в японский плен, познакомился с революционером и позже тепло вспоминал о нем[1]

Царское правительство не могло оставить без последствий деятельность Н. Судзиловского и просило американские власти воздействовать на него. Вскоре он лишился американского паспорта. Позже Н. Судзиловский писал об этом своему Другу белорусскому революционеру А. О. Бонч-Осмоловскому: «Вашингтонское правительство преследовало меня систематически за отказ повиноваться его приказу и прекратить пропаганду среди русских пленных, в противность всем законам и здравому смыслу лишает

---

[1] А. С. Новиков-Прибой. Цусима, кн. 2. М., 1959, стр. 466.

меня американского гражданства и паспорта на возвращение в Штаты»[1].

Н. Судзиловский до конца оставался русским патриотом. Он настоял на том, чтобы планы фортов, прикрывавших Владивосток, которые какой-то проходимец, бежавший из России, пытался продать японским властям, были сожжены[2]

После войны Н. Судзиловский остался жить в Японии. Здесь он продолжал работать в области медицины, переписывался со специалистами Европы и Америки. Он выпускал единственную тогда газету русских эмигрантов «Воля» в Нагасаки (1906-1907)[3], а затем «Восточное обозрение» в Токио, организовал издательство «Товарищество «Дальний Восток». В начале апреля 1906 года Н. Судзиловский основал в Нагасаки «Восточноазиатское отделение русской революционной партии»[4]. К этому же периоду относится переписка Н. Судзиловского с М. Горьким [5].

Н. Судзиловский был популярен среди азиатских революционеров. К 1906 году относится его знакомство с руководителем китайского революционного движения Сунь Ятсеном [6]. В одном из писем Сунь Ят-сен писал Н. Судзиловскому: «Я с большим удовольствием прочитал вашу интересную статью «Китайская загадка»... Я редко встречал представителя Запада, который когда-либо так отстаивал идею возрождения Китая и практического обеспечения условий человеческого существования миллионам его страдающего населения»[7].

По сведениям М. Янсена, Н. Судзиловский оказывал помощь китайским революционерам. Например, вскоре после встречи с Сунь Ят-сеном Н. Судзиловскому доставили взрывчатые вещества для изготовления бомб. Когда в 1910 году китайские революционеры совершали покушение на маньчжурского принца-регента, взрывчатка для нее была изготовлена русскими революционерами в Нагасаки.

Связи с Н. Судзиловским установили и японские демократы. В 1906 году, когда «Воля» из-за финансовых затруднений почти

---

[1] И. И. Попов. Н. К. Руссель-Судзиловский «Каторга и ссылка», 1093, № 6, стр. 175

[2] Кудржинский. Русские революционеры и японцы. «Былое», 1907, № 6/18, стр. 193.

[3] М. Михайлов. Виктор Константинович Курнатовский (в период 1907-1912 гг.). «Старый большевик», сб. 1. М.-Л., 1930, стр. 164.

[4] Г. Д. Иванова. Котоку — революционер и литератор. М., 1959, стр. 62.

[5] М. Ф. Мельников. Добрый русский доктор. «Огонек», 1960, №' 7. стр. 24.

[6] Л. С. Кюзаджян. О влиянии русской революции 1905-1907 гг. на китайских революционных демократов. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, стр. 39.

[7] А. Н. Хейфец. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 97.

прекратила деятельность, они договорились с русскими эмигрантами о совместном издании журнала «Революционный вестник». Встревоженное японское правительство запретило издание журнала после выхода в свет нескольких его номеров. Тем не менее Н. Судзиловский продолжал поддерживать связь с нагасакским отделением революционного общества «Хэйминся»[1].

Манила. С гравюры XIX века

Из Японии Н. Судзиловский выезжал на Филиппинские острова Минданао[2], Миндоро и Негоос[3] (1911). С 1921 года он жил в китайском городе Тяньцзине. Здесь он лечил местную бедноту, продолжал заниматься научной работой и общественной деятельностью. Он приветствовал Октябрьскую революцию, получал пенсию Советского правительства. Умер Н. Судзиловский в Тяньцзине 30 апреля 1930 года.

---

[1] Г. Д. Иванова. Котоку – революционер и литератор, стр. 62

[2] Д ж. К е н н а н. Как велось просвещение среди русских солдат в Японии. «Каторга и ссылка», 1927, № 2, стр. 165.

[3] Г. Б а к а л о в. Русские друзья Христо Ботева. «Летописи марксизма», т. 2, 1926, стр. 51, 55.

В СНЕГАХ И ЛЬДАХ СИБИРИ

Б. И. Дыбовский

Вот мир безжизненный, морской подобный пене,
Край, где свои лучи сполох полярный льет.
На пики горные, на вечный снег и лед,
На восходящие до облаков ступени.
Как стоны из могил, как гробовые тени,
Невнятный звук порой в безмолвии растет —
Рыданье, хохот, смех иль голос непогод,
Зловещий вой ветров в их непрерывной смене

Леконт де Лиль. Полярный пейзаж

Разгадка «Славного моря»

Весной 1864 года царское правительство бросило в тюрьму молодого адъюнкт-профессора кафедры зоологии и сравнительной анатомии Варшавской главной школы (университета). Арестованному грозила казнь. Однако после вмешательства немецких ученых власти заменили смертный приговор ссылкой в Сибирь. Через несколько месяцев ученый по этапу был отправлен в Иркутск.

Это был Бенедикт Иванович Дыбовский, замечательный исследователь Прибайкалья и Камчатки.

Бенедикт Дыбовский родился 29 апреля (12 мая по новому стилю) 1833 года в имении «Адамарин» Минского уезда (ныне Молодечненский район)[1] Отец его был мелкопоместным шляхтичем и участвовал в восстании 1830-1831 годов. Детство свое Б. Дыбовский провел в «Адамарине», а также в имении своих родителей «Тонва» и в Сеннице под Минском, где жила его тетка.

С ранних лет Дыбовский питал склонность к экспедициям и природе. В период учения в Минской гимназии, куда он поступил в 1847 году, он готовил себя к далеким путешествиям, зимой спал во дворе, много плавал, ездил верхом, ходил пешком.

После окончания гимназии осенью 1853 года он поступил в Дерптский университет, откуда в 1857 году за участие в качестве секунданта в дуэли был исключен. Он уехал во Вроцлав и там закончил университет. Во время учебы Дыбовский ездил в экспедицию для изучения рыб Германии и Адриатического побережья (в Триесте и Риеке).

Окончив университет, Б. Дыбовский переехал в Берлин, где совершенствовал свои естественнонаучные знания. Он познакомился с учением Ч. Дарвина и стал его сторонником. В 1860 году Б. Дыбовский защитил диссертацию. В 1861-1862 годах посещал

---

[1] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954

зоологические музеи Петербурга и Стокгольма. В результате этого появилась его монография о карповых рыбах Прибалтики.

Научные и общественные воззрения Б. Дыбовского складывались под влиянием революционного движения в России и Польше. В 1861 году в Петербурге он сблизился с местным комитетом польских офицеров-революционеров во главе с З. Сераковским и будущим генералом Парижской коммуны Я. Домбровским. В это же время он познакомился с Н. Чернышевским и другими русскими революционерами. Комитет офицеров поручил Б. Дыбовскому организовать подполье в Тарту. Молодой ученый принял деятельное участие в проведении в Вильно манифестации протеста против царизма весной 1861 года, за что подвергся аресту. Это помешало ему занять кафедру зоологии в Краковском университете, так как австрийское «императорское и королевское» правительство не захотело иметь у себя «бунтовщика»[1].

В 1862 году Б. Дыбовский перебрался в Варшаву, где занял кафедру зоологии и сравнительной анатомии в Главной школе. Молодой адъюнкт-профессор, занимаясь преподаванием и наукой, одновременно продолжал и революционную деятельность, оставаясь на левом крыле освободительного движения. Он был активным участником создания «Литовского провинциального комитета», который руководил революционным движением в Белоруссии и Литве. В Варшаве Дыбовский предоставлял руководителям восстания 1863-1864 годов для заседаний квартиру и кабинет зоологического музея.

Весной 1864 года Б. Дыбовский был арестован, брошен в тюрьму «Павяк», а затем в печально известный Десятый павильон варшавской цитадели. Оттуда он был отправлен в Сибирь.

По прибытии в Иркутск Бенедикт Иванович связался с секретарем Сибирского отдела Русского географического общества Рихардом Мааком, с которым в свое время занимался в Тарту. С его помощью он стал членом общества, получил возможность пользоваться библиотекой. Еще во время пребывания в тюрьме Дыбовский старательно изучал книги о фауне Сибири. Позже он вспоминал об этом: «Трудно было работать. Шум, плохое питание и освещение, движение в переполненной камере мешали чтению, но нужно было привыкать». Ученый-дарвинист поставил перед собой задачу доказать ошибочность петербургских ученых, писавших об отсутствии разницы между птицами Западной и Восточной Сибири.

---

[1] G. Brzęk. Sprawa powołanie Benedykta Dybowskiego na katedrę zoologii w Uniwersytecie Jagiellońskim w świetle dokumentów. „Kwartalnik historii nauki i techniki”, 1957, N3, str. 529-244

Из Иркутска Бенедикт Иванович был направлен для отбытия каторги в село Сиваково близ Читы. Здесь он, как и другие ссыльные, рубил и вывозил лес, чинил дороги, строил лодки. Вокруг себя Б. Дыбовский собрал способных естествоиспытателей — В. Годлевского, А. Парвекса, В. Ксенжопольского, М. Янковского и др., а в свободные от изнурительной работы часы лечил население.

В 1866 году Б. Дыбовский, В. Годлевский и А. Парвекс, получив разрешение на вольное поселение, переехали в Дарасун — молодой курорт вблизи Читы, где были обнаружены минеральные источники. Б. Дыбовский стал врачом местной больницы, часто ездил по окрестностям, посещая больных — русских и бурятов. Он описывал быт, обычаи, верования, язык бурятов, называя этот народ «способным к прогрессу и достойным, чтобы им занялись с братской любовью»[1]

Ученый собрал в Дарасуне с помощью друзей более пятисот чучел 150 видов птиц, много птичьих яиц. Там же он изготовил более сорока препаратов 26 видов рыб рек Ингоды и Онона, из них 12 видов описал впервые.

Летом 1868 года Б. Дыбовский добивается разрешения переехать в село Култук, чтобы исследовать малоизученную природу и фауну Байкала. В науке того времени существовало представление о бедности этого озера животным миром. Однако ученый придерживался иной точки зрения. Средств для работы ни от властей, ни от Сибирского отдела Географического общества Дыбовский не получил. Он вынужден был расходовать деньги, одолженные у товарища по ссылке врача Игнатия Лаговского.

Исследования на озере Б. Дыбовский проводил три с лишним года, исключая время на поездку с экспедицией генерала И. Г. Сколкова в 1869 году на Амур, во время которой он сблизился с Н. М. Пржевальским.

Б. Дыбовский непосредственно сам вел исследования. Позже он писал, как вместе с товарищами по нескольку недель проводил на льду озера, не имея даже палатки. После таких экснедиций нередко приходилось возвращаться в Култук с обмороженными лицами и покрасневшими глазами.

Своими исследованиями ученый доказал богатство животного мира Байкала. Следовательно, озеро являлось очагом возникновения новых видов.

---

[1] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954, str. 43

Вокруг исследований Б. Дыбовского в Академии наук в Петербурге разгорелась полемика. Бенедикта Ивановича поддерживали А. Ф. Миддендорф,

Штраух и др. Они видели в его исследованиях подтверждение эволюционной теории Чарлза Дарвина.

Чучело дрофы, изготовленное В. Дыбовским

Вскоре Б. Дыбовский, Годлевский и М. Янковский получили возможность посетить долину Амура и Уссурийский край. В Старом Курухтайтуе они построили лодку, которую назвали «Надеждой», и 9 августа 1873 года, провожаемые местными казаками, пустились в плавание. Через шесть недель, преодолевая неимоверные трудности, путешественники достигли Благовещенска. Здесь они получили бесплатные билеты на пароход «Ингода», плывший в Хабаровск. Оттуда Б. Дыбовский со своими спутниками выехал в станицу Казакевичеву, которая послужила им базой для экспедиций по Уссури на конец 1873 и первую половину 1874 года. Исследователи собрали большую коллекцию чучел птиц и зверей.

В августе 1874 года Б. Дыбовский и В. Годлевский отправились во Владивосток. Несмотря на предписание иркутского генерал-губернатора об оказании им помощи, командующий Тихоокеанским флотом адмирал Афанасьев не дал судна Дыбовскому для плавания по Японскому морю. Однако это не помешало ему продолжить исследования на острове Аскольд и на берегу залива Стрелок близ Владивостока. Б. Дыбовский составил карту местности, открыл здесь более сорока новых видов птиц, собрал коллекцию морских животных — губок, моллюсков, ракообразных.

Вернувшись в Култук зимой 1875/76 года, Бенедикт Иванович Дыбовский возобновил свои байкальские исследования.

В июне 1877 года Б. Дыбовского освобождают из ссылки. Трудным было его расставание с Сибирью. «То, что Б. Дыбовский покидал место своей ссылки с грустью,— писал его биограф Я. Доманевский,— не покажется удивительным, если учесть, что он

прожил там лучшие годы жизни, проводил научные исследования, которые принесли ему такое удовлетворение, которое получает каждый ученый, когда по окончании работы её результаты подтверждают теоретические основания»[1]

Б. Дыбовский во время

Деятельность Б. Дыбовского получила высокую оценку ученых России. По предложению Географического общества он был награжден золотой медалью. Общество добивалось у царя разрешения носить ДыбоЕскому рядом с фамилией приставку «Байкальский», от чего ученый-демократ решительно отказался.

Видный советский байкаловед Г. Ю. Верещагин так отзывался о работах ученого: «Дыбовскому, работавшему на Байкале в 1867-1868 и 1875-1876 годах, принадлежит честь открытия тех исключительных особенностей природы Байкала, которые впоследствии привлекли к нему внимание всего мира. Работы Б. Дыбовского, положившие основу изучения ряда областей природы Байкала, отличаются для своего времени исключительной полнотой и точностью. Так, им впервые производились на Байкале специальные промеры глубин по точно нанесенным на карту профилям, им же произведены первые наблюдения над распределением температуры воды на разных глубинах, что было повторено впоследствии лишь в 1925 году. Им же велись первые систематические наблюдения над колебаниями уровня Байкала. Наконец, Б. Дыбовский открыл наличие в Байкале исключительно в нем встречающейся фауны, причем он сам произвел и научную обработку основных групп этой фауны»[2].

Вернувшись из ссылки в Варшаву, Бенедикт Иванович Дыбовский начал готовиться к экспедиции на Камчатку. С грустью расставались с ним друзья. Многие из них считали, что видят ученого в

---

[1] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski., str. 86
[2] Г. Ю. Верещагин. Байкал. М., 1949, стр. 26

последний раз, настолько рискованным им казалось его новое путешествие. Через Тарту Дыбовский едет в столицу России, ученый мир которой с радостью принимает исследователя Байкала. Географическое общество избрало его своим действительным членом и выделило тысячу рублей для исследовательских работ на далеком полуострове. Академия наук снабдила его необходимыми приборами и книгами. По пути он задержался в Москве, где встретился с профессором Богдановым. Они долго беседовали об антропологических исследованиях, с помощью «которых можно было собрать убедительные доказательства того, что все расы имеют способность к развитию культуры и цивилизации»[1] Б. Дыбовский разделял эти взгляды всю жизнь. «Причисление ряда народов к «диким»,— писал он,— является искусственным, притом несправедливым. В истоках этого разделения лежит характерная для капитализма погоня за прибылью» [2]. Или еще: «... С каждой народностью, каждым племенем следует обходиться доброжелательно и заботливо, все они имеют право и обязанность жить самостоятельно в условиях стремления человечества к идеалам, осознанным в наше время. Каждое же насилие над национальными и народными правами является преступлением» [3].

Проделав большой зимний путь через всю Сибирь, Б. Дыбовский прибыл в Петропавловск-на-Камчатке 5 июля 1879 года. На Камчатке он проработал пять лет. Он 5 раз объехал полуостров и трижды побывал на Командорских островах, сочетая работу врача и естествоиспытателя. Острова в 1871 году были сданы в аренду американской компании, которая грабила местных жителей и получала, по подсчетам Б. Дыбовского, 800 с лишним тысяч рублей прибыли в год. Россия же получала от компании всего 50-60 тысяч рублей. Б. Дыбовский настаивал на ревизии условий аренды.

Исследователь боролся с эпидемиями, основал больницу для больных лепрой (проказой) и венерическими болезнями, заботился о быте жителей Камчатки и Командорских островов, содействовал ввозу на острова оленей и лошадей. Он оплатил провоз оленей и корм для них. Олени хорошо прижились на острове Беринга, и местные жители — алеуты смогли улучшить свое питание за счет их молока и мяса. Они сочинили легенду о «добром белом боге», который прислал им оленей, и к семидесятилетию ученого послали ему в подарок скелет вымершего в XVIII веке животного — морской коровы.

---

[1] B. Dybowski. Po Syberii i Kamczatce, cz. 1. Lwów, 1912, str. 72.
[2] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski, str. 171.
[3] B. Dybowski. O Syberii i Kamczatce. Lwów, 1899, str. 130.

Б. Дыбовский постоянно подчеркивал, что высокая заболеваемость и смертность жителей Камчатки и Командорских островов — результат плохих материально-бытовых условий. Он писал: «Не могу смотреть на бесчеловечное отношение администрации, купцов и -священников к местному населению Камчатки... Для ограждения народонаселения Камчатки от голодной смерти никаких мер до настоящего времени не принято, молитвы и богослужения, которыми их угощают в настоящее время, мало действуют»[1].

Как отмечал ученый, со времен первого научного исследования Камчатки в XVIII веке С. Крашенинниковым количество жителей полуострова уменьшилось вдвое. Он это связывал с уменьшением доходов жителей от пушного промысла. По его словам, только земледелие могло содействовать росту народонаселения. Экспериментами Дыбовский доказал, что причина невызревания злаков на Камчатке не в плохих климатических условиях, а в плохой обработке земли и применении неакклиматизированных семян. Для посевов, говорил он, следует ввозить на полуостров семена из районов со схожим климатом. В советский период это мнение ученого подтвердилось практикой местных совхозов и колхозов.

Б. Дыбовский объяснял низкую продуктивность скота содержанием его весь год под открытым небом, плохими зоотехническими знаниями жителей и нашел практический выход из положения. Он советовал ввезти на полуостров овец, коз, кроликов, яков, а озера и реки заселить карповыми рыбами. Ученый писал: «Если бы я имел большие средства или если бы владивостокские власти дали себя убедить в большой пользе пуска карповых рыб в камчатские озера Паратунской долины, они бы круглый год давали населению свежую пищу».

К сожалению, как отмечает Г. Винкевич, его советы по животноводству и сельскому хозяйству не реализованы полностью и сейчас.

Исследуя животный мир, ученый доказал, что на Камчатке он носит характер островного. Б. Дыбовский обратил внимание на уничтожение ценного пушного зверя соболя в камчатских лесах и добился запрета охоты на него в течение почти всего года.

Ученый впервые обратил внимание властей на доходность улова камчатской сельди и использования древесины на полуострове, добычи торфа и угля на Командорских островах.

---

[1] Цит. по кн.: Г. Винкевич. Выдающийся географ и путешественник, стр. 32

Б. Дыбовский изучал климат Камчатки, описывал ее реки, озера, многочисленные минеральные источники, пересылал взятые им образцы их вод для анализа академику К. Шмидту.

В 1883 году Б. Дыбовский покинул Камчатку, чтобы занять кафедру зоологии в Львовском университете. В Львове он организовал музей, использовав для этого привезенные с Камчатки экспонаты. Путешественник продолжал обрабатывать добытые им материалы. В Львове и Варшаве он организовал выставку зоологических, этнографических и антропологических материалов своих экспедиций. Он опубликовал более тридцати очерков о Сибири и Камчатке.

Марка ПНР с портретом Б. Дыбовского

Ученый преподавал, кроме зоологии, и антропологию, постоянно критикуя расистские взгляды. Под влиянием католического духовенства министерство просвещения Австро-Венгрии предложило ему не касаться в своих лекциях теории Дарвина, в которой оно видело «символ безбожия, аморальности, революции и тому подобных вещей». Однако ученый наотрез отказался отречься от своих взглядов и в случае принуждения его к этому обещал оставить кафедру и вернуться на Камчатку, где, по его выражению, «он будет иметь

лучшие возможности распространения культуры и прогресса»[1] Опасаясь скандала, венское правительство вынуждено было отказаться от своей затеи.

В 1906 году Б. Дыбовский ушел на пенсию, но не оставил научной деятельности. Он исследовал озера Польши, Украины, Белоруссии (Любань, Свитязь, Загоранское, Черное) и доказал их ледниковое происхождение, дал характеристику их химического состава и животного мира.

В начале первой мировой войны ученый жил в имении своей сестры «Няньков» (около Новогрудка). Немецкие захватчики выгнали семью сестры Б. Дыбовского и его самого из дому, разграбили и сожгли имение. Только с помощью немецкого офицера, внука известного натуралиста Александра Гумбольдта, Дыбовский получил возможность вернуться в Львов.

Во Львове он застал разрушенный и разграбленный во время военных действий дом. Долгое время семья ученого жила в плохих условиях. Однако, несмотря на это, Б. Дыбовский не мог оставить научную работу. Он попрежнему мечтал о поездке на Байкал, переписывался с петроградскими и иркутскими учеными, предлагал переселять на остров Беринга оленей, а на Камчатку — яков и карповых рыб.

В 1927 году Академия наук СССР избрала выдающегося исследователя Сибири, Камчатки и Байкала Б. Дыбовского своим членом-корреспондентом. Ученый послал во вновь организованную по его идее только при Советской власти Байкальскую лимнологическую станцию свои работы, посвященные изучению озера.

31 января 1930 года Б. Дыбовский умер. Он похоронен во Львове на Лычаковском кладбище.

Ученый оставил после себя 130 научных работ. Он был последовательным эволюционистом, противником расовой теории и сторонником предоставления всем народам нормальных условий для экономического и культурного развития. Ученый постоянно выступал против религии, за распространение научных знаний, против угнетения национальных меньшинств.

Как нельзя лучше характеризуют научный подвиг Б. Дыбовского слова его биографа Я. Доманевского: «Если бы те исследования, которые проводил Б. Дыбовский, проводила хорошо оснащенная экспедиция, состоящая из нескольких ученых, то результаты, достигнутые ею, можно было бы считать очень большими. А

[1] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski, str. 153-154

сделанные одним человеком, в таких исключительно тяжелых условиях, они просто великолепны»[1].

[1] J. Domaniewski. Benedykt Dybowski, str.161

Ян Доминикович и Мавра Павловна Черские

Белое поле. Белая даль.
В бледной лазури облако белое...
Лес оголенный. Солнце несмелое.
Шелест могильный. Холод. Печаль.
Млечная мглистость. Скользкие льды.
Слитых кристаллов хлопья летучие.
Злобной метели иглы колючие.
Лисьи, оленьи, волчьи следы.

П. Дравет. Стихи о Колыме

В поисках останков мамонтов

Далеко от Белоруссии, при впадении реки Омолон в Колыму, в ста километрах от Северного Ледовитого океана стоит надмогильный памятник. На нем высечены слова: «Выдающемуся исследователю Сибири, Колымы, Индигирки и Яны геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому (1845-1892 гг.) от благодарных потомков».

Горный хребет Черского, долина Черского...

С именем Черского связано много славных страниц в исследовании Сибири. Ян Доминикович, или, как его называли русские ученые, Иван Дементьевич Черский, родился в имении «Сволна» Дриссенского уезда Витебской губернии (ныне Верхнедвинский район) 3 мая 1845 года в дворянской семье.

Относительно места рождения Я. Черского в литературе приводятся разноречивые сведения, на что обратил внимание еще Ф. Доминиковский[1] В. А. Обручев неправильно писал, что ученый родился в Дриссенском уезде Виленской (?) губернии[2], а С. В. Обручев называл литовцем[3], видимо, потому, что Г. И. Ревзин писал, будто Черский был «литвином» [4], как вплоть до Октябрьской революции по традиции называли уроженцев Белоруссии.

В 1855 году отец Я. Черского умер. Яна и его старшую сестру воспитывала мать. Затем мальчика отдали в Виленскую гимназию, откуда его в 1860 году перевели в местный шляхетский институт — учебное заведение для дворянских детей.

---

[1] Ф. Дамінікоўскі. Выдатныя географы-беларусы „Полымя”, 1945, № 7-8, стар. 159.

2 В. А. Обручев. И. Д. Черский. В кн.: Люди русской науки, т. 1. М-Л., 1948, стр. 404.

[3] С. В. Обручев. Основные этапы жизни и творчества И. Д. Черского. В кн.: И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск, 1956, (в дальнейшем — И. Д. Черский), стр. 9.

[4] Г. И. Ревзин. Подвиг жизни Ивана Черского. М.-Л., 1952.

Однако закончить институт Черскому не довелось. Как большинство молодежи Литвы и Белоруссии, он принял участие в восстании 1863 года и «после недолгих, но тяжелых скитаний в лесных лагерях на восточных окраинах бывших польских земель, ...изможденный и больной, попал в плен» [1]. Начались годы испытаний.

За участие в «бунте против государя» Я. Черский был сослан в Омск рядовым линейного батальона. Но тяга к знаниям помогла ему вынести тяготы военной жизни.

Командир батальона поручил Черскому привести в порядок и заведовать библиотекой офицерского собрания. Здесь он стал углубленно изучать естествознание, прочел книги Ч. Дарвина «О происхождении видов», «Путешествие на корабле «Бигль» вокруг света», Тиндалля «Теплота как род движения», уроженца Могилева Степана Куторги «Естественная история земной коры». Вероятно, книга земляка повлияла на дальнейшее изучение молодым солдатом геологии, так как он обратил внимание на такие книги, как «Основы геологии» Ч. Лайелла, «Курс геологии» Леваковского, «Руководство к геогнозии» Соколова.

Самообразование заменило пытливому юноше высшую школу. Многое ему дало общение с такими образованными людьми, как инженер Марчевский, владелец богатой библиотеки В. И. Квятковский, публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев, этнограф Г. Н. Потанин.

Я. Черский собрал коллекцию из костей вымерших животных и раковин, которую отправил в Московский университет. Однако оттуда пришел расхолаживающий ответ, что находки не представляют научного интереса. Это не остановило молодого исследователя, он не прекратил занятий геологией и палеонтологией и составил карты и профили обнажений пород Иртыша и Оми.

Летом 1868 года в Омске побывал петербургский академик А. Ф. Миддендорф, который признал обнаруженные Я. Черским раковины пресноводными, а не солоноводными, что круто меняло взгляды науки на равнину Сибири как на бывшее дно моря.

И как раз в это время, когда дослужившийся до фельдфебеля Я. Черский почувствовал такую поддержку, его свалила с ног тяжелая нервная болезнь. Состояние больного ухудшилось, так как невежественный медик заподозрил симуляцию, и только новый госпитальный врач помог молодому человеку встать на ноги. Он настоял на увольнении Я. Черского с военной службы. Весной 1869 года молодой

[1] Б. Дыбовский. Ян Черский. В кн.: И. Д. Черский, стр. 328-329.

исследователь был переведен на положение политического ссыльного, что поставило его перед новыми трудностями. Нужно было добывать средства для жизни — мать и сестра не могли ему помогать.

Я. Черский должен был содержать себя домашними уроками. Помимо геологии и палеонтологии, он изучает в эти трудные для него времена и другие науки. «При коптящей сальной свечке,— писал Б. Дыбовский,— в грязном помещении заброшенной бани часами просиживал молодой исследователь над анатомическими препаратами, доставая материал с большим трудом, имея только одно руководство-учебник описательной анатомии»[1] Он устроил химическую лабораторию в складе при казарме.

Несмотря на неблагоприятные условия, Я. Черский без университетских лабораторий и лекций смог благодаря исключительной работоспособности стать настоящим специалистом в области геологии и зоологии.

В 1870 году Черский подал прошение позволить ему обучаться в Казанском университете. Но ему отказали. Отрицательный ответ он получил и из Московского общества любителей природы, куда послал свои работы для публикации. «Труды эти,— писал Б. Дыбовский,— без всяких изменений были возвращены обратно, чем давалось понять, что Московское общество любителей естествознания не желает иметь никакого общения с политическим ссыльным»[2].

Осенью 1871 года Сибирский отдел Русского географического общества пригласил Я. Черского на работу в Иркутск. «Не имея средств на дорогу, он продал все, что имел, и оставил самое необходимое из одежды: тулуп, меховую шапку и пимы. В таком сибирском наряде, в морозную сибирскую зиму, страдая от холода и часто голодая в пути, прибыл он в столицу Восточной Сибири»[3].

А. Ф. Усольцев, правитель дел Сибирского отдела, устроил Я. Черского на должность писаря, библиотекаря и консерватора музея. Я. Черский обработал зоологические коллекции музея, изучал проблемы ценных промысловых животных Сибири. Вместе с тем он обработал коллекции останков ископаемых животных, хранившиеся в музее несистематизированными. Изучая рога ископаемых сибирских носорогов, он выяснил закономерности их роста. «К сожалению,— писал один из биографов Я. Черского И. В. Арембовский,—суровая, рано подорвавшая его силы обстановка жизни, отсутствие научной

---

[1] Б. Дыбовский. Ян Черский. В кн.: И. Д. Черский, стр.329

[2] Там же, стр. 331

[3] Там же.

школы и общения со специалистами, «условия литературной нищеты» (собственное выражение Черского), в которых приходилось работать в Сибири, не дали Черскому возможности подняться до тех обобщений, до которых дошел находившийся в лучших условиях жизни и научного творчества его соратник по оружию и науке — В. О. Ковалевский»[1]

В 1871 г. впервые в нашей стране Я. Черский правильно истолковал памятник древнего каменного века на правом берегу притока Ангары Ушаковки. Он отмечал, что при его «описании... не мог пользоваться ни одной книжкой, относящейся к этому вопросу, с которым я знаком был в то время крайне поверхностно, и о существующих классификациях каменного периода не имел тогда понятия» [2].

Однако основным направлением работы Я. Черского были геологические исследования. В мае 1873 года он отправился на Восточный Саян, на Тункинские и Китойские гольцы. Эти горы называли Альпами за их коническую форму, отличавшуюся от плавных, округлых форм вершин цепи Хамар-Дабан, расположенных на противоположных склонах Тункинской долины. Я. Черский первым пришел к мысли, что эти гольцы были созданы процессами размыва, а не подъема, а также отметил признаки их оледенения.

Летом следующего года исследователь изучал Еловский отрог Тункинских Альп, а в 1875-1876 годах — долины рек Бирюсы, Уды, Иркута. Полтора месяца Я. Черский вел раскопки останков четвертичных животных в Нижнеудинской пещере. Им были обнаружены кости неизвестных в то время видов медведя, северного оленя и грызуна лемминга, других животных далекого севера Сибири.

За работы по геологии Иркутской губернии Я. Черский получил золотую медаль Географического общества.

В 1877 году Я. Черский по поручению Сибирского отдела общества берется за изучение берегов Байкала. В начале мая он выехал в Култук. Отправив часть припасов судном в Баргузин, ученый направился вдоль восточного побережья Байкала, изучая по пути горные породы и уровень воды в озере. К началу августа он достиг устья реки Баргузин и, исследовав полуостров Святой Нос, закончил экспедицию первого года поездкой к устью Верхней Ангары.

---

[1] И. В. А р е м б о в с к и й. Работы И. Д. Черского по палеонтологии четвертичных млекопитающих. В кн.: И. Д. Черский, стр. 51-52.

[2] И. В. А р е м б о в с к и й и Л. Н. И в а н ь е в. Иван Дементьевич Черский, как первый исследователь палеолита. В кн.: И. Д. Черский, стр. 57.

Я. Черский не оставлял занятий и зоологией. Он поколебал мнение ученых о былых связях Байкала с морем, высказав предположение, что тюлени могли переселиться в озеро по рекам.

В личной жизни ученого происходят большие перемены. В 1878 году он женился на дочери своей квартирохозяйки, вдовы прасола, Мавре Павловне Ивановой, которая стала его лучшим другом и верным помощником. Она приняла участие во второй поездке Я. Черского по Байкалу.

В мае 1878 года Я. Черский исследовал западный участок озера Байкал между селами Лиственничным и Голоустным и прилегающий к нему Приморский хребет. Затем 3 июня он вместе с женой выехал из Култука в Баргузин, откуда направился к северу через Чивыркуйский залив, мимо Сосновского и Кабаньего мысов. Закончил свой маршрут Черский в верхнем северном углу Байкала у устья Верхней Ангары.

В том же году Я. Черский выдвинул теорию эволюционного развития геоморфологических структур, опередив на десять лет американского ученого Дэвиса, считающегося основоположником учения об этапах жизни земного рельефа.

22-24 июня 1879 года Иркутск постигло стихийное бедствие: он почти весь сгорел. В огне погибли здание Сибирского отдела Географического общества, музей, библиотека с уникальным собранием редких рукописей, дом Черского и все собранные им образцы минералов.

Я. Черский в это время находился в экспедиции. Он проплыл вдоль северо-западного побережья Байкала от Култука до устья Онгурена, изучил остров Ольхон, поднялся по реке Онгурен в горы, перевалил на реку Чанчур и по ней добрался до Якутского тракта.

Вернувшись в Иркутск, Черский узнал о рождении сына и о гибели дома и коллекций. Здоровье его ухудшилось, и он вынужден был отказаться от должности консерватора. Здесь Я. Черского заменил земляк, органист из-под Витебска, «белорус из крестьян»[1] Николай Иванович Витковский (1844-1892). Витковский также был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 года.

В 1880 году Я. Черский едет на не изученный им участок Байкала от Онгурена до северо-восточной оконечности озера. На основе результатов обследования всего озера он составил геологическую карту Байкала, которая была издана дважды (в 1886 и 1889 годах) и сохраняет значение до наших дней.

---

[1] Г. И. Ревзин. Подвиг жизни Ивана Черского, стр. 52

Обследование Байкала принесло Я. Черскому славу. Русское географическое общество вторично наградило ученого золотой медалью, а его карту Байкала решило представить на Международном географическом конгрессе в Венеции.

Между тем, несмотря на признание заслуг Черского, материальные условия его жизни оставались плохими. Заметно пошатнулось здоровье ученого. Много неприятностей приносили ему интриги против него в Сибирском отделе.

В 1881 году Я. Черский вместе с Н. Витковским отправился в экспедицию по реке Селенге до Кяхты. Однако, когда Черский вернулся домой, врач запретил ему заниматься умственным трудом. Он стал работать приказчиком в лавке.

В 1882 году Русское географическое общество приняло участие в проведении Первого международного полярного года. Оно решило организовать полярные станции на Новой Земле и в устье Лены, а также промежуточную метеорологическую станцию на Нижней Тунгуске в селе Преображенском. Сибирский отдел общества предложил Я. Черскому и его жене работу на этой станции.

Н. И. Витковский

В начале июля Черские выехали в Верхоленск. Затем путь их лежал по Лене до станции Горбовской, по тайге и по Нижней Тунгуске до места назначения. В дороге Я. Черский вел наблюдения над геологическим строением, делал этнографические и археологические

заметки, собирал сведения о перелетах птиц, о рыбах, насекомых, зверях этой части Сибири.

Несмотря на отсутствие опыта, Я. Черский удачно выбрал место для метеорологических наблюдений. Сведения он направлял в Главную физическую обсерваторию.

Наблюдения Я. Черского подтвердили, что в районе Преображенского климат был резко континентальным.

Жил ученый с семьей в тесной комнате. Спать приходилось на полу. Он писал Н. Витковскому, что морозы здесь доходили до 54,8°, а в комнате на полу — до 5,3° Ц.

Вернувшись в Иркутск осенью 1883 года, Я. Черский по-прежнему не мог нормально работать в Сибирском отделе и вынужден был вскоре покинуть его. Весной 1885 года ученый был вызван Академией наук в столицу. Ему предлагалось провести от Иркутска до Урала геологические исследования вдоль почтового тракта. После этого Я. Черский мог остаться в Петербурге для работы в Академии наук и Русском географическом обществе. Наконец, ученый получил долгожданную амнистию.

В Петербурге исследователь стал работать в Зоологическом музее Академии наук, занимался литературной обработкой накопленных материалов. Его избрали членом шести научных обществ.

Черские жили на окраине города, в домике на 14-й линии у Малого проспекта Васильевского острова. Бытовые их условия по-прежнему оставались неважными. Посетивший здесь его Н. Ядринцев писал: «Помню, как Ив(ан) Дем(ентьевич) наивно уверял меня, что в Петербурге ему живется лучше, что он здесь наслаждается даже прогулками и отдыхает, «гуляя на Смоленское кладбище»; он уверял, что жена его здесь поздоровела, хотя тихий больной вздох этой женщины выдавал горькую правду жизни. Впрочем, Ивану Дементьевичу в Петербурге все-таки жилось легче; он был занят теперь своим любимым делом, был покоен, не видел интриг, а бедность, скудная материальная обстановка, душный для слабого человека воздух— что это, пустяки!»[1]

Здоровье ученого оставалось плохим. Но, несмотря на это, он работал помногу, получив, наконец, доступ к столичным музеям и книгохранилищам.

Я. Черский показал, что плоскогорье между Енисеем и Тихим океаном представляет собой уцелевший участок древнейшей поверхности земной коры, к западу от которого тянутся горные цепи

---

[1] Н. Ядринцев. Памяти И. Д. Черского. В кн.: И. Д. Черский, стр. 352

параллельно вогнутости северо-западного склона плоскогорья. Эта схема легла в основу представлений австрийского геолога Э. Зюсса и других ученых о строении Сибири. Э. Зюсс называл выделенное Я. Черским плоскогорье «древним теменем Азии».

Черский дополнил перевод книги немецкого географа К. Риттера «Азия» своим значительным очерком, в котором изложил свои сведения о строении Азии. Он подготовил к печати первый том геологического описания побережья Байкала, изданный в 1886 году.

Академия наук поручила ученому описать находки двух с половиной тысяч костей третичных и четвертичных животных, сделанные на Ляховских островах в море Лаптевых А. Бунге и Э. Толлем в 1885-1886 годах. На основании их изучения появилась монография более чем на 700 страниц, в которой Черский осветил вопросы не только палеонтологии, но и геологии, физической географии и климатологии.

Среди находок на Большом Ляховском острове, между 73 и 74-й параллелями, были кости сайги, марала, дикой лошади, тигра. Эти животные теперь не поднимаются севернее 55-60-й параллели. Все это говорило о том, что в послетретичное время на побережье Ледовитого океана и его островах были леса, луга и степи умеренного климата.

Я. Черский не ограничился установлением этого интересного явления. Он показал, что смягчать континентальный климат Сибири могли глубокий залив на месте долины Нижнего Енисея и большое Арало-Каспийское море. Климатическая катастрофа, которая произошла в послетретичное время в Северном полушарии, вызвала оледенение Европы и Северной Америки. Я. Черский полагал, что вследствие сухости климата оледенение Сибири не наступило. Позже это мнение было отвергнуто работами академика В. А. Обручева. Однако Я. Черский был прав, говоря, что на севере Сибири растительность и животный мир умеренного климата долго еще сохранялись даже тогда, когда в Европе и Америке ледники вытеснили их. Только исчезновение Енисейского залива повело к охлаждению севера Сибири и распространению вечной мерзлоты. Все это привело к исчезновению на севере Сибири многих видов животных.

Эта работа побудила Я. Черского отправиться в самую известную своими результатами и трагическим исходом экспедицию.

Он хотел отыскать останки древних животных, в первую очередь мамонтов и носорогов, и изучить климат и геологическое строение севера Сибири.

Вместе с ним ехала Мавра Павловна, взявшая на себя метеорологические наблюдения. 11-летнего сына Александра Я. Черский

поначалу хотел оставить дома, но затем решил взять в качестве помощника по сбору насекомых.

Я. Черский направлялся в совершенно не изученный географами край. Через Омск, Томск, Иркутск, село Качуг на Лене путешественники проехали в Якутск, о котором Я. Черский так отзывался в письме к Ф. Д. Плеске, известному исследователю жизни птиц: «Вообразите городок, обреченный на его упразднение законом, строго воспрещающим всякий ремонт возведенных до сих пор строений, и вы составите себе понятие о впечатлении, какое роковым образом должен произвести Якутск на человека, приехавшего с южных частей Восточной Сибири».

Ископаемый мамонт

В Якутске Черский нанял опытного проводника казачьего урядника Степана Расторгуева, участника двух экспедиций по Колыме, Чукотке и Камчатке. Вообще простота и человечность Я. Черского всегда привлекали к нему внимание всех, с кем ему ни приходилось сталкиваться. Б. Дыбовский писал: «Черский обладал особым даром располагать к себе всех. Но особенно его любили сибирские крестьяне и буряты. Каждый из них, как говорится, пошел бы за него в огонь и воду. У всех проводников, с которыми он странствовал во время многочисленных путешествий, не хватало слов, чтобы высказать восхищение и удивление его энергией, отвагой, неутомимостью и умом. Они называли его «наш Иван Дементьевич», потому что это отчество легче запоминалось сибирякам, чем

«Доминикович», и так просил называть его сам Черский»[1]

14 июня 1891 года экспедиция двинулась из Якутска. Предстояло пройти четыреста верст до Верхоянских гор. Особенно трудными были переходы через заболоченные леса. «Человек,— писал Я. Черский,— не побывавший на таких болотах, не может оценить силу той нравственной и физической усталости, которая вызывается постоянным напряженным состоянием во время езды по таким местам. Лихорадочная торопливость овладевает и лошадью, чувствующею, как вязнут ее ноги, с трудом освобождая их из зыблющейся трясины, животное мечется и бьется... Надеясь найти около корней деревьев более устойчивую почву, она мчится прямо на лесину, нанося удар в колено или плечо ездока... Изгибаются ездоки, отстраняя ветви и сучья от глаз; ударяются вьюки о деревья; выбившиеся из сил лошади падают, роняя вьюки или ездоков»[2]

Ископаемый шерстистый носорог

Путешественники ехали по Якутии жарким летом. Красочно описывал Я. Черский непривычные его глазу ландшафты: «Вообразите, например, желтоватоили зеленовато-белый (покров из здешних прелестных сухих мхов, на фоне которых удачно разбросаны как темно-зеленые, как бы бархатные участки шикши (Empetrum), не скоро поддающиеся действию осени, так равно и кровяно-красные пятна мельчайшей тундренной березки, так и еще более ярких листьев одного растения, алеющего к осени» [3].

---

[1] Б. Дыбовский. Ян Черский. В кн.: И. Д. Черский, стр.331

[2] И. Д. Черский. Сведения об экспедиции Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. 1. Путешествие от Якутска до Верхне-Колымска летом 1891 года. Из писем к непременному секретарю Академии и к адъюнкту Ф. Д. Плеске. Приложение № 3. В кн.: Записки Академии наук, т. 68. СПб, I892, стр. 10.

[3] Там же, стр. 8.

1 июля экспедиция переправилась через Алдан и направилась вдоль его притока Хандыги в предгорья Верхоянского хребта. 17 июля путешественники, перевалив через главную цепь гор, очутились в бассейне Индигирки. Отсюда им предстояло совершить переход на северо-восток до Верхне-Колымска. Я. Черский и его спутники переправились через полноводную Индигирку и перевалили через хребет на высоте 2000 метров, который путешественник назвал по имени перевала Тас Кыстабыт (по-якутски «наваленные камни»).

Спустившись в долину притока Индигирки Неры, Я. Черский обратил внимание на то, что эта река и ее многочисленные притоки не углубляли дно своих долин, а выравнивали их, разбиваясь на рукава и заполняя долины галькой. Ученый назвал такие долины «вымирающими». Путешественники пересекли два хребта — Улахан-Чистай и Томус-Хая и приближались к месту зимовки.

28 августа они прибыли в Верхне-Колымск. Поселение стояло на Ясачной в нескольких верстах к западу от Колымы. Я. Черский отослал отсюда предварительный отчет об экспедиции в Академию и составил карту пройденного пути.

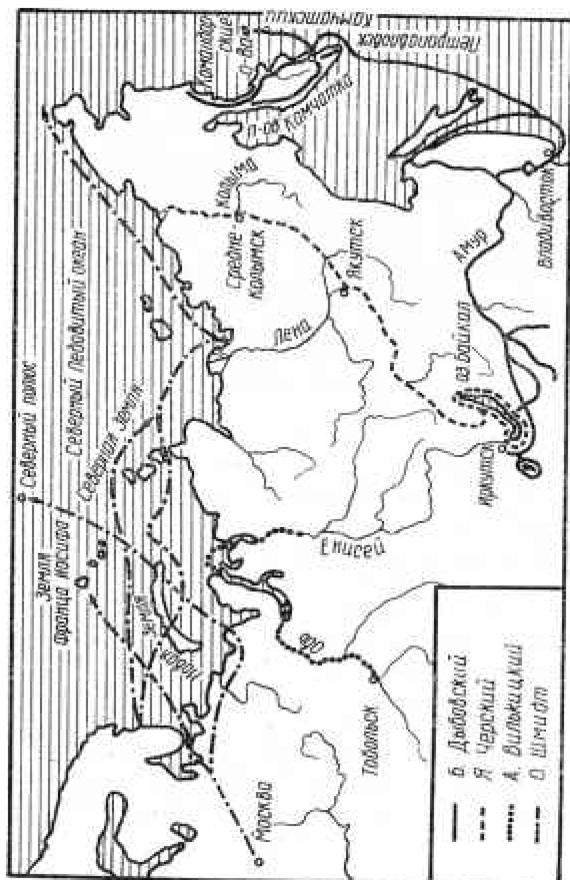
Исследовав метеорологические данные, ученый пришел к выводу, что в верховьях Колымы, Индигирки и Яны морозы не могут препятствовать развитию земледелия. Он видел в Верхне-Колымске хорошие урожаи овощей. Ссылаясь на успешный опыт выращивания ячменя, конопли, гороха и овощей в поселке Родчево к северу от Нижне-Колымска, Я. Черский писал, что в верховьях Колымы земледелие будет «значительным подспорьем, даже спасением во время неудовлетворительного лова рыбы», если этим займутся местные жители[1]

Во время зимовки Я. Черский вел систематические метеорологические наблюдения.

В Верхне-Колымске Черский заболел. Недостаток витаминов и продуктов (ввиду дороговизны продуктов участники экспедиции экономили на хлебе и сахаре и ели в основном рыбу и икру) ухудшил и без того слабое его здоровье. В конце марта 1892 года у него появился сильный кашель, а затем кровь в мокроте. Но, несмотря на это, Я. Черский не захотел откладывать отплытие вниз по Колыме. 25 мая он распорядился, чтобы в случае его смерти Мавра Павловна продолжала экспедицию.

---

[1] См.: Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. История открытия и освоения Северного морского пути. т. II. Л., 1962, стр. 218

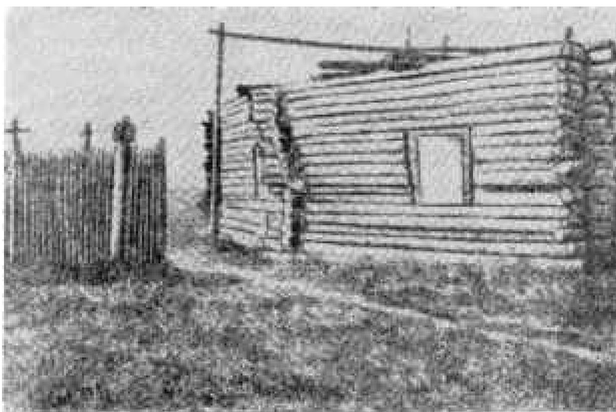


Маршруты Б. Дыбовского, Я. Черского, А. Вилькицкого, О. Шмидта

31 мая верхнеколымчане проводили Я. Черского и его спутников, которые плыли на трех карбазах — легких лодках грузоподъемностью около полутонны.

Политический ссыльный С. М. Шаргородский посетил путешественника во время его стоянки в Сиен-томахе 3 июня. Он пишет, что Я. Черский еще при отъезде из Верхне-Колымска точно предсказывал дату своей смерти, говоря священнику В. Е. Сучковскому, что протянет всего три недели: «Вид покойного Ив(ана) Дем(ентьевича) произвел на меня тяжелое впечатление; его худое, как щепка, тело, желтый цвет лица с густым землистым оттенком и дрожащие руки так и говорили, что этот человек уже не жилец более на белом свете. Но он, по-видимому, крепился, желая успокоить жену

свою. Несмотря на то что кашель очень затруднял ему речь, он все время моего свидания с ним, часа четыре, говорил не переставая...



Место смерти Я. Черского

Я был поражен спокойствием этого человека, уверенного в близкой смерти, и готовностью встретить ее, его способностью интересоваться на краю могилы жизнью людей, с которыми так или иначе сталкивался, живя в ВерхнеКолымске, интересоваться каждою мелочью, так или иначе относящеюся к предмету его исследовании, его способностью переходить от разговора о близкой и неминуемой смерти к разговору о том, что несчастные инородны (мы говорили о якутах и ламутах) страдают от всевозможного рода и вида кулаков значительно больше, чем от суровых условий страны. Он не только говорил об этом, но и переживал каждое слово, что заставило меня прекратить этот разговор, так как при повышенном пульсе и увеличенной температуре я считал для него очень вредным всякое і волнение»[1].

Я. Черский постоянно сидел в носовой части карбаза и наблюдал за рекой днём и светлой полярной ночью, несмотря на холод. Лишь во время стоянок он позволял себе уснуть в полусидячем положении в кибитке, установленной на лодке. Весь путь он заносил в записные книжки заметки.

10 июня 1892 года путешественники добрались до Средне-Калымска. В пути Я. Черскому становилось всё хуже и хуже. 25 июня

---

[1] (С. М. Шарнородский). О последних днях путешественника по Сибири Ивана Дементьевича Черского. В кн.: И. Д. Черский, стр. 345-346

наступило смертельное кровотечение. Причиной гибели учёного, скорее всего, был рак легкого.

Я. Черского похоронили в заимке Колымской, выше устья реки Омолон. В 1929 году на его могиле установили столб с памятной медной доской, а в 1943 году — каменный обелиск.

Ученый завещал своей жене довести путешествие до Нижне-Колымска. Тяжело переживая смерть мужа, она нашла в себе мужество и силы выполнить последнюю его волю. 5 июля экспедиция достигла своей конечной цели.

Несколько слов о вдове и сыне Я. Черского. Мавра Павловна поселилась на хуторе близ Витебска, умерла она в Ростове-на-Дону в 1940 году. Сын путешественника Александр после окончания Петербургского университета стал зоологом, путешествовал по Дальнему Востоку и погиб на Командорских островах в 1921 году.

Памятник Я. Черскому

А. И. Вилькицкий

Бушуй, норд-ост, реви, труби!
Вот лижет лед губа Оби.
Раздуй, норд-вест, небес пожар!
Крути над морем пух гагар!

Л. Мартынов. Бусы

Энтузиаст освоения Севера

Значительный вклад в изучение и освоение русского Севера внес уроженец Минской губернии, выходец из дворянской семьи Андрей Ипполитович Вилькицкий (1858-1913). В 1876 году он поступил во флот юнкером, окончил Морскую академию в Петербурге и прошел специальный курс астрономии и геодезии в Пулковской обсерватории. Затем А. И. Вилькицкий работает в Главном гидрографическом управлении и преподает в Морской академии[1]

А. И. Вилькицкий провел интересное исследование по определению ускорения силы земной тяжести на территории Европейской и Азиатской частей России. За это он был награжден Русским географическим обществом малой золотой медалью и медалью имени Литке.

Исследователь определил также географические координаты и разницу долготы многих пунктов страны[2].

В 1887 году А. И. Вилькицкий возглавил экспедицию на судне «Бакан» на Новую Землю и проводил там гравитационные наблюдения[3]

В связи с постройкой Сибирской железной дороги в конце XIX века роль Енисея и Оби как подъездных путей к ней усилилась. Поэтому Главное гидрографическое управление направило в мае 1894 года на Карское море экспедицию во главе с А. И. Вилькицким. В первый год работы экспедиция сделала промеры в устье Енисея и установила, что крупные морские суда могут заходить сюда на 350 верст. Было уточнено положение мыса Матте-Сале, островов Диксон и Сибирякова и т. д.

В 1895-1896 годах члены экспедиции были в основном заняты описанием Обской губы и низовий Оби. Они первыми после Великой

---

[1] 'Андрей Ипполитович Вилькицкий. Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением, вып. 36. СПб, 1913, стр. 1

[2] Ф. Дамінікоўскі. Выдатныя географы-беларусы. «Полымя», 1945, № 7-8, стар. 163.

[3] Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. История открытия и освоения Северного морского пути, т. II, стр. 186.

северной экспедиции XVIII века проделали переход морем из Енисея в Обь.

Переход через Карское море в августе 1896 года был рискованным мероприятием. 21 августа в тридцати милях от Югорского Шара судно экспедиции чуть не затонуло, так как внезапный шторм оборвал трос между пароходом и угольной баржой. Только благодаря энергии Вилькицкого судно было спасено [1].

Результатом работы экспедиции была совершенно новая карта побережья Карского моря, Енисея, Енисейского залива и Обской губы. Исследователь истории Северного морского пути Д. М. Пинхенсон так оценивает итоги экспедиции А. И. Вилькицкого: «Создание основ лоции и новой карты было серьезным шагом вперед в научно-гидрографическом обеспечении плавания в устье Оби и Енисея»[2].

Экспедиция положила начало новому этапу подробного гидрографического изучения морского побережья Сибири. Она также послужила толчком к изучению и разработке богатых недр севера Сибири.

В 1901 году караван из 22 кораблей успешно прошел из Европейской России через Карское море в Енисей. Этим А. И. Вилькицкий показал осуществимость своей идеи о возможности морских сношений между Европой и устьями великих сибирских рек. Исследователь писал, что морской путь к устьям этих рек «можно считать не только свободным, но и определенным относительно времени».

Ученый входил в состав комиссии по закупке судов для Северной морской экспедиции Министерства путей сообщения 1905 года, которая должна была проверить суда на Енисее и срочно доставить морем грузы для Сибирской железной дороги.

В 1907 году А. И. Вилькицкий возглавил Главное гидрографическое управление. И здесь он проявил себя талантливым организатором. Шесть лет, которые ученый возглавлял управление, были периодом наибольшего расцвета гидрографии в дореволюционной России, временем крупных преобразований гидрографической службы и ее широкого развития. А. И. Вилькицкий разработал вопрос о приведении в порядок карт русских морей, составил десятилетний

---

[1] К. Мордовии. Памяти А. И. Вилькицкого. 26 февраля 1913 г. (Воспоминания и впечатления). Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением, вып. 38. СПб, 1913, стр. 14-15.

[2] Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. История открытия и освоения Северного морского пути, т.II, стр. 207.

план маячных работ, открыл корпус гидрогеографов и штурманский офицерский класс. По его инициативе были усовершенствованы картографические мастерские и мастерские мореходных инструментов, началось издание морских карт и лоций, изучение приливов и отливов, построено несколько гидрографических судов и т. д.

В 1912 году управление созвало Международную морскую конференцию по вопросам безопасности мореплавания. Ее участники высоко оценили деятельность ученого на посту руководителя управления.

А. И. Вилькицкий был последовательным защитником отечественных интересов в полярных исследованиях. Во время работы Межведомственной комиссии по вопросу о границах русских территориальных вод на Севере (зима 1906/07 года) он высказался за установление зоны до 20 миль. Это было заявлено вопреки мнению Министерства иностранных дел, считавшего, что границы должны быть умеренными, чтобы не вызвать протеста иностранцев[1] .

В 1912 году А. Вилькицкий поддержал Г. Седова, готовившего свою знаменитую экспедицию к Северному полюсу [2].

Много сил приложил А. Вилькицкий к развитию идеи Северного морского пути. В марте 1904 года, в начале русско-японской войны, в беседе с корреспондентом газеты «Новости и биржевая газета» на вопросы о возможности направить боевую эскадру в Гихий океан через Северный Ледовитый он ответил, что поход эскадры возможен в определенное время года, что путь через Север намного короче пути южного и выгоден, поскольку эскадра в пути может пользоваться каменным углем из района Дудинки[3]. В другой раз исследователь заявил, что «Северный морской путь, по надлежащем изучении его и обследовании, может быть сделан доступным для плавания, а важность этого пути для России, разумеется, не подлежит сомнению»[4]

Чтобы более подробно рассмотреть вопрос о Северном морском пути, Общество судоходства создало комиссию в главе с А. Вилькицким. Комиссия работала мартапрель 1904 года и разработала проект исследовательских работ. Ею были намечены пункты для устройства 16 гидрометеорологических станций. Предполагалась

---

[1] Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма, стр. 335.

[2] Там же, стр. 509.

[3] Там же, стр. 595

[4] Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма, стр. 596.

работа трех исследовательских групп на шести судах от Диксона до Берингова пролива[1].

В 1906 году при Морском министерстве была создана «Комиссия по вопросу о продолжении гидрографических работ в Северном Ледовитом океане» под руководством адмирала В. Г1. Верховского. В ее состав вошел и А. И. Вилькицкий, который предложил провести экспедицию к северу и востоку от полуострова Таймыр на двух ледоколах. Относительно снаряжения экспедиции он писал, что война с Японией «наглядно показала все стратегическое значение Северного пути, который нужен и для плавания военных судов, и для перевозки войск и груза. Этот путь послужит толчком для оживления всего нашего Севера, развитие промышленности которого не должно стоять на последнем месте... Не недоступность Морского сибирского пути мешала до сих пор воспользоваться им, а простое незнание его. Надо побороть это незнание, надо сделать смелый шаг, и новый путь будет широко открыт для нашей родины и сослужит ей добрую службу, от которой нельзя с легким сердцем отказываться»[2].

31 августа 1910 года Совет министров решил, наконец, создать Гидрографическую экспедицию для исследования Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья Лены. Для нее были построены ледоколы «Таймыр» и «Вайгач». Экспедицию возглавляли: с 1910 по 1913 год полковник Н. С. Сергеев, а с 1913 года — сын А. И. Вилькицкого Борис Андреевич[3]

В 1910-1912 годы экспедиция обследовала побережье Северного Ледовитого океана от мыса Дежнева к западу, до Таймыра. Огибая с севера Новосибирские острова, экипаж «Таймыра» открыл новый остров, который был назван в честь одного из вдохновителей экспедиции островом Вилькицкого.

21 августа (3 сентября) к северу от полуострова Таймыр участники экспедиции обнаружили неизвестную землю, к которой подошли на следующий день. Участник экспедиции врач Л. М. Старокадомский писал об этом: «Велика была радость в экспедиции, так как открытие новой большой земли в Ледовитом океане, к тому же вблизи наших

---

[1] Там же, стр. 595-597.

[2] Там же, стр. 601, прим. 1

[3] Участник обороны Порт-Артура, был ранен и награжден. Он принял участие в экспедиции вопреки воле отца, не желавшего слышать упреков о мнимом покровительстве сыну. Кстати, автор статьи «Вількіцькій Андрій Іпполітовіч» (Видатни вітчізняні географі, мандрівнйкй та мореплавци, вип. 3. Кйі'в, 1954, стор. 112-115). П. А. Гудзенко спутал отца и сына Вилькицких и все их плавания приписал только Андрею Ипполитовичу.

владений, казалось имеющим большое значение»[1]. 22 августа 1913 года на берегу вновь открытой земли, которая получила имя Николая II (с 1926 года Северная Земля), был поднят русский флаг.

Открытие Северной земли произвело на мировую общественность большое впечатление, так как это были последние крупные острова мира, открытые в XX веке.

Суда последовали дальше вдоль восточных берегов этой земли к северу и достигли 81°07' северной широты, но, встретив льды, повернули обратно. Форсировать пролив между Северной Землей и самой северной точкой Таймыра — мысом Челюскина не удалось.

В 1914 году экспедиция описывала южное побережье Северной Земли, что позволило установить очертания пролива между ней и Таймыром, позже получившего название пролива Бориса Вилькицкого.

Осенью 1914 года «Таймыр» и «Вайгач» были скованы льдами. После полярной зимовки, летом 1915 года, льды вскрылись, корабли двинулись к острову Диксон и 25 августа прибыли в Архангельск.

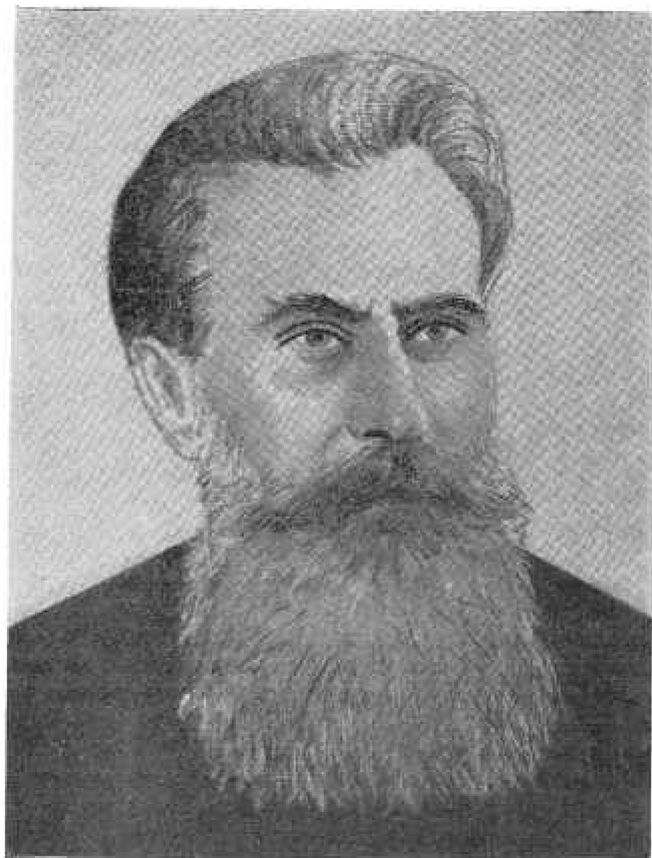
Экспедиция прошла северо-восточным путем с востока на запад, ее суда преодолели трудности ледового плавания и наметили сквозную трассу для будущих сообщений через арктические моря. Участники экспедиции описали побережье Сибири между мысами Дежнева и Челюскина, а также некоторые острова.

В ноябре 1915 года 80 участников экспедиции получили награды, а Б. А. Вилькицкому были присуждены почетные золотые медали Русского, Французского географических обществ и Шведского общества антропологии и этнографии.

Дальнейшая судьба этого исследователя сложилась неудачно. В 1918 году он возглавил первую советскую гидрографическую экспедицию в Арктике для создания транспортной магистрали по Северному морскому пути, но в Архангельске попал в плен к английским оккупантам и, не поняв сущности революционных событий, в начале 1920 года выехал в Англию. Правда, в 1923 и 1924 годах он возглавлял 3-ю и 4-ю советские карские товарообменные экспедиции. Позже он работал в Бельгийском Конго и умер в Брюсселе 6 марта 1961 года.

---

[1] Д. М. Пинхенсон. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма, стр.612



О. Ю. Шмидт

Ты был на рубеже Гипербореи,
Где низменность болотистую грея,
Ночное солнце светит зло и косо,
Где хвойный лес с подземным углем сросся,
А в небесах полярные магниты
Меняют многоцветную окраску?
...Отныне и навеки
Мы приобщили
К миру
Эту область —
Гиперборею, чьи волшебны реки.
В стране зимы
Жива лишь наша доблесть!

Л. Мартынов. Северное сиянье

Начальник Арктики

Среди исследователей Севера почетное место занимает Отто Юльевич Шмидт. Родился он в Могилеве 18(30) сентября 1891 года в семье выходцев из латвийских крестьян.

Раннее детство он провел в Могилеве, а школьные годы в Одессе и Киеве. В 1909 году О. Ю. Шмидт — студент физико-математического факультета Киевского университета. Он окончил его в 1913 году и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. С 1917 года Отто Юльевич — приват-доцент Киевского университета.

Ученый приветствовал Октябрьскую революцию, а в 1918 году вступает в члены РКП(б). Он работал в народных комиссариатах продовольствия, финансов, просвещения, помогал создавать продовольственные отряды, занимался проблемами кооперирования, денежной эмиссии в годы инфляции, принял участие в работах комиссии по изучению Курской магнитной аномалии.

В дальнейшем О. Ю. Шмидт возглавляет издание Большой Советской Энциклопедии (1924-1948). Разносторонний ученый, он разработал актуальные проблемы геофизики, был основоположником советской алгебраической школы, а в последние годы, жизни создал новую теорию происхождения Земли.

Начиная с 1924 года О. Ю. Шмидт участвовал в высокогорных походах. В 1928 году он принял участие в советско-германской высокогорной экспедиции на Памир. Ученый был избран начальником альпинистской группы экспедиции. Группа с участием О. Ю. Шмидта поднималась до высоты 6000 метров, что было тогда

советским рекордом, отыскала перевалы Кашал-Аял и Танымас, впервые установила размеры одного из наиболее крупных ледников мира — ледника Федченко.

Опыт этой экспедиции позволил О. Ю. Шмидту возглавить в следующем году экспедицию на ледоколе «Г. Седов» на Землю Франца-Иосифа. Эта земля была мало изучена, кроме того, на нее претендовали некоторые буржуазные государства. На экспедицию возлагалась задача — закрепить острова за нашей страной и создать там постоянную геофизическую обсерваторию.

Новые, незнакомые картины Севера произвели глубокое впечатление на О. Ю. Шмидта. Вот как об этом писал сам ученый: «Не устаю смотреть на океан, проверяя его безграничность прогулками во все стороны по палубам. Он не однообразен, игра облаков и солнца оживляют горизонт. Иногда облака создают иллюзию земли, ледяных гор». И далее: «А когда стало похоже на бурю, картина была для меня — новичка — захватывающей. Без конца смотрел. Волны (от минимума до максимума) в две сажени, ветер срывает гребни и далеко относит потоком брызг. Вода черная, но ветер и волны подбрасывают отдельные как бы куски воды— тогда она интенсивно зеленая, прозрачная. Над нею гребни и серое облако брызг. Вся эта свирепость, однако, у меня лично вызывала ощущение скорее бесцельной и бесполезной траты энергии — очевидно, установка современного человека, которая не могла прийти в голову античному греку, да и XVIII веку» [1]

В 1930 году О. Ю. Шмидт возглавил новую экспедицию на «Седове». Ледокол сменил зимовщиков в бухте Тихой, двинулся к Новой Земле, а затем в северную часть Карского моря, в район, где, под подсчетам географа В. Ю. Визе, должна была находиться неизвестная земля. 13 августа ее действительно открыли и стали называть островом Визе.

Были открыты еще несколько островов, в том числе и остров Шмидта, названный так в честь Отто Юльевича.

В том же году О. Ю. Шмидт был назначен директором Арктического института. Он был активным сторонником практического использования Северного морского пути. В 1932 году ученый возглавил экспедицию на ледоколе «Сибиряков». Она должна была впервые пройти этим путем из Архангельска во Владивосток за одну навигацию, без зимовки. За 65 дней экспедиция на «Сибирякове»

---

[1] Г. Ф. Хильми. Исследователь Земли. В кн.: О. Ю. Шмидт. Жизнь и деятельность. М., 1959, стр. 189-190.

прошла путь, на преодоление которого предшественники Шмидта Норденшельд и Амундсен потратили от одного до двух лет. «Сибиряков» впервые обогнул Северную Землю с севера, что до сих пор не повторено.

В 1932 году было создано Главное управление Северного морского пути во главе с О. Ю. Шмидтом. Управление за годы работы в нем ученого (1932-1939) создало ледокольный флот и полярную авиацию, в несколько раз увеличило количество полярных гидрометеорологических станций и радиостанций.

О. Ю. Шмидт выступал сторонником развития производительных сил советского Севера, его культуры. Он предвидел времена, когда Северный морской путь будет конкурировать с Сибирской железной дорогой.

В 1933 году О. Ю. Шмидт вновь в экспедиции на пароходе «Челюскин», которая должна была проверить возможность плавания по Северному морскому пути на корабле транспортного типа. В конце маршрута, близ Берингова пролива, пароход был затерт льдами, отнесен к северу и затонул. Участники экспедиции высадились на дрейфующий лед в 140 километрах от Чукотки. За проявленный во время экспедиции и дрейфа на льдине героизм Отто Юльевичу Шмидту было присвоено впервые установленное в нашей стране звание Героя Советского Союза.

Исход экспедиции на «Челюскине» не приостановил работ по освоению Северного морского пути, а способствовал дальнейшему развитию исследований советской Арктики. С 1936 года О. Ю. Шмидт готовит экспедицию на Северный полюс на дрейфующей льдине. Экспедиция нужна была для изучения климата на полюсе, влияния движения холодных масс воздуха над полярным бассейном на климат Европы и Азии. Один из участников перехода ледореза «Литке» Северным морским путем под руководством О. Ю. Шмидта (1936) приводит его слова: «Организация научной станции на Северном полюсе явится ключом к познанию динамики ледового покрова всего океана и его морей, это ключ к овладению трассой Северного морского пути... Изучая Центральную Арктику и ее моря, мы должны от разовых наблюдений перейти к серии наблюдений, а затем — к теории и, быть может, к математическому расчету всех процессов, к точному прогнозу как синоптических, так и ледовых процессов»[1]

[1] В. Ф. Бурханов. Выдающийся исследователь Севера. В кн.: О. Ю. Шмидт. Жизнь и деятельность, стр. 230-231

О. Шмидт пишет рапорт

Одновременно с подготовкой экспедиции на Северный полюс О. Ю. Шмидт руководил операцией по переброске военных кораблей из Ленинграда во Владивосток через Ледовитый океан. Сам он плыл на ледорезе «Литке», который прокладывал путь каравану. Хотя льды к востоку от острова Диксон в течение месяца мешали нормальному переходу, корабли были проведены в Тихий океан.

С марта по май 1937 года происходила переброска под руководством О. Ю. Шмидта снаряжения экспедиции «Северный полюс-1» сперва на остров Рудольфа, а затем и на Северный полюс, куда О. Ю. Шмидт прибыл 21 мая. 6 июня станция начала свой дрейф. Она положила начало работе советских дрейфующих станций «Северный полюс».

Экспедиция позволила установить важные закономерности атмосферы в Полярном бассейне и вод Северного Ледовитого океана.

В феврале 1939 года О. Ю. Шмидт был избран первым вице-президентом Академии наук СССР. В годы Великой Отечественной войны обострилась болезнь, которой ученый страдал с молодых лет,— туберкулез легких и гортани. Он вынужден был ограничиться научной работой в созданном им Институте теоретической геофизики. Несмотря на тяжелое заболевание, которое свело его в могилу 7 сентября 1956 года, О. Ю. Шмидт много и плодотворно работал над разработкой своей теории возникновения Земли.

Именем О. Шмидта названы остров в Карском море, мыс в Чукотском море, полуостров в северной части Новой Земли, вершина и перевал на Памире.

Хотя О. Ю. Шмидт не оставил описаний проделанных им путешествий, в его неопубликованных дневниках встречаются

заметки, говорящие не только о наблюдательности, но и высоком художественном вкусе ученого. Сотрудник О. Ю. Шмидта Г. Ф. Хильми в своих воспоминаниях подчеркивал, что «природа воспринималась О. Ю. Шмидтом с огромным темпераментом щедро одаренного человека»[1]

О. Ю. Шмидт высоко ценил эстетическое и познавательное значение путешествий и писал в предисловии к книге В. Семеновского «Горный туризм»: «Далекие путешествия, красота и разнообразие видов природы, величие ледяных пустынь, широта кругозора с вершин — все это не только оставляет неизгладимое впечатление, но расширяет и внутренние горизонты человека далеко за пределы личного, мелкого, повседневного»[2].

Имя О. Ю. Шмидта навсегда вписано в историю покорения Севера.

Мы закончили описание путешествий уроженцев Белоруссии. Каждое из них заслуживает отдельной книги. Заслуги путешественников, о которых шел рассказ, неодинаковы. Трудно переоценить вклад в науку О. Шмидта, Я. Черского, А. Вилькицкого, Б. Дыбовского, К. Ельского. Однако и более ранние путешествия М. Радзивилла, С. Русецкой, А. Сапеги, Ю. Немцевича также способствовали развитию представлений их земляков о быте и природе других стран.

В книгу вошли описания важнейших путешествий, да и то только тех, которые получили отражение в дневниках и путевых заметках. Мы не коснулись, скажем, путешествий Б. Ф. Добрынина (1885-1951), советского физико-географа родом из Минска. Он изучал природу нашей страны, Италии, Испании, Швейцарии, Мексики. Не отражены в книге странствия по Казахстану уроженца Несвижа, участника восстания 1831 года Адольфа Янушкевича. Не представлены путешествия начала XX века А. Оссендовского, Ф. и И. Гласко. Мало внимания уделено интересным путешествиям И. Ходзько, М. Врончено, И. Гошкевича, Ю. Копечя и др.

© OCR: Камунікат.org, 2012
© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2012
© PDF: Камунікат.org, 2012

[1] Г. Ф. Хильми. Исследователь Земли. В кн.: О. Ю. Шмидт. Жизнь и деятельность, стр. 187

[2] Там же, стр. 188

Литература

Евфросиния Полоцкая

О путешествии игуменьи Евфросинии. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. 2, кн. 8. СПб, 1849, стр. 91-94.

М. Радзивилл

Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла. СПб, 1787, 412 с.

Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки 1582-1584. Приложение к тому 15 Известий Русского географического общества. СПб, 1879, XII + 242 с.

Radziwiłł M. K. «Sierotka». Podróż do Ziemi Świętej, Syrii i Egiptu. 1582-1584. Opracował L. Kukulski. Warszawa, 1962, 254 s. (Recenzja: Drewniak S. i Kaczmarek M. «Pamiętnik literacki», 1963, N 3, str. 196-199).

Chomętowski Wł. Pielgrzymki do Ziemi Świętej i sąsiednich krain. Warszawa, 1874, 136 s.

M(erczyng) H. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka i jego przyjęcie katolicyzmu w r. 1567. Przyczynek do dziejów reformacji w Polsce. Odbitka z «Przeglądu historycznego», t. XII, z. 1. Warszawa, 1911, str. 1-12.

Sinko T. Polscy podróżnicy w Grecji i Troi. Kraków, 1925, 79 s.

Bystroń J. S. Polacy w Ziemi Świętej, Syrii i Egipcie. 1147-1914. Kraków, 1930, 311 s.

Harlleb M. Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła pielgrzymka do Ziemi Świętej. В кн.: Prace historyczne. W 30-lecie działalności profesorskiej St. Zakrzewskiego. Lwów, 1934, str. 5-40.

Kowalska A. Z badań nad peregrynacją Mikołaja Krzystofa Radziwiłła. Odbitka z «Prac polonistycznych», serij III. Łódź, 1938, str. 19-54.

С. Русецкая

Z Rusieckich Pilsztynowa Regina Salomea. Proceder podróży i życia mego awantur. Wydano z autografu Biblioteki Czartoryskich w Muzeum Narodowym w Krakowie pod redakcją i ze wstępem Romana Pollaka. Tekst i przypisy przygotował Marian Pelczyński. Kraków, 1957, 331 s.

Glatman L. Doktorka medycyny i okulistka polska w XVIII wieku w Stambule. «Przewodnik naukowy i literacki». Lwów, 1896, str. 856-861, 926-946.

Lipińska M. Histoire des femmes medecins depuis l'antiquite jusqu'a nos jours, ed. 1. P., 1900, p. 224-241; ed. 2. P., 1911, p. 224-241.

Giedroyć F. Źródła biograficzno-bibliograficzne do dziejów medycyny w Polsce. «Pamiętnik Towarzystwa lekarskiego warszawskiego», 1906. Przyłożenia, str. 636-638 (отдельное издание: Warszawa, 1911, str. 604-606).

Lipińska M. Les femmes et le progres des sciences medicales. P., 1930, p. 91-95.

L i p i ń s k a M. Kobieta i rozwój nauk lekarskich. Warszawa, 1932, str. 114-119.

R e y c h m a n J. Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII w. Wrocław. 1950. 160 s.

Г р и ц к е в и ч В. П. Врачевательница глазных болезней XVIII века с Новогрудчины (к 200-летию автобиографических записок Саломеи-Регины Пильштейн). «Вестник офтальмологии», 1961, № 2, стр. 81-82.

Г р и ц к е в и ч В. П. Белоруска лекарка в България през XVIII век. «Здравен фронт», София, 1964, 17 октомврия, № 42 (862), стр. 6.

М и н ч е в С. Преди повече от двеста години в Русе е работала руска лекарка. «Дунавска правда», Русе, 1965, 2 ноемврий, № 257.

Г р ы ц к е в і ч В. (П.) (Саламея-Рэгіна Русецкая). Старонкі беларускай энцыклапедыі. «Полымя», 1967, № 4, стар. 251-252.

Г р и ц к е в и ч В. П. Из прошлого болгарско-белорусских медицинских связей. Проблеми на историята на медицината в България и на българо-Руските и българо-съветските медицински връзки. София, 1967, стр. 55—56.

А. Сапега

S a p i e h a A. Tablice stosunku nowych miar i wag francuskich linealnych z litewskiemi i polskiemi. Warszawa, 1802.

S a p i e h a A. Lettre sur Ie bords de lAdriatique, adressee ä Mr. Gilibert, Docteure en Medecine, ...par Ie... P., Imp. Moreaux, 1808, 62 p.

Podróże w krajach słowiańskich odbywane w ee. 1802-gim i 1803cim przez X(ięcia) S(apiehe) członka kilku akademii i towarzystw uczonych. Wrocław, 1811, 270 s.

Podróż po słowiańskich krajach Aleksandra księcia Sapiehy (w. ee. 1802 i 1803). Zeszl i 2. Sanok, 1856, 124 s.

S a p i e h a A. (о нем) Encyklopedia powszechna (Orgelbranda), t. 22. Warszawa, 1866, str. 941.

Sapiehowie. Materjały genealogiczne i majątkowe, t. III. Petersburg, 1894, str. 422.

K r a u s h a r A. Towarzystwo warszawskie przyjaciół nauk. 1800-1832. Ks. 1. Czasy pruskie. 1800-1807. Kraków-Warszawa, 1900, Str. 104, 127, 133, 183, 233, 234. 252.

S ł a w i ń s k i W. J. E. Gilibert. «Archiwum historii i filozofii medycyny oraz nauk przyrodniczych», 1926, t. 4, str. 242, prym. 1.

Г р и ц к е в н ч В. Хождение вдоль Ядрана. «Неман», 1966, № 9, стр. 190-192.

М. П. Вронченко

В р о н ч е н к о М. П. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. «Записки Военно-топографического депо», ч. III. СПб, 1838; ч. V. СПб, 1840. (Отдельное издание: СПб, 1839-1840).

Д а н ц и г Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М„ 1965, стр. 135-141.

Ю. Немцевич

N i e m c e w i c z J. U. Pamiętniki czasów moich. P., 1848, 420 s.

N i e m c e w i c z J. U. Podróże historyczne po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. P.-Petersburg, 1858, 528 s.

N i e m c e w i c z J. U. Podróże po Ameryce 1797-1807. Z rękopisu wydała A. Wellman-Zalewska. Wrocław-Warszawa, 1959, 460 s.

C z a r t o r y s k i A. Żywot J. U. Niemcewicza. Berlin-Poznań, 1860, 453 S.

D i h m J. Niemcewicz jako polityk i publicysta w czasie Sejmu Czteroletniego. Kraków, 1928, 160 s.

N i e m c e w i c z. An anniversary tribute. By Anne H. Sidwa and Marion Moore Coleman. Cambridge Springs, Penn., 1958, 19 p. (rolaprinl).

Julian Ursyn Niemcewicz and America, Edited by Ludwik Krzyżanowski. New York, 1961, 70 p.

И. Домейко

D o m e j k o I. Araukania i jej mieszkańcy. Wspomnienia z podróży po południowych prowincyach rzeczypospolitej Chilijskiej, tłómaczona z hiszpańskiego przez J. Zamostowskiego. Wilno, 1860, 227 s.

D o m e y k o I. Moje podróże (pamiętniki wygnanca). Przygotowała do druku, opatrzyła z przedmową i przypisami E. H. Nieciowa, m. 1 (1831-1838). Wrocław-Warszawa-Katowice, 1962, 256 s„ m. 2 (1838-1845). Wrocław-Warszawa-Katowice, 1963, 560 s., m. 3 (1846-1888). Wrocław-Warszawa-Katowice, 1963, 340 s.

Х у д з и к о в с к а я Я., Я с т е р Я. Люди великой отваги. М., 1957, стр. 115-143.

B r z o z a J. Ignacy Domeyko (Powieść biograficzna). Katowice, 1961, 189 s.

К л е й и Б. «Гранде эдукадор». Найдено в архивах. «Неман», 1966, № 12, стр. 121-124.

М а л ь д з і с А. З Беларусі — да антыподаў. «Маладосць», 1967, № 3, стар. 144-148.

Г р ы ц к е в і ч В. (Ігнат Дамейка). Старонкі Беларускай энцыклапедыі. «Полымя», 1968, № 4, стар. 250-251.

К. Ельский

Je1ski K. Popularno-przyrodnicze opowiadania z pobytu w Gujanie francuskiej i po części w Peru (od roku 1865-1871) (wstęp J. Sowińskiego, s. 1-12). Kraków, 1898, 174 s.

S z t o i c m a n J. Konstanty Jelski. Wspomnienia pośmiertne. «Wszechświat», t. 16. 1807, N 1. str. 2-4.

М а з у р м о в и ч Б. М. Вклад учених Кйівського університету у розвиток зоологи у XIX і на початку XX ст. «Наукові записки Ки'івського державного університету», т. 13, вип. VI. Кй'ів, 1954, стор. 27-44.

K o ż u c h o w s k i J. Kijowski okres (w 1856-1863) w życiu K. Jelskiego. «Memorabilia zoologica», N 6. Warszawa, 1961, 96 s.

М а л ь д з і с А . У джунглях Паўднёвай Амерыкі. «Бярозка», 1963, № 11, стар. 28.

Н. К. Судзиловский

Ф. П. Антисептическое лечение ран по Листеру. «Московская медицинская газета», 1875, № 22, стр. 727-731; № 25, стр. 821-828; № 29, стр. 936-942.

R ü s s e l N. Asupra methodei antiseptice de tratament in chirurgie. Pitesci, 1877.

R ü s s e l N. Un studiu psihiatric, urmat de citeva comentarii asupra ideilor sänätoase. Ja?i, 1880.

Д. Письмо из Филиппополя. «Северный вестник», 1885, № 4, декабрь, стр. 226-238.

И в а н о в и ч И. Сентябрьская революция в Румелии. Там же, 1886, № 9, сентябрь, стр. 89-98; № 10, октябрь, стр. 23-70.

Д-р И. Б. В океанской деревне. «Книжки недели», 1893, ноябрь, стр. 42-101; декабрь, стр. 112-153.

Д-р И. Б. Среди гавайских вулканов. (Из путевых заметок). «Книжки недели», 1895, июнь, стр. 126-145; июль, стр. 83-100; август, стр. 46-67; сентябрь, стр. 119-141; октябрь, стр. 91-117.

Д-р Р у с с е л ь И. ?Китие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского. М., 1895.

Д-р И. Б. Письмо из Америки. «Русское богатство», 1904, декабрь, стр. 52-61.

В плену. Сборник передовых статей из журнала «Япония и Россия», издававшегося для пленных в течение второго полугодия 1905 г. в г. Кобе в Японии д-ром Николаем Руссель. Кобе, января 1-го, 1906, 106 с.

Д-р Р у с с е л ь Н и к о л а й . Последовательная демократия. Нагасаки, января 1-го, 1907, 58 с.

Д-р Р у с с е л ь Н. На политические темы. Типография Товарищества «Дальний Восток», Нагасаки, 10 мая 1907, 122 с.

И. Б. Природа Гавайских островов. В кн.: Австралия и полярные страны. Иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым, изд. 2-е. М„ 1907, стр. 197-205.

И. Б. В океанской деревне. Там же, стр. 205-215.

И. Б. По Гавайским островам. Там же, стр. 215-225.

И. Б. Восхождение на Килауэа. Там же, стр. 225-235.

Р у с с е л ь Н и к о л а й . Мысли вслух. 2-е исправленное и дополненное издание. Нагасаки, 1916, 158 с.

С у д з и л о в с к и й (Р у с с е л ь) Н. К. Послесловие к статье Дж. Кеннана «Как велось просвещение среди русских солдат в Японии». «Каторга и ссылка», 1927, № 2, стр. 165-176.

(И. Б.) Восхождение на Килауэа. В кн.: Хрестоматия по физической географии. Пособие для учителей. Сост. С. В. Чефоанов, Е. Ф. Юзефович, В. А. Рауш. М„ 1937, стр. 136-139.

Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. СПб, 1906, стр. 113, 124.

Лазарев Е. Е. Гавайский сенатор. «Былое», 1907, № 6/18, стр. 164-188.

Кудржинский. Русские революционеры и японцы. «Былое», 1907, № 6/18, стр. 189-193.

Судзиловский Николай Константинович (доктор Руссель) (о нем). Большая энциклопедия, т. 22, под ред. С. Н. Южакова. СПб, 1909, стр. 556.

Волков Е. З. Христо Ботев (на заре балканского революционного коммунизма). М., 1923, стр. 201.

Гольденберг И. Воспоминания. «Каторга и ссылка», 1924, № 5, стр. 116.

Дейч Л. Г. Шестнадцать лет в Сибири, изд. 3-е. М., 1924, стр. 316-318.

Дейч Л. Г. Из Карийских тетрадей. «Каторга и ссылка», 1926, № 4, стр. 128-129.

Бакалов Г. Русские друзья Христо Ботева. «Летописи марксизма», 1926, т. 2, стр. 50-56.

Дейч Л. Г. Финансы группы «Освобождение труда». «Каторга и ссылка», 1928, № 6, стр. 310.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929, стр. 90.

Бакалов Г. Русская революционная эмиграция среди болгар. «Каторга и ссылка», 1930, № 3, стр. 105-120; № 4, стр. 112-148.

Попов И. И. Н. К. Руссель-Судзиловский. «Каторга и ссылка», 1930, № 6, стр. 168-176.

Бакалов Г. О связи Н. К. Руссель-Судзиловского с болгарами. «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 185-193.

Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь (от предшественников декабристов до падения царизма), т. 2. 70-е годы. Вып. 4 («С-Я»), (ML), 1931, сост. А. А. Шилов и М. Г.Карнаухова, стр. 1646.

Руссель-Судзиловский Николай Константинович (о нем). Боль шая медицинская энциклопедия, т. 29, 1934, стр. 420-421.

Христу В. За ботевския другар доктор Николае Зубку-Кодряну. «Исторически преглед». Година 5, кн. 3-4, 1949, стр. 493.

Ботев Христо. Публицистика. М., 1953, стр. 447.

Haupt G. H. Din istoricul legäturilor revolutionäre Romino-Ruse 1849-1881. Bucuresti, 1955, p. 104, 116, 153-158, 165, 167, 181, 229-230, 242, 245, 250, 253.

Хейфец А. Н. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 97—98.

Haupt C. H. Revolutionarii Rusi in Rominia in doua jumätate a veacului al XIX-lea. Relatii Romino-Ruse in trecut. Sub ingr. P. Constantinescu-Jasi. Bucuresti, 1957. p. 193-213.

Inceputu] räspindirii marxismului in Rominia. Crearea Partidului .social-democrat al muncitorilor din Rominia (1893). RSDMR intre anii 1893 si 1900. Bucuresti, 1957, 61 p.

Б о л о г а В. Прогрессивное наследие румынской медицины XIX-XX веков. «Советское здравоохранение», 1958, № 6, стр. 54.

Н о в и к о в-П р и б о й А. С. Цусима, кн. 2. М., 1959, стр. 466.

И в а н о в а Г. Д. Котоку — революционер и литератор. М., 1959, стр. 62 и др.

К ю з а д ж я н Л. С. О влиянии русской революции 1905-1907 гг. на китайских революционных демократов. «Вестник мировой культуры», 1959, № 6, стр. 39.

М е л ь н и к о в М. Ф. Добрый русский доктор. «Огонек», 1960, № 7, стр. 23-24.

G h e l e r t e r J. Din viaja si activitatea doctorului Nicolae Russel (1850-1930). Din istoria medicina rominesti si universale. Sub ingr. V. Bologa. Bucuresti, 1962, p. 351-377.

М е х а ў Ул. Мікалай Судзілоўскі — Каука-Лукіні. «Беларусь», 1964, № 10, стар. 27.

А б р а м а в и ч у с В. Е., Д ь я к о в В. А. Валерий Врублевский. В кн.: За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года. М., 1964, стр. 419.

В е к о в А. Х. Българско-руски революционни връзки. 1885-1917 гг. София, 1917, стр. 17.

М а р г в е л а ш в и л и В. Русский — президент гавайского сената. «Молодая гвардия», 1966, № 2, стр. 222-223.

Ю р' е ў П. Беларус — прэзідэнтам Гавайскіх астравоў. «Ніва», Беласток, 1966, 27 сакавіка, № 13 (526), стар. 4-5.

М е х а ў Ул. (Н. К. Судзілоўскі). Старонкі беларускай энцыклапедыі. «Полымя», 1966, № 8, стар. 188-189.

Д и ч а р о в З. Николай Руссель в Сан-Франциско. «Неман», 1966, № 12, стр. 183-186.

Е с к е н а з и Ж. Към въпроса за руските здравни работници революционни емигранти в България в края на XIX век. Тезиси на докладите и съобщенията. Втора национална конференция по история на медицината посветена на българо-руската и българо-съветската дружба. По повод 50-годишнината на съветската власт и 90-годишнината на началото на освободителната война (1877-1878 гг.). София, 1966, стр. 39.

Ш е л у д к о Н. Доктор Йоаким Исакович Транен. Там же, стр. 43-44.

А и е в П. Доктор Николай Константинович Судзиловский (Русел) в Пловдив — 1881-1887 год. «Съвременна медицина», 1967, № 5, стр. 414-415.

И. Гошкевич

Г о ш к е в и ч И. Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, Т. I. СПб, 1852, стр. 361-382.

Он же. О китайских счетах. Там же, т. II. СПб, 1853, стр. 169-194.

Он Hie. Императорское, или благовонное, пшено (скороспелое) юй-дао-ми или сянь-дао-ми. Там же, т. III. СПб, 1857, стр. 125.

Он же. О разведении шань-ян. Discoracea alat'l (картофель). Там же, т. III, стр. 119-124.

Он же. Хонкон (из записок русского путешественника). Там же, т. III, стр. 393-409.

Он же. О шелководстве (перевод с китайского). Там же, т. III, стр. 411-450.

Он же. Японо-русский словарь. СПб, 1857, XVI 1 + 462 с.

Он же. О корнях японского языка. Вильно, 1899, 109 с.

Рапорт генерал-адъютанта Путятина его императорскому высочеству управляющему Морским министерством. Симода, 1/13 февраля 1885 г. «Морской сборник», т. 17, № 7, отд. 2, стр. 242-243.

Вержболович М. Второй период существования Минской духовной семинарии (1817-1840). «Минские епархиальные ведомости», 1896, № 2, стр. 55-63.

И. Г. От издателя. В кн.: И. Гошкевич. О корнях японского языка. Вильно, 1899, стр. 1-3.

Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVII 1-ми курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814-1869 гг. СПб, 1907, стр. XLIX.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». В кн.: И. А. Гончаров. Собр. соч., Т. 3. М„ 1953, стр. 89. 255, 257 и др.

Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960, 692 с.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель, т. «А—М». М., 1962, стр. 204.

Чехонин Б. Русские гости. «Известия», 24 июля 1966 г.

Б. Дыбовский

Janik M. Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928, 472 s.

Domaniewski J. Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954, 176 s.

Brzęk G. Sprawa powołania Benedykta Dybowskiego na katedrę zoologii w Uniwersytecie Jagiellońskim w świetle dokumentów. «Kwartalnik historii nauki i techniki», 1957, N 3, str. 529-544.

Худзиковская Я., Ястер Я. Люди великой отваги. М., 1957, стр. 144-161.

Chudzików ska J., Jaster J. Tajemnice Świętego morza czyli Benedykta Dybowskiego żywot nieurojony. Warszawa, 1957.

Мальдис А. Неутомимый исследователь Сибири. В кн.: Рассказы о наших земляках. Молодечно, 1959, стр. 83-86.

Kowalska K., Miklaszewsk a-M roczkowska A. Benedykt Dybowski. Cz. I. Wrocław—Warszawa, 1960, 98 s.

Винкевич Г. (А.). Б. Дыбовский (основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961, 60 с.

Г р и ц к е в и ч В. П. Выходцы из Белоруссии в Тартуском университете в XIX веке. Тезисы докладов V Межреспубликанской конференции по истории науки. Тарту, 1964, стр. 87—88.

В и н к е в и ч Г. (А.). Выдающийся географ и путешественник. Минск, 1965, 106 с.

Я. Черский

Ч е р с к и й И. Д. Сведения об экспедиции Императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. 1. Путешествие от Якутска до Верхне-Колымска летом 1891 года. Из писем к непременному секретарю Академии и к адъюнкту Ф. Д. Плеске. Приложение № 3. Записки Академии наук, т. 68. СПб, 1892.

Ч е р с к и й И. Д. Сведения об экспедиции Императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. Приложение № 8. Записки Академии наук, т. 71. СПб, 1893, 32 с.

Ч е р с к и й И. Д. Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны. Год первый (1891) от г. Якутска через верхнее течение р. Индигирки до с. Верхне-Колымска. Приложение № 5. Записки Академии наук, т. 73. СПб, 1893, 35 с.

Р е в з и н Г. И. Подвиг жизни Ивана Черского. М.-Л., 1952, 108 с.

И . Д . Ч е р с к и й . Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск, 1956, 370 с. (с подробной библиографией).

Х у д з и к о в с к а я Я., Я с т е р Я. Люди великой отваги. М., 1957, стр. 185-205.

О б р у ч е в В. А. Иван Дементьевич Черский. В кн.: Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Геология и география. Под ред. И. В. Кузнецова. М., 1962, стр. 38-45.

А. И. Вилькицкий

Вилькицкий Андрей Ипполитович (о нем). Военная энциклопедия, т. 6. Верещагин-Воинская повинность. СПб, 1912, стр. 386-387.

Андрей Ипполитович Вилькицкий (о нем). В кн.: Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением.

Вып. XXXVI. СПб, 1913, стр. I-VI.

М о р д о в и и К. (П.). Памяти Андрея Ипполитовича Вилькицкого. + 26 февраля 1913 г. (воспоминания и впечатления). Там же, стр. VII-XXXIX (есть отдельное издание: СПб, 1913, 33 е.).

Б л и н о в С. П., М е с с е р П. В. Столетие Гидрографического управления. Л., 1927, стр. X-XI.

Русские мореплаватели. М., 1953, стр. 491.

Е в г е н ь е в М. Исследователь северных морей (к 40-летию со дня смерти).. «Водный транспорт», 1953, 1 октября.

Б. А. Вилькицкий

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель, т. I. «А — М». М„ 1962, стр. 141.

Е в г е н о в Н. Н., К у п е ц к и й В. Н. Русский полярный исследователь — Б. А. Вилькицкий. «Летопись Севера», т. IV. М., 1964, стр. 223—228.

(Кремер В.) 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. М., 1966, 272 с.

О. Ю. Шмидт

Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. Сборник, посвященный Герою Советского Союза О. Ю. Шмидту (1891-1956). М., 1959, 470 с.

В о д о п ь я н о в М. В., Г р и г о р ь е в Г. К. 1 Іовесть о ледовом комиссаре. М„ 1959, 199 с.

Б у й н и ц к и й В. Х. Отто Юльевич Шмидт. В кн.: Отечественные физико-географы. Под ред. Н. Н. Баранского, Н. Б. Дика,

Ю. К. Ефремова, А. И. Соловьева, Н. А. Солнцева. М., 1959, стр. 766-774.

П о д в и г и н а Е., В и н о г р а д о в Л. Академик и герой. м„ 1960, 31 с.

Общая литература

Д а м і н і к о ў с к і Ф. Выдатныя географы-беларусы. «Полымя», 1945, № 7-8, стар. 152-166.

Г р и ц к е в и ч В. П. Из истории страноведения в Белоруссии и Литве. История и методология естествознания. Минск, 1966, стр. 131-136.

Содержание

Валентин Петрович ГРИЦКЕВИЧ
Путешествия н а ш и х земляков
Издательство „Наука и техника"
Минск, Ленинский проспект, 68
Редактор Ю. Березкин
Художественный редактор А. Усачев
Технический редактор Г. Якубовская
Корректор С. Шинкевич

АТ 15134. Сдано в набор 1/Ш -68 г. Подписано к печати 6/V-68 Г. Формат 70ХЮ87з2. Бумага энцикл. № 1. Физ. печ. л. 7,375. Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,3. Изд. зак. 328. Тип. зак. 238. Тираж 6000 экз. Цена 43 коп.

Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства „Наука н техника" АН БССР и Госкомитета Совета Министров БССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 68.

Грицкевич В. П.

Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск, «Наука и техника», 1968. 236 с. с илл. 6000 экз. 43 к. В перепл.

В книгу вошли описания путешествий Миколая Радзивилла (Сиротки), С. Русецкой, А. Сапеги, И. Домейко, К. Ельского, Б. Дыбовского, Я. Черского, Н. Судзиловского, А. Вилькиикого, О. Шмидта. — Библиогр.: с. 223-233.